

Александръ Кругловъ.

126051

Звонкой городъ.

(Путевые наброски).

Издание второе.

МОСКВА.

в книгопродавца М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.

1902.

СОЧИНЕНИЯ А. В. КРУГЛОВА:

I.

Живыя души. Очерки и рассказы. Изд. 2-е, Въ 2-хъ томахъ (т. I: „Не герой“, т. II: „На чужомъ полѣ“). Ц. каждаго тома 1 руб. Свои-чужие. Романъ. Ц. 1 руб. Подъ колесомъ мизан. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. Губернскія сказки. Сатирическіе повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 80 к.

*Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е. Ц. 1 руб.

Господа земцы. Очерки и картинки. Ц. 75 к.

Провинціальныя корреспонденты. Повѣсть и рассказъ. Ц. 75 к.

Въ стѣнныхъ лѣсахъ. Рассказы. Ц. 15 к.

Совѣсть проснулась. Рассказъ. М. 1901 г. Ц. 15 к.

На исторической рѣкѣ. Путевыя очерки. Ц. 1 руб.

*Немудреное счастье. Романъ. Ц. 1 руб.

*Литература „маленькаго народа“. Критико-педагогическія бесѣды по вопросамъ дѣтской литературы. 2 вып. М. 1897. Ц. кажд. вып. 85 к.

*Стихотворенія. М. 1897 г. М. 1 р. 25 к.

Старь и новь. Повѣсти, очерки и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

*Господа престолы. Деревенскіе вылаты. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

*Нюхскій Асоль. Очерки историческаго уголка. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 25 к. Въ папкѣ 35 к.

*Дочна-ректорша. Повесть. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Страшный дядя. Рассказъ. М. 1901 г. Ц. 15 к.

*Любовь и Истина. (Духовныя метелы). Стихотворенія. М. 1899 г. Ц. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

Благородныя чтецы. Для школьнаго и семейнаго чтенія:

*Васили Великій. М. 1899 г. Ц. 30 к.

*Ш. Григорій Богословъ. М. 1899 г. Ц. 25 к.

*И. Иоаннъ Златоустъ. М. 1900 г. Ц. 45 к.

*Св. Пимолія Чудотворецъ. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Изъ дневника православнаго мірянина. М. 1901 г. Ц. 30 к.

Кремлядскій гастры. Очеркъ. Ц. 25 к.

Потдальныя выпуски серіи „ГОСПОДА КРЕСТЬЯНЕ“:

1) *Бабай. М. 1901. Ц. 10 к. — 2) *Шалыганъ. М. 1901 г. Ц. 15 к. — 3) *Прятный мужикъ. М. 1901 г. Ц. 15 к. — 4) *На господскую ногу. М. 1901. Ц. 25 к. — 5) *Степанъ Бѣлыхъ. М. 1901 г. Ц. 15 к. — 6) *Генеральскій Прохоръ. М. 1901 г. Ц. 20 к. — 7) *Пела. М. 1901 г. Ц. 20 к. — 8) *Умственный мужикъ. М. 1901 г. Ц. 15 к. — 9) *Дервзенскія модницы. М. 1901 г. Ц. 15 к. — 10) *Аруль и Онуфрій. М. 1901 г. Ц. 15 к.

Въчевой городъ.

(Путевыя наброски).

Изданіе второе.

426 051

МОСКВА.

Изданіе книгопродавца М. В. Ключкина, Моховая, д. Бенкендорфъ.
1902.

45

ПРЕДИСЛОВІЕ.

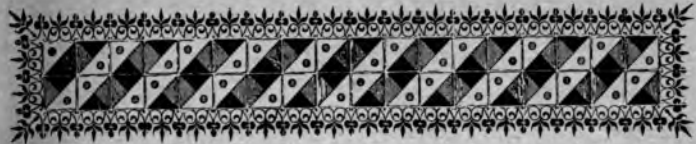
Предлагаемые здѣсь путевые наброски, написанные въ 1886 году, были сначала помѣщены въ журналъ „Новь“, а уже затѣмъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ, въ 1890 году. Помимо личныхъ впечатлѣній и воспоминаній, я пользовался, гдѣ это необходимо, и тѣми источниками, которые были у меня.

Я оставляю текстъ почти безъ перемѣны, потому что все занесенное въ наброски—характеризуетъ городъ и его жизнь, хотя кое-что уже и смѣнилось за послѣдніе годы. Я только выкинулъ то, что имѣло слишкомъ временное значеніе, да прибавилъ, гдѣ это было нужно, примѣчанія.

Авторъ.

Москва. 1902, Мартъ.

русская

Быль славенъ онъ на всей Русь,
Могучъ, силенъ, богатъ...
На вѣчъ онъ творилъ свой судъ,
На вѣчъ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей.

...Въ туманѣ чернѣла,
Горой поднимаясь, земля,
И рѣзко на ней выдѣлялись
Зубчатая стѣны Кремля.
За ними, вѣнчаясь крестами,
Невольню приковалъ взоръ,
Краса Новограда, Софи—
Премудрости Божьей Соборъ...

I.

Картинки.—Лѣса и маіоръ.—Литературная бѣсѣда.—Штабы.—
Барыня намутила.—На пристани.

Пароходъ бѣжалъ и бѣжалъ, шумя своими колесами, разбрасывая бѣлыя брызги. Тонкая, розовая полоска зорьки стала понемногу рассыпаться; она какъ-бы вступала въ борьбу съ окружающею мглою и, побѣждая эту послѣднюю, разрастаясь, алѣла все болѣе и болѣе. Туманъ разсѣивался. Все будто чутко прислушивалось къ пробужденію земли.

На пароходѣ было тихо. Пассажиры дремали,

а нѣкоторые и спали отличнымъ манеромъ. Только какой-то военный врачъ, мѣрно расхаживалъ по палубѣ, покуривая сигару. Да не спалъ рулевой, стоявшій на площадкѣ. Даже пароходная прислуга—и та дремала, сидя, въ ожиданіи звонка, который раздается всякій разъ, какъ только надо взять или спустить пассажира.

— Какое, однако, все безлѣсье! промолвилъ вдругъ врачъ, подсаживаясь ко мнѣ на диванъ.

(Часть палубы, назначенная для перваго класса, покрыта зонтомъ и уставлена диванами съ мягкими подушками).

— Да, лѣсовъ мало.

— Совсѣмъ нѣтъ почти... Если бы не эти великаны,—онъ указалъ на деревья, въ два ряда тянувшіяся по аракчеевскому шоссе, — совсѣмъ былъ бы пустырь. А вѣдь когда-то...

Онъ махнулъ сердито рукою.

— Да, дѣйствительно, всѣ эти мѣста когда то были покрыты лѣсомъ... Но при устройствѣ военныхъ поселеній лѣса уничтожались... Их просто рубили и жгли... Часто по приказу самого Аракчеева, а иногда и благодаря слишкомъ усердной исполнительности неразумныхъ его подчиненныхъ. Извѣстенъ, напр., такой фактъ—(слѣдовало бы сказать курьезъ, если бы фактъ не былъ настолько грустенъ): одному своему подчиненному, какому то маіору, Аракчеевъ приказалъ почистить рощу; маіоръ это понималъ своеобразно и почистилъ такъ, что отъ рощи ничего не осталось.

— Слезъ-то, слезъ-то сколько здѣсь въ землѣ зарыто, элегически сказалъ докторъ.

— И денегъ—прибавьте.

— Ужъ это само собою понятно... Онъ и зарыты и прожиты... Да это такая аксіома, противъ которой и не спорять...

Спустя нѣсколько минутъ врачъ отправился въ каюту, чтобы „соснуть“.

Пароходъ поровнялся съ помѣщицъей усадьбой. Прямо къ рѣкѣ, по крутой покатости холма, бѣгалъ тѣнистый садъ. Среди него, изъ-за густыхъ вѣтвей, кокетливо выглянулъ нарядный красавецъ-домъ сѣраго цвѣта, съ легкими, бѣлыми какъ снѣгъ. колоннами, рѣзко выдѣлявшимися на темномъ фонѣ зелени. Съ одной стороны, на кручу косогора всползла нива колосистой ржи. На самой вершинѣ косогора, вся на воздухѣ, обрисовывалась мельница съ распростертыми вверхъ крыльями, казавшаяся бабочкой, готовой ежеминутно вспорхнуть и улетѣть въ лазурную высь. Съ другой стороны дома опять потянулся нескончаемый лѣсъ. Много простора для глаза, много воздуха, и ниръ ласкала взоръ, манила къ себѣ.

Востокъ рдѣлъ и пылалъ. Розсыя краски перешли въ багряно-пурпурныя, каемки облачковъ позолотились; облака вытянулись въ длину. Птицы съ рѣзкимъ крикомъ и щебетаньемъ носились въ воздухѣ. Дунулъ порывъ легкаго вѣтра. Деревья какъ бы нетерпѣливо зашуршали вѣтвями. Чувствовалось напряженіе энергіи въ природѣ. Оно сразу разрѣшилось, точно по мановенію волшебнаго жезла, когда на горизонтѣ сверкнулъ огненный дискъ солнца, своими первыми лучами зажегшій радужныя блестки въ капляхъ росы, обильно

покрывавшей зелень. Самоцвѣтные камни осыпались съ деревьевъ при вѣтрѣ, брилліанты сверкали въ чашечкахъ цвѣтовъ. Деревья и кустарники попережнему попадались отдѣльными купами. Природа ликовала, привѣтствуя солнце. Косы лучи его только лизнули поверхность воды. Волховъ казался въ эту минуту искрометной влагой пѣнившейся въ драгоценномъ зеленомъ кубкѣ сверкавшемъ богатой отдѣлкой. Не хотѣлось сойти съ палубы; трудно было оторваться отъ прекраснаго видѣнія, отъ волшебной панорамы, развертывавшейся передъ глазами.

Вотъ опять началось широкое, ржаное поле, — признакъ близости деревни. На горизонтѣ, дѣйствительно, тянутся кверху тонкія струйки дыма. Масса женщинъ кажется роємъ разбѣжавшихся букашекъ. Тамъ мелькаетъ красный платокъ, тутъ крашенинный сарафанъ, бѣлая, расшитая по подолу сорочка, цвѣтная юбка и т. д. Лица и руки — точно вылиты изъ бронзы. Звонкая пѣсня несется издали. Мало-по-малу она подхватывается остальными и дружно звенить надъ нивой, оглашая воздухъ своими незатѣйливыми переливами.

А пароходъ бѣжитъ и бѣжитъ... Не одинъ разъ уже онъ останавливался, принимая и выпуская пассажировъ...

— Дядя Ликсѣй!

— Архипушка, здорово! Что горемычной, твои то погорѣли?

— Какъ есть все... Въ одной рубахѣ выскочили...

— Животовъ не спасли?

— Ни!.. И коровы сгорѣли!

— А-а-ахъ, сердешные!

— Почитай вся деревня выгорѣла!.. То-ись такое горе... Какъ и подняться—не знаютъ...

— Развѣ у нихъ не застраховано? спрашиваю я.

— Не, штрафовка была, да што-жъ въ ей проку!.. теперь кому три, кому пять рублей выдаютъ.

— Это какимъ образомъ?

— Да вотъ какъ.

Насилу я узналъ въ чемъ дѣло. Считаю страховку *штрафовкой*, многіе старались вносить этой штрафовки возможно меньше, и вотъ теперь расплачиваются за это.

— Что вы садовъ не разводите мсжду домами, какъ колонисты?.. Для пожаровъ это отлично.

— Што говорить, деревья, зелень эта самая сподручно...

— Ну, такъ что же?

— Да ужъ такъ — не заведено, потому отцы и дѣды...

— Да, вѣдь, лучше?

— Какъ же, вѣстимо лучше... да оно, вишь, ужъ отцы и дѣды...

Словомъ, сказка объ украденномъ полшубкѣ — исторія безъ конца...

— Русска швинь и глюпъ! говоритъ мой зна-
комый нѣмецъ.

Нѣтъ, не *швинь* и не *глупъ*, а именно... какъ
выразился Некрасовъ:

Мужикъ—что быкъ: втемяшется
Въ башку коль что, оттудова
Коломъ не выбьешь...

Потянулись штабы—съ ихъ длинными казарма-
ми, окрашенными бѣлой и желтой красками, съ
кучей лагерныхъ палатокъ. Всѣ эти штабы яви-
лись вслѣдствіе учрежденія военныхъ поселеній,
которыя покрывали все побережье Волхова. По
уничтоженіи аракеевской затѣи, въ оставшіяся
казармы воиновъ-пахарей помѣстили настоящее
войско... Нечего и говорить, что въ штабахъ—
жизнь скучна, даже при офицерскомъ умѣннѣ сдѣ-
лать жизнь наивозможно-веселою, благодаря соли-
дарности, какой теперь нигдѣ, кромѣ войска, уже
и не найдете.

Утренняя свѣжесть давала себя чувствовать
все сильнѣе и сильнѣе. Массы тончайшихъ брызгъ,
выбиваемыхъ изъ-подъ колесныхъ щитовъ, рѣяли
вокругъ парохода и дѣлали воздухъ сырмъ и хо-
лоднымъ. Начало, какъ говорится, „прохватывать“,
и я спустился въ каюту, чтобы полежать и обо-
грѣться немножко.

Врачъ не спалъ; онъ лежалъ на диванѣ и ку-
рилъ сигару.

— Что, спать пришли? промолвилъ онъ, пу-
ская кольца дыма.

— Нѣтъ, свѣжо... А вы что-же не спите?

— Не спится...

Я прилежъ.

— Послушайте, вдругъ произнесъ врачъ:—
извините за вопросъ: вы не корреспондентъ?

— Почему это вы спрашиваете?

— Да вы говорили, что ни родныхъ, ни близ-
кихъ знакомыхъ у васъ въ Новгородѣ нѣтъ...

— Что же изъ этого?

— И ѣдете туда... Это—рѣдкость... Впрочемъ,
простите за вопросъ... Я вотъ лежалъ и думалъ:
отчего такая разница между нами и европейцами:
тѣ изъ Лондона ѣдутъ смотрѣть рѣшетку Лѣтня-
го сада въ Петербургѣ, а мы за сто верстъ не
двинемся нарочно, чтобы посмотрѣть свои древ-
ности, будь имъ хоть тысяча лѣтъ...

— И поѣдемъ въ сады, чтобы видѣть ножки
заѣзжей балерины?

— Вотъ именно... Неужели мы такъ еще ди-
ки... Конечно, я говорю о большинствѣ...

— Да, фактъ грустный... Недаромъ вы и спро-
сили меня... А сами вы...

— Не корреспондентъ, могу увѣрить.. ѣду въ
гости... А по правдѣ сказать—жалѣю, что немо-
гу писать... Корреспондентъ наимолезнѣйшій членъ
общества...

— Находите? Не всѣ такого мнѣнія.

— Ну, противъ него только тѣ, у кого рыльце
въ пуху, или кто исповѣдуетъ катехизисъ Кита
Китыча... А я вотъ прямо скажу: корреспонден-
ты—необходимы. Пусть ихъ будетъ больше... во

всѣхъ городахъ... Да, одинъ—корреспондентъ очисти наши клоаки, познакомить съ Русью поблику... Я, конечно, говорю о настоящихъ корреспондентахъ, а не о тѣхъ, что *пробираютъ* и *нишутъ* пасквили...

— Да, но вѣдь настоящаго типа корреспондента, даже репортера—въ Россіи еще нѣтъ, если строго судить... Молчановъ—это слабый намекъ...

— А отчего?

— Причинъ много... Одна изъ нихъ—бѣдность и скупость нашихъ газетъ... Онѣ любятъ жать, гдѣ не сѣютъ... что называется—на обухъ рожь молотить... Вотъ вамъ фактъ: одного молодого чело- ловѣка редація просила объѣхать Вологодскій уѣздъ, изслѣдовать его и написать статью въ листъ, и за этотъ листъ предложила 40 р.!.. Другому та же газета предложила ѣхать на войну и писать по 5 коп. за строку... Развѣ такъ за границей? А сверхъ того—нашему корреспонденту еще *многого* и недостаетъ...

— И нашему обществу также...

— Да... мы еще не умѣемъ обращаться съ корреспондентами... За границей ихъ принимаетъ самъ министръ, лучшіе люди страны сообщаютъ имъ планы, дѣлятся мыслями... Тамъ корреспонденту—почетное мѣсто. А у насъ?.. Мы ему въ лицѣ каждаго писаря и всякой управы устраиваемъ тормазъ! Всякій на него смотритъ свысока, и мало-грамотный купецъ зоветъ его писалкой... Онъ—доносчикъ, „критикъ;“ надъ нимъ или глумятся, или его боятся какъ жупела...

— Батюшка! Если вы не корреспондентъ—такъ были имъ или будете, сказалъ врачъ. Завязался разговоръ на эту тему, и мы уже начали вступать въ область мечтаній, какъ вдругъ раздался страшный крикъ въ дамской...

— Капитана, скорѣе капитана! послышался испуганный женскій голосъ.— Да гдѣ же это капитанъ?.. мы вѣдь тонемъ, какъ онъ не видитъ этого!..

Въ каютѣ всѣ вскочили... Толстая фигура въ обломѣ пиджакѣ поднялась съ легкостью мальчика начала второпяхъ надѣвать пальто подоломъ кверху... На палубѣ тоже засуетились. Сама ба- рыня—растрепанная выскочила изъ каюты и по- лѣстницѣ выбѣжала на палубу. Явился разбужен- ный капитанъ и вмѣстѣ съ барыней спустился въ каюту, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

— Что такое?

— Да вы слышите?

— Слышу...

— Вѣдь это же необычайный шумъ.

— Напротивъ—постоянный...

— Я же не слыхала его до сихъ поръ!

Капитанъ пожалъ плечами и ушелъ. Но бары- ня долго не могла успокоиться и сѣла, положив- ши къ себѣ на колѣна сакъ-вожатъ.

— Да въ чемъ дѣло? спросили мы у лакея, вошедшаго въ нашу каюту.

— Ничего... барыня намутила.., видно со сна.

— Ахъ, чтобъ ее... Давайте пить чай, если ужъ разбудили,—промолвила толстая фигура.

Соблазнились и мы, но покаялись. Если и бы-

васть чай хуже, чѣмъ на волховскихъ пароходахъ, такъ это развѣ на томъ постояломъ дворѣ, о которомъ упоминаетъ Якушкинъ, въ письмахъ изъ Новгородской губерніи.

Не особенно далеко былъ уже и Новгородъ. Мы съ врачомъ опять вышли на палубу. Пароходъ шелъ обычнымъ ходомъ. По сторонамъ Волхова тамъ и сямъ мелькали сѣрыя крестьянскія постройки шаблонной формы, и надо всѣмъ этимъ возносились колоссальныя соборы монастырей, находящихся не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другого; они своимъ величіемъ подавляли жалкія деревушки. Домики послѣднихъ, казалось, въ страхѣ ютились другъ къ другу, съ подобострастіемъ взирая на древнихъ гигантовъ своими подслѣноватыми окнами. Ихъ слѣпилъ блескъ золоченыхъ главъ, горѣвшихъ на солнцѣ.

Вотъ стоятъ величаво спокойныя постройки Хутынскаго монастыря, съ бѣлымъ соборомъ во главѣ. Ихъ окутала вѣковой садъ съ роскошною зеленью, которая будто темнымъ пятномъ вырисовывается на блѣдной лазури неба. Старинный садъ словно хочетъ сбѣжать съ небольшого холма, разростись въ ширь и въ даль; но монастырь окруженъ, какъ кольцомъ, бѣлой каменной стѣной, сквавшей и жизнь человѣческую и жизнь растений.

Подвигаемся далѣе.

Вотъ раскинулся монастырь Деревяницкій, тоже утопающій въ зелени, а на противоположномъ берегу вырѣзались деревянныя постройки Колмова, которыя охраняются, точно сторожевымъ псомъ,

высокимъ каменнымъ домомъ — колмовской богадѣльней.

Нѣсколько взмаховъ колесъ — и показался Новгородъ, во всей своей красѣ, съ мостомъ, висящимъ какъ-бы на воздухѣ. Но за поворотомъ рѣки виднѣе исчезаетъ, какъ миражъ. Широко расплзлись по холму зданія Антоніева монастыря и духовной семинаріи. Архитектура ихъ тяжела. Постройки гнѣзятся въ безпорядкѣ, массивны и нѣсколько неуклюжи.

Мы уже у города. Вотъ видна и пристань. Толпы народа... Всѣ зашевелились на пароходѣ. Раздался рѣзкій свистокъ — и пароходъ началъ причаливать къ пристани.

— Вы въ гостиницу? спросилъ врачъ.

— Да, а вы?

— Я къ сестрѣ.

Мы распрощались.

II.

Извозчики.—Соловьевская гостиница.—Напрасные розыски.—Чужая помощь.

Странная логика у русскаго простаго человѣка... Версту онъ ѣдетъ, положимъ, за четвертакъ; дай-те ему пятачекъ за три сажени, — не двинется! „Эка штука пятачекъ!“ скажетъ онъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго: вышла дама изъ подъѣзда на Невскомъ, противъ Знаменія, и нанимаетъ за пятачекъ до этой церкви. Извозчикъ и слушать не хочетъ:—гривенникъ!.. Я сейчасъ-же даю пятиалтынный до Гостиннаго двора,—поѣхалъ. Сообразите-же: сколько пятачковыхъ концовъ? Тоже самое и въ Новгородѣ: отъ пристани до Соловьевской гостиницы—рукой подать; попробуйте предложить пятиалтынный, — не посмотрятъ. Запросятъ двадцать копѣекъ, а не то и четвертакъ!..

— Такъ близко! Вѣдь все равно, будешь стоять! Публики не много, и половина извозчиковъ ѣдетъ обратно пустыми.

— Вѣдь вотъ ѣдете также?

— А все же за 15 коп. не повеземъ. Отъ пристани, да за 15 копѣекъ!..

Нельзя за пятиалтынный, лучше даромъ къ ой-же гостиницѣ, чтобы у ея подъѣзда ждать вѣка часа два!.. Не правда-ли, странная логика?..

Но если мука съ извозчиками, то еще больше муки съ гостиницами. Этихъ терзаній вы не избѣжите и въ столицахъ, но особенно тяжело приходится въ провинціи.. За рубль — вамъ дадутъ вѣдь либо хлѣвъ, либо собачью конуру. Мебель истрепанная, бѣлье подозрительной чистоты, прислуга грубоватая... Мимоѣздомъ, въ 1879 г., мнѣ пришлось остановиться въ одной новгородской гостиницѣ. Она была chef d'oeuvre губернскаго неурядства... Не безъ внутренняго содроганія, направился я нынѣ въ Соловьевскій отель. Но, къ счастью, корреспонденціи сдѣлали кое-что (врачъ оказался правъ): гостиница пообчистилась, прислуга стала вѣжливей, дисциплинированнѣе... Только одно смѣшно: вмѣсто звонковъ колокольчики у самыхъ дверей комнатъ, такъ что въ корридорѣ постоянный звонъ, и прислуга мечется—не зная изъ какаго номера зовутъ. Нынѣ такъ дешево электрическіе звонки, что первой-то новгородской гостиницѣ слѣдовало бы завести ихъ... Кормятъ у Соловьева очень недурно и относительно недорого.

Напившись чаю и отдохнувъ немного послѣ дороги, я отправился осматривать городъ. Явилась надобность въ путеводителѣ. Но гдѣ достать его? Вѣщаю, что естественнѣе всего — въ книжныхъ магазинахъ. Въ Новгородѣ ихъ два. Одинъ принадлежитъ Дореру, другой — Гуину. Въ магазинѣ перваго показали мнѣ какую-то печатную окрошку

и заявили, что она стоитъ 75 коп.

— Иного нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Нигдѣ?

— Спросите у Гунина.

Но у Гунина совсѣмъ нѣтъ ничего. Посоветъ вали итти въ соборъ и тамъ спросить.

Отправляюсь. Спрашиваю.

— Нѣтъ, вотъ у памятника спросите... Тамъ солдатъ стоитъ, такъ у него что развѣ...

Иду къ солдату и обращаюсь къ нему съ той-же просьбой.

— Есть.

— Позвольте, воскликнулъ я радостно.

Мнѣ подають брошюру о памятникѣ.

Это не то, я просилъ путеводитель.

— Иного прочаго нѣтъ... Вотъ если...

— Гдѣ я могу достать?

— А снавѣдайтесь въ типографію.

Иду въ типографію губернскаго правленія добиваюсь аудіенціи со зрителемъ. Тоже короткое: „нѣтъ“.

— Къ кому-же обратиться?

— Попробуйте къ редактору „Губернскихъ Вѣдомостей“.

Предстаю предъ свѣтлыя очи его редакторства.

— Нѣтъ! невозмутимо отвѣчаетъ онъ.

— Хотя бы „Памятную книжку“, робко заявляю я.

— Но въ ней ничего нѣтъ!

Получаю книжку, просматриваю и убѣждаюсь

что въ ней дѣйствительно много строкъ и ничего интереснаго.

Въ „гнилой“ Европѣ — въ любомъ мѣстечкѣ — каждый житель знаетъ исторію своего уголка, сообщить все интересное. Вездѣ гиды, брошюры, изслѣдованія. А у насъ? Въ Новгородѣ, въ этой колыбели Русской земли, вы точно въ пустынѣ, никто не знаетъ — что сохранилось, что интересно изъ уцѣлѣвшаго... Издаются „Вѣдомости“, „Памятныя книжки“, но все это одна макулатура. Вы узнаете изъ нихъ, что какой-то Ив. Ив. Бобчинскій изволить подписывать бумаги въ комитетѣ водотолченія, Петръ Ив. Добчинскій состоитъ его помощникомъ, — и не узнаете ничего изъ старины новгородской, ничего — что есть замѣчательнаго въ этомъ городѣ былого величія! Къ чему-же пуды бумаги? Не лучше-ли издать толковый гидъ, съ хорошими рисунками? Пусть подумаетъ объ этомъ городъ, земство, — все общество... Или ни въ комъ нѣтъ и капли любви къ родинѣ, — не имѣется гордости, свойственной цивилизованному обществу?..

Можетъ быть, на это замѣтятъ: гдѣ составители? Не тѣ же чиновники, которые такъ хитро вымѣряютъ отношенія и донесенія, что ихъ почитать — своего рода мудрость... Но развѣ изъ такихъ людей все интеллигентное общество Новгорода? Въ немъ есть, безспорно, люди образованные, ученые, знающіе... Наконецъ вотъ еще что: зачѣмъ вновь составлять? Когда-то въ Новгородѣ жили труженики — Н. К. Отто и И. К. Курьяновъ. Это были люди развитые, способные, немало по-

трудившіеся для губерніи. Перваго изъ нихъ пишущій эти строки, будучи еще ученикомъ вологодской гимназіи, зналъ лично. О второмъ слышалъ отъ знакомыхъ. Не имѣя въ виду барышей единственно изъ любви къ наукѣ, желая быть полезными, — оба они посвятили себя разработкѣ старины. И. К. Купреяновъ составилъ описаніе рукописей библіотеки новгородскаго собора, помѣстивъ рядъ статей въ академическихъ „Извѣстіяхъ“. Онъ-же составилъ и описаніе Новгорода — дѣльное, толковое... Отчего-бы не издать его вновь?

Когда я высказалъ все это одному новгородцу, то онъ, смѣясь, отвѣтилъ мнѣ:

— А зачѣмъ? Это сдѣлали за насъ!

— Кто-же?

— Нѣкто Золотницкій...

— Что-же такое издалъ онъ?

— Да „Путеводитель по Новгородской дорогѣ“... Вотъ вамъ и гидъ!..

Я досталъ этотъ гидъ. Слишкомъ сжато, многое пропущено, но что есть — все очень толково составлено (*).

(*) Послѣ того, какъ это было написано, вышелъ „Путеводитель по Новгороду“, составленный даровитымъ педагогомъ С. З. Буроковскимъ. Путеводитель краткій, но очень дѣльный.

III.

Дерховскій бульварь.—Музей.—Лѣтній садъ.—Дядя Пахомъ.

Потерявши всякую надежду приобрѣсти гидъ или какое-нибудь толковое описаніе Новгорода, утомленный и раздасадованный вернулся я въ гостиницу.

Я попросилъ себѣ чаю и велѣлъ подать газету.

— И афишу изъ сада прикажете?

— Это какую афишу? спросилъ я.

— Изъ сада-съ.. Здѣсь Лѣтній садъ есть...

— Ну?

— Тамъ-съ гулянье сегодня... музыка и все такое прочее....

Каково-бы гулянье ни было, въ саду, конечно, лучше, чѣмъ въ душной комнатѣ, и я, послѣ чая, отправился въ Лѣтній садъ.

Въ него отъ Соловьевской гостиницы можно попасть двумя путями: по перевозу и черезъ мостъ, пройдя весь Кремль. Я не зналъ о первомъ пути и взялъ извозчика, который повезъ меня по набережной Торговой стороны... Когда-то здѣсь берегъ былъ очень низкій, а теперь онъ

поднять и на немъ разведенъ недурной бульваръ. Въ разныхъ мѣстахъ кіоски съ продажей водъ. Бульваръ возникъ благодаря энергіи бывшего губернатора, г. Лерхе, почему бульваръ и называется Лерховскимъ. Онъ еще не особенно густъ, но тѣни все же достаточно, и, конечно, пріятнѣе итти среди тѣни, чѣмъ совсѣмъ по открытой мѣстности. Частыя скамейки даютъ возможность отдохнуть. По вечерамъ здѣсь бываетъ не мало гуляющихъ.

Когда мы проѣзжали Кремлемъ, мой взоръ случайно остановился на маленькомъ домикѣ, въ углу Кремля, за памятникомъ тысячелѣтія...

— Что это? обратился я къ извозчику, указывая на домикъ.

— Это-то? А тутъ, стало, бібліотека, книги, господу берутъ *)... А рядомъ то, вонъ сюда-то ближе, почитай совсѣмъ такой-же домикъ, — такъ это музея прозывается... разные, значить, вещи любопытныя хранятся...

— Вѣдь въ него пускаютъ?..

— Должно пуцаютъ, потому не одна возилъ сюды...

— Завези-ка!

— Да ужъ теперя, господинъ, оно, пожалуй, и поздно...

— Попробуемъ... всего два шага какихъ-нибудь...

*) Библіотека теперь уже закрыта: оказалась растрата книгъ, безпорядки, да и не на что стало содержать бібліотеку, — расходы превышали доходъ.

И не сомнѣвался, что поздно, но что же за важность: если никого нѣтъ, уѣдемъ, а если сторожъ не ушелъ никуда, то попасть можно, — придется только дать ему побольше за труды. На мое счастье, дѣйствительно, сторожъ былъ дома и сразу же очень охотно согласился показать музей.

— Можно и бібліотеку осмотрѣть? спросилъ я на-ходу.

— Отчего жъ, можно-съ, да только бібліотеки нѣтъ, а безъ нея я не могу ничего объяснить вамъ.

Я все-таки заглянулъ въ бібліотеку. Читальная комната — довольно помѣстительна, съ хорошей обстановкой. По стѣнамъ развѣшанные портреты писателей (фотографіи Шапиро) производятъ отличное впечатлѣніе.

— Не знаете, по крайней мѣрѣ, какъ идутъ-ль? спросилъ я сторожа, человѣка вообще sloppily и толковаго.

— Да плохо.. Того и жди, что закроется.. ужъ тутъ не быть и музею.

— Почему же?

— Да вѣдь онъ держится только бібліотекой, что останется. На керосинъ нерѣдко нѣтъ денегъ... Да вотъ увидите...

Музей устроенъ при энергическомъ участіи того-же губернатора Лерхе, который вообще немало потрудился для Новгорода... Музей былъ его любимымъ дѣтищемъ, постоянно пополнялся и поддерживался. Все, что можно было привлечь для

поддержки его, было привлечено. Онъ помѣщаетъ въ маленькой комнаткѣ, полъ которой готов провалиться. Если-бы не предупрежденіе сторожа я сломалъ бы, пожалуй, ногу въ импровизированномъ капканѣ. (Или онъ устроенъ съ научною цѣлью?).

Главное мѣсто въ музей отведено производству фаянсовой фабрики Кузнецова съ Волхова: тарелки и блюда всѣхъ сортовъ, чайные сервизы, масляницы въ формѣ огурцовъ, дынь и т. д. Видѣть нѣсколько колоколовъ и колокольчиковъ — „даръ Валдая“, изъ нихъ подобраны звонъ въ терцію, квинту и октаву...

— А вотъ кольчуги. — промолвилъ сторожъ, рассказывающій хотя и очень кратко, но дѣльно, нѣсколько, не хуже чиновныхъ толмачей въ казенныхъ библиотекахъ и музеяхъ. Вѣдь и у тѣхъ объясненіе тоже-прекрасно выученный урокъ, разница только въ правильности произношенія словъ.

Кольчугъ, шлемовъ, латъ, щитовъ и др. доспѣховъ XIV и XV вѣка — нѣсколько экземпляровъ; изъ оружія — интересы старинныя пищали... Коллекція старинныхъ монетъ не особенно богата, гораздо лучше витрина съ различными женскими украшениями: сергами, брошами, ожерельями и крестиками... Изъ церковныхъ вещей — обращаютъ на себя вниманіе старинные деревянные и желѣзные вѣнцы и деревянное изображеніе Нила столбенскаго въ бесѣдочкѣ; посетитель видитъ его сидящимъ — въ той самой позѣ, въ какой онъ скончался.

Въ передней музея находится часть каменнаго гроба съ надписями. Если прибавить сюда еще произведенія проволочныхъ заводовъ, кустарныя издѣлія изъ бересты и лыка, то будутъ перечислены всѣ богатства новгородскаго музея...

— Есть каталогъ?

— Писанный-то есть, потому составляли, а печатнаго нѣтъ...

— И не будетъ?

— Собирались раньше, спервоначалу-то.

— А теперъ?

— Гдѣ теперъ! До этого-ли... Я вамъ говорю, что денегъ нѣтъ, закроется, чай, скоро вовсе...

Это похоже на насъ, какъ есть въ русскомъ вкусѣ.. Найдется энергичный человѣкъ, положить начало хорошему дѣлу, уйдетъ — и дѣло гибнетъ. Кто станетъ его поддерживать? На что современному Новгороду музей, когда есть у него трактиры.. „Замѣчательныя древности, образцы современнаго производства. Можно наблюдать историческое развитіе!!..“ Ахъ, все это дико для тѣхъ, которые стремятся къ одному развитію, къ одному прогрессу — въ винтѣ.

— Это слишкомъ рѣзко! замѣтилъ мнѣ какъ-то одинъ изъ новгородцевъ.

— Да? Но за меня факты! Развился-ли вашъ музей? Обогащается-ли онъ, обращено-ли на него вниманіе? А развѣ некому? Городъ, земство, администрація, публика.. Некому завѣдывать? А ваши ученые, педагогическія силы?

— Гдѣ деньги?

— Деньги не валяются съ неба, ихъ нужно найти.. Но развѣ ихъ нельзя найти? Устроили вы хотя одинъ вечеръ, концертъ, что-нибудь въ пользу музея?

— Нѣтъ!

Эта фраза раздается постоянно въ нашей жизни, когда необходимо дѣятельно поработать для полезнаго дѣла. Зато нигдѣ и пѣтъ такихъ странныхъ явленій, какъ у насъ: драгоценныя рукописи пудами продаются на толкучку, истребляются на папиросы, сжигаются какъ хламь..

Съ досаднымъ чувствомъ поѣхалъ я въ Лѣтній садъ, откуда доносились звуки военной музыки.

Что недурно въ Новгородѣ—это его садъ, разведенный плѣнными турками въ Севастопольскую компанію.

Вы входите, — широкія аллеи стрѣлами вытянулись передъ вами. Съ обѣихъ сторонъ ихъ обступили мрачныя силуэты гигантскихъ деревьевъ.

Я вошелъ въ садъ со стороны „памятника тысячелѣтія“. У воротъ сидѣли офицеры, продававшіе билеты, которые тутъ-же рвались.

„Однако, народу не очень-то много“, подумалъ я, направляясь по главной аллеѣ, со скамьями по сторонамъ.

Налѣво—будочка съ молокомъ, а направо, нѣсколько въ сторону—гигантскіе шаги, которые оставались пустыми.

Расширяясь, аллея образуетъ полукругъ со множествомъ скамеекъ, противъ павильона для музыкантовъ. За нимъ другой павильонъ съ длинной галлереей: это—ресторанъ. На томъ самомъ

мѣстѣ, гдѣ ротонда замыкается,—будочка съ шипучими водами; здѣсь всегда много народа.

За кіоскомъ шипучихъ водъ аллея раздвояется, при чемъ одна дорожка идетъ къ рѣшеткѣ сада, другая, поднимаясь вверхъ, подъ значительнымъ наклономъ, достигаетъ лѣтняго помѣщенія клуба. Это небольшое деревянное зданіе, красиво расположенное на искусственной возвышенности. Есть отдѣльные кабинеты для желающихъ поужинать семейно. Вираво отъ клуба прекрасная веранда, усыпанная пескомъ, уставленная диванчиками, съ арестнымъ видомъ на Волховъ, такъ какъ она доминируетъ надъ окрестностью на значительное разстояніе...

Вотъ вамъ подробный, хотя, быть можетъ, и нѣсколько сухой эскизъ сада. Я описываю его безъ всякаго отношенія къ гуляню, потому что объ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ въ Новгородѣ поговорю подробно въ другой главѣ. Я скажу только, что новгородцамъ есть гдѣ отдохнуть, погулять и повеселиться... Но веселятся-ли они? Отдыхаютъ-ли? Разумѣется, нѣтъ; по части неумѣнья веселиться — мы, русскіе, можемъ взять призь... Мы будемъ расхаживать по аллеямъ, какъ стадо гусей, расхаживать до тѣхъ поръ, пока не устанутъ ноги. Тогда мы сядемъ и будемъ смотрѣть на тѣхъ, которые еще не устали и ходятъ. Будемъ сплетничать, судить, подвергать „критикъ“ ботинки Марьи Семеновны, платье Анны Павловны, шляпку Вареньки и т. д. Будемъ зѣвать, скушаться,—и возвратимся домой, чтобы залечь на боковую. Вотъ и все наше веселье.

Въ маленькомъ домикѣ клуба шла картежная игра. Прелестный лѣтній вечеръ... Все манитъ къ наслажденію природой, къ движенію на воздухѣ въ Петербургѣ и на сто съ хвостикомъ духѣ, а люди сидятъ по нѣскольку часовъ сряду за картами! Развѣ это не самоубійство? Развѣ это не уродство? Послѣ дневныхъ, сидячихъ работъ, какъ отдыхъ — карты!

— Это непростительно, это—преступленіе, скажу я какому-то тучному господину, сидѣвшему на скамейкѣ, недалеко отъ клуба.

— Да, не понимаю-сь! отвѣчалъ онъ.— Еще зимой... ну, туда-сюда... а теперь... такъ коротко лѣто... надо-бы пользоваться!...

— Надо и можно-бы!.. И какъ это легко, какъ просто: стрѣльба въ цѣль, гигантскіе шаги, крокетъ, кегли, гимнастика, бильярдъ, танцы на открытомъ воздухѣ, бѣга, катавья, гонки на лодкахъ, велосипедахъ. Мало-ли, мало-ли что можно придумать! Такъ нѣтъ—мы засядемъ и будемъ цѣлыхъ 6, 7 часовъ сражаться на зеленомъ полѣ! Лучшаго удовольствія мы и не знаемъ.

— Гдѣ ужъ все это, — произнесъ тучный господинъ, оказавшійся чиновникомъ въ отставкѣ, — здѣсь вонъ и на шагахъ-то никто не бѣгаетъ: стыдно!

— Дикость! вырвалось у меня.

— Захотѣли вы чегонибудь отъ города отставныхъ!

— Какъ вы сказали?

— Городъ отставныхъ... Это — нашъ городъ... Здѣсь масса отставныхъ.. Служили въ Петер-

бургѣ, вышли въ отставку—къ намъ.. Здѣсь жить можно прожить такъ, на 50 руб. можно прожить такъ, въ Петербургѣ и на сто съ хвостикомъ управиться... Да вотъ: за 25 коп. такую уху — Скучно за то?

— Да, ужъ не взыщите.. Карты—и только.. поѣсть можно отлично: дешевле и лучше чѣмъ нибудь.. Не въ тонкости.. о, гдѣ же! но уютно, плотно. Вотъ хоть-бы здѣсь, въ клубѣ: отлично кормятъ. За то посплетничать мы любимъ до-сыта. Про дамское сословіе совершенно вѣрно выразился дядя Пахомъ:

Силетня—рѣзвая подруга
Нашихъ сборищъ и бесѣдъ!
Ты въ гостиной, въ часъ досуга,
Слаще фруктовъ и конфектъ...

— Кто такой Дядя Пахомъ?

— Вы не знаете? Никогда не читали? Это нашъ здѣшній поэтъ, юмористъ-сатирикъ.

— Позвольте, я знаю Дядю Пахома по „Искрѣ“ Курочкина: это очень даровитый, талантливый.. да развѣ онъ здѣшній?

— Нашъ, нашъ!

— Кто-же такой?

— А это секретъ... Онъ не хочетъ, видно, если псевдонимомъ прикрывается.. Падняхъ вотъ онъ выпустилъ книжку своихъ стиховъ..

Я пишу не библиографію, но считаю не лишнимъ нѣсколькими словами коснуться книжки Дяди Пахома, принадлежащаго Новгороду.

Небольшая книжка Дяди Пахома — оче-
 прилична на видъ и полна интереса. Отъ
 вѣтъ 60-ми годами, „Искрой“, пошибомъ ея
 цовъ... Она будить въ душѣ старыя грезы,
 ставляетъ съ грустью вспоминать о невозвра-
 номъ-минувшемъ. Тучный человекъ былъ насто-
 ко обязателенъ, что на другой день прислалъ мнѣ
 книжку на просмотръ. Я пробѣжалъ ее съ уд-
 вольствіемъ. Она освѣжила меня.. Таково влі-
 ніе умнаго, здороваго и честнаго смѣха. Стих-
 у Дяди Пахома—легкій, простой. Нельзя сказать
 чтобы у Дяди Пахома была все „матерія ва-
 нья“, иногда онъ и шутить, смѣется безъ всякаго
 серьезной цѣли, но это выходитъ очень игриво

— Батюшки, какое зарево... вѣдь это пожаръ
 произнесъ вдругъ мой сосѣдъ, подымаясь.

Мы направились къ верандѣ, о которой я го-
 ворилъ. Здѣсь собралась толпа публики, и взоры
 всѣхъ были устремлены къ Юрьеву монастырю
 возлѣ котораго горѣла деревня. Сила огня была
 страшная... Точно гигантское солнце опускалось
 за горизонтъ.. Обитель освѣщалась розовымъ от-
 блескомъ этого свѣтила... Зрѣлище было гранди-
 озное..

Какого-то нѣмца не пускали въ садъ.

— Да что dort ist? допытывался онъ.

— Да ничего ровно, — отвѣчали ему.

— А деньги warum?

— Деньги въ пользу погорѣльцовъ!

— О, зачѣмъ гуляйтъ, кохта, нѣтъ нишаво?

Люше я давай даромъ Geld!...

Онъ далъ сорокъ копѣекъ и пошелъ прочь отъ
 сада, запѣвши громко:

Шеловѣска разсудка
 Очень ясно кафарить
 Што кохта пуста шелудка
 Надо кушать, надо пить.
 Надо кушать осторожно
 Ундъ дѣта наплютатъ,
 Аберъ вотка выпить мошно
 Румка три, шетьре, пить!

Но онъ выпилъ, вѣроятно, гораздо болѣе, по-
 тому что легъ на траву, недалеко отъ сада, и
 заснулъ сладкимъ сномъ... *).

1) Дядя Пахомъ—псевдонимъ П. П. Можайскаго.

IV.

Приятный сюрприз. — Поѣздка по Волхову. — Мосты. — Чудный престъ. — Екатерининскій ботикъ. — Бѣлая или Алексѣевская башня.

Спускаясь съ лѣстницы гостиницы, я вдругъ неожиданно столкнулся съ товарищемъ по школьнѣ добрымъ, вселымъ малымъ, еще, не очень давно уѣхавшимъ изъ Петербурга...

— Какими судьбами?

— Ты какъ?

— Приѣхалъ осмотрѣть Новгородъ.., а ты?

— Я служу здѣсь уже около года... Да пойдемъ назадъ, я хочу завтракать...

Мы вернулись въ гостиницу и заняли столики у окна. Послѣ обычныхъ, нѣсколько спѣшныхъ разспросовъ, перескакивая съ одного предмета на другой, отъ одного знакомаго къ другому—Новоторжскій (фамилія моего пріятеля) произнесъ съ улыбкой:

— Итакъ, ты туристъ или корреспондентъ?

— Просто любознательный человѣкъ! отвѣтилъ я, тоже улыбаясь.

— По части здѣшнихъ древностей, да?

— И по части древностей, и...

— Чего же еще-то, милый мой? Если стоитъ вниманія Новгородъ, такъ именно древній, то-есть, я хочу сказать, настолько, насколько онъ богатъ остатками старины!..

— Развѣ только?

— Положительно!.. Якушкинъ совершенно вѣрно выразился, назвавши Новгородъ кладбищемъ, усаженнымъ памятниками! Кладбище и есть... Здѣсь и людей-то мало... все трупы ходячіе... Да что памятники,—мы и тѣ сумѣли исказить.

— Какъ это... Что, напримѣръ?

— А вотъ напримѣръ грановитую палату... Да развѣ только?.. Впрочемъ, конечно, не все... и тебѣ еще есть что посмотрѣть... Кстати: ты куда собирался?

— Да въ Кремль!..

Ну, успѣешь... Хочешь въ Юрьевъ съѣздить? Я ѣду черезъ часъ—по одному дѣлу, къ священнику въ Городище... это напротивъ.

— Хорошо, мнѣ все равно... только заодно уже я съ тобой заѣду въ Городище...

— Разумѣется... а завтра и Кремль осмотришь...

Спустя часа полтора мыплыли вверхъ по Волхову, въ небольшой красивой лодкѣ; рослый, сильный мужикъ ловко и быстро работалъ веслами, не производя ни шума, ни брызгъ. Лодка шла ровно; любо было смотрѣть, какъ подымались и опускались весла.

Погода стояла жаркая. Солнце пекло. По ясной лазури небесъ медленноплыли рѣдкія сере-

бристыя облачка. Отъ времени до времени налетали порывы свѣжаго вѣтерка.

Съ рѣки городъ очень красивъ. Онъ напоминаетъ Москву по обилію церквей съ золотыми мажоретами. Большинство храмовъ имѣетъ четырехугольную форму — слѣды старины...

— А вотъ и знаменитый мостъ, — замѣтилъ я, когда мы подъѣхали къ крѣпкому каменному мосту, соединяющему Торговую сторону города съ Софійскою.

— Еще-бы! подхватилъ пріятель: это оченъ драгоцѣнный мостъ, если вспомнить, въ какой копейку онъ обошелся!

— Позволь, но здѣсь былъ раньше мостъ, съ котораго Иванъ IV топилъ новгородцевъ.

— Ошибаешься, — на этомъ мѣстѣ мостъ въ строенъ только въ 1831 году (начали строить въ 1825 г.), а тотъ мостъ о которомъ ты говоришь, былъ нѣсколько выше: онъ начинался далеко отъ часовни св. Арсенія и выходилъ юго-восточному углу Дѣтинца. Вотъ на томъ-то мосту и былъ устроенъ помостъ, съ котораго брали въ Волховъ связанныхъ жителей, не разбирая ни возраста, ни пола, ни званія.

Мостъ, свидѣтель всего этого, однако, не самый старинный мостъ, не тотъ, что существовалъ въ глубокой древности. О времени первоначальнаго построения совсѣмъ неизвѣстно. „Въ 1133 году былъ построенъ новый мостъ, на деревянныхъ „ряжахъ“, нагруженныхъ камнемъ и, образуя противъ теченія дугу, велъ изъ южной части

авянского конца Торговой стороны на Софійскую, къ Троицкой церкви: черезъ Волховъ, поемный лугъ и протокъ Мячкинскаго озера, Людинъ конецъ, сквозь подъемныя дубовыя ворота Павловской башни, черезъ которую торговля была единственный входъ въ крѣпость. Этотъ мостъ назывался Великимъ, и онъ-то былъ свидѣлемъ крещенія новгородцевъ: выше моста крестились мужчины, ниже — женщины...“ На этомъ мосту происходили битвы, когда одна сторона шла на другую... Отъ бурь и огня онъ разрушился, и его возобновили только разъ... Надъ мостомъ, въ 1545 году мостъ былъ разломанъ и строенъ новый, уже ниже стараго.

Въ концѣ вышшняго моста, съ лѣвой стороны — часовня Чуднаго Креста, мимо которой не проходитъ съ покрытой головою... Въ часовнѣ, прямо противъ входа — виситъ большой семиконечный крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ распятаго Спасителя и предстоящихъ — Маріи Магдалины, Иоанна Богослова и сотника Лонгина. Крестъ сдѣланъ изъ липоваго дерева; въ вышину болѣе сажени, въ ширину — 2 аршина.

По народному убѣжденію, этотъ крестъ, воздвигнутый въ 1548 г. (о чемъ гласитъ на немъ надпись), охраняетъ мостъ отъ бурь Волхова. Есть преданіе, что на мѣстѣ этой часовни въ древнія времена стоялъ Перунъ. Когда его свергли въ Волховъ, то онъ плылъ вверхъ по рѣкѣ и, увидевъ на Велвкѣй мостъ палицу, крикнулъ: „охраните ее люди въ память обо мнѣ!“ Съ тѣхъ

поръ ежегодно новгородцы дрались на мосту паками въ честь Перуна.

Все это рассказалъ мнѣ мой пріятель, успѣвшій уже достаточно ознакомиться съ Новгородомъ.

А лодка ровно подвигалась впередь.

На Торговомъ берегу кучею громоздятся строения, преимущественно каменные; ближе къ берегу—торговые ряды, окончивающіеся небольшою церковью въ видѣ часовни. Изъ-за нихъ высится нѣскольکو темныхъ крышъ, Никольскій соборъ колокольня и Ярославова башня. Здѣсь находится дворець князя, и здѣсь собиравлось народное вѣче.

— А башня-то зачѣмъ?

— Въ ней, какъ говорятъ, была концелярія вѣчевыхъ дьяковъ... Теперь она близится къ упадку...

И башня, и крыши домовъ, и церкви — все это ярко блеститъ, облитое горячими лучами солнца.

Но вотъ постройки прскращаются, заканчиваясь простыми, деревянными строениями... Низкій берегъ начинается, однако, скоро возвышаться и увѣнчивается городищенскими постройками съ церковью посрединѣ...

Берегъ Софійской стороны выставилъ кремлевскую стѣну, въ видѣ челюсти съ зубами какого-то гигантскаго животнаго. Эта стѣна не представляетъ мерзости заустѣнія, она недавно облицована новымъ кирпичемъ и является недурнымъ

контрастомъ съ яркою зеленью растущей ввзугравы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи открывается Алексѣевская, имѣвшая прежде стратегическое значеніе.

— Что, она поддерживается? спросили я у пріятеля.

— Нѣтъ; стѣны ея пообвалились, и видны жерѣзныя скрѣпы.

— Такъ что ничего неуцѣлѣло въ ней?

— Ровно ничего.. Все ветхо, пахнетъ гнилью. Она теперь и неотпирается.

Круто возвышаясь, берегъ большимъ колѣномъ вдается въ воду. Его вершина увѣнчана длиннымъ каменнымъ зданіемъ, въ которомъ хранится ботикъ Екатерины II, пожертвованный ею новгородскому дворянству.

— Хочешь, можетъ быть, заѣхать и посмотреть? предложилъ пріятель.

— Пожалуй, чѣмъ нарочно итти сюда...

Мы поднялись на высокой бугоръ, съ котораго открывается прекрасная панорама на городъ.

Въ большомъ каменномъ сараѣ поставленъ ботикъ Екатерины, спустившейся въ немъ изъ Мсты въ Волховъ. На стѣнѣ, внутри сарая, прибита доска съ надписью, объясняющею, когда императрица ѣхала въ ботикъ, и докладывающею о томъ, что дворянство съ сердечною благодарностью приняло подарокъ царицы и поставило его въ этой галлерей...

При сараѣ живетъ сторожъ.

Когда мы обогнули береговой выступъ, Юрьевъ монастырь показался какъ на ладони. Онъ широко разсѣлся среди зеленаго приволья луговъ. Ярко блестятъ его выбѣленные стѣны, жарко сверкаютъ золотыя его главы.

— Богатый монастырь! замѣтилъ пріятель.

V.

Юрьевскій монастырь.—Общій видъ.—Крыловская муха. — Фальшивый графъ.—Въ храмѣ.—Фотій и Орлова.—Монахъ модельеръ.—О. Θεодосій.—Богатства юрьевской ризницы.—Въ скитѣ.

Юрьевскій монастырь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Россіи. Онъ основанъ Ярославомъ I въ 1030 году, а въ 1119 вновь перестроенъ новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ при игуменѣ Кириакѣ. Настоятели монастыря издревле были первыми лицами послѣ архіерея: когда приходилось Новгороду вести переговоры съ чужими землями — посылались юрьевскіе настоятели.

Мы поднялись по отлогому берегу, вступили въ монастырскія ворота, и сразу очутились подъ тѣнью старыхъ деревьевъ роскошнаго сада. Черезъ загородку видны были ягодникъ и плодовникъ. Мелкія зеленыя яблочки въ видѣ орѣшковъ обильно осыпали яблони. Кусты щеголяли гроздьями спѣвшихъ ягодъ. Все чисто выметено, весь порядокъ.

— Замѣчательно, сказалъ я пріятелю, — нигдѣ нѣтъ такого порядка теперь, какъ въ монасты-

ряхъ; нигдѣ такъ исправно не исполняютъ приказаній, какъ въ нихъ.

Направо и налево тянутся большіе каменные корпуса, вправо-же и храмъ, а невдалекѣ колѣнья со святыми воротами, легкаго и смѣшнаго стиля.

Все тихо; ни звука... Вѣтъ миромъ и довольствомъ.

Вотъ скамья и на ней сидитъ какой-то мученикъ въ пиджакѣ. Оказывается, что это сторожъ; онъ очень развязенъ, говоритъ съ апломбомъ.

— Вамъ-съ посмотрѣть храмъ? это можно-съ это мы съ вамъ сдѣлаемъ!

— А въ ризницу можно?

— Вотъ ужъ этого никакъ нельзя-съ, въ этомъ мы не властны.

— Жаль, итъ дома архимандрита, замѣтилъ было я.

— Тутъ-съ и они не властны, потому—ключи у многихъ, все начальство придется тревожить.

— А вы не можете, спросилъ пріятель, помигнувъ мнѣ.

— Мы не можемъ съ, потому насъ учили запрещено.

— Кто-же это васъ училъ?

Покража была-съ! Теперь такъ будемъ говорить: вы господа, хорошо-съ! а въ душу, кто можетъ войти? Такъ и всѣ-съ. Потому мы и не можемъ. Извольте видѣть: пріѣхалъ какой-то, выдалъ себя за графа, даже за сродственника Орлова, ему все и показали.. а какъ онъ уѣхалъ, хватились — драгоценностей и не достаетъ.

— А кто-же это былъ?

— Не можемъ знать-съ... извѣстно мазурикъ, ихъ теперь по монастырямъ сколько шляется... Только этотъ самый мазурикъ и ловкачъ же: сколько онъ поповъ надуль!

— Какъ-же?

— А очинно просто: попу, къ примѣру, скуфью получить лестно, а другому что нибудь иное-прочее,—вонъ игумна одного архимандритомъ пообѣщаль сдѣлать: я—де все могу, потому—де у министровъ и у царя силу имѣю.

— И бралъ за это деньги?

— Извѣстно, не даромъ, съ игумна тысячу полторы слушилъ. Вотъ какъ все обозначилось, въ ризницу-то и запретили, потому мы и не можемъ.

Трудно сказать, о какомъ именно событіи рассказывалъ сторожъ, потому что времени кражи онъ не зналъ и самъ. Можетъ статья, это было недавно, а можетъ быть, онъ говорилъ о покражѣ при Фотіи, когда Орлова вновь возобновила все пропавшее и упросила въ Петербургѣ не производить слѣдствія.

— Вотъ что, милый мой, обратился къ сторожу Новоторжскій:—если вы не можете показать ризницу, такъ покажите храмъ.

— Это можно-съ, это сейчасъ.

Явился послушникъ и отперъ церковь.

Куда ни кинешь взглядъ—вездѣ изумительное богатство! Мы вошли прежде всего въ верхній соборъ, во имя Спаса. Бронзовый иконостасъ его великолѣпенъ: драгоценными камнями сіяютъ ико-

ны Спасителя и Богоматери; жемчужина, въ величину груши, виситъ на вѣнцѣ Богоматери, осыпанномъ брилліантами. По сторонамъ алтаря устроены два придѣла: во имя Фотія и успенія праведной Анны. Къ послѣдному придѣлу примыкаетъ церковь Всѣхъ святыхъ, построенная на мѣстѣ келіи Фотія. Эта церковь также украшена великолѣпно. Иконостасъ составленъ изъ домашнихъ иконъ усоншаго, осыпанныхъ драгоценными камнями, особенно почтенъ образъ Иверской Божіей Матери. Совершенно понятно восхищеніе одного богомольца, сказавшаго, что нельзя не дивиться блеску яхонтовъ, изумрудовъ, сапфировъ и огромныхъ алмазовъ. А что за дивная живопись въ церкви. Особенно хорошо изображено небо: видна изящная, опытная кисть...

— Какое богатство, какое богатство! воскликнулъ я:—пожалуй не хуже лавръ!

— По богатствамъ—да; но въ лаврахъ ты не найдешь такой гармоніи въ цѣломъ, какъ здѣсь,—замѣтилъ пріятель. — Сейчасъ видно, что здѣсь строилъ и заботился одинъ человекъ... Въ этомъ отношеніи юрьевскій монастырь, пожалуй, выше и лавръ.

— А вотъ-съ бывшая молитвенная келія архимандрита Фотія,—произнесъ послушникъ, указывая въ сѣверной стѣнѣ алтаря выложенную пзъ камня каморку, пли, правильнѣе, чуланъ, да и не чуланъ, а скорѣе гробъ—въ три шага длины и одинъ шагъ ширины... Въ стѣнѣ что-то на подобіе сидѣнья. Въ углу икона Божьей Матери,

а передъ ней неугасимая лампада.

— Что-же онъ тутъ дѣлалъ? спросилъ я.

— А здѣсь онъ размышлялъ о суетѣ міра и молился.

— Подолгу?

— Всю четырехдесятилицу здѣсь пребывалъ въ моленіи, да и такъ любилъ уходить сюда и размышлять.

Изъ этой келіи прежде шла лѣстница въ гробовую пещеру, куда также, нерѣдко, спускался Фотій для размысленія у своего гроба.

— Гдѣ-же онъ погребенъ?

— А въ пещерной церкви-съ.

— И Орлова тамъ?

— Да, тамъ-же...

Изъ Спасскаго собора мы перешли въ соборъ Георгія Побѣдоносца... То же благолѣпіе и та-же изумительная роскошь. Миѣ не описать всего такъ, какъ это непосредственно вышло у одного путешественника по св. мѣстамъ, и я позволю себѣ привести его описаніе Георгіевскаго собора.

„Не буду говорить о всѣхъ украшеніяхъ храма и пяти-яруснаго иконостаса, о царскихъ сереброкованныхъ дверяхъ, огромныхъ паникадилахъ, подсвѣчникахъ, на престольной одеждѣ изъ литого серебра и драгоценной сѣни, съ высокимъ на ней крестомъ изъ сибирскихъ камней; сокровища кажутся здѣсь обыкновенными отъ ихъ множества; стоитъ только взглянуть на двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери и на одну храмовую— Великомученика, чтобы не обращать вниманія на

прочее! До полумилліона цѣннѣе золотыя оклады иконъ, осыпанныя крупными алмазами, яхонтами, изумрудами и сапфирами; вѣнецъ Спасовъ и звѣзды на челѣ и персяхъ Его Матери горять чудными камнями, несравненными по своей массѣ и чистой водѣ. Риза угодника усѣяна сибирскими тяжеловѣсами по швамъ и воскрыліямъ, какъ будто ими скрѣплено ея чистое золото; щитъ и шлемъ и броню духовнаго витязя можно назвать по истинѣ адамантовыми; огненнымъ представляется конецъ копія его, отъ алмаза, замѣнившаго лезвіе, а необъятной величины жемчужины образуютъ рукоять и оконечности его воинскаго меча. Столь же роскошно убрана икона святителя Θεоктиста“.

При этомъ замѣчательно то, что при возобновленіи храма не утрачено ничего древняго, даже больше—все повое кажется какъ бы обновленіемъ старины. Сохранился величественный иконостасъ, золотой стѣнной поднимающійся къ высокимъ сводамъ, удѣлѣла стѣнная живопись, писанная по древнимъ очеркамъ, и внутренность алтаря удержала свой первобытный характеръ. Все благолѣпное зданіе храма съ его знаменательными украшеніями образуетъ изъ себя полную идею восточной церкви.

— Никакъ не думалъ, что встрѣчу такое богатство, сказалъ я.

— Да, монастырь не бѣдный, тысячъ тридцать годового дохода.

— Все стараніями архимандрита Фотія, вмѣшался послушникъ.

— И на деньги Орловой, добавилъ Новоторжскій.

— Да-съ, она, конечно, благотворила...

— Она подняла изъ праха обитель: что бы сдѣлалъ безъ нея Фотій!

— Да гдѣ-же могила Фотія? спросилъ я.

— Въ пещерной церкви.

— Пойдемъ-же туда.

Пещерная церковь, богато украшенная, устроена на подобіе древнихъ катакомбъ. Ея помость устланъ мраморомъ, по мраморнымъ же сводамъ разсыпаны золотыя звѣзды; бронзовый иконостасъ, выражаясь паломническимъ языкомъ, исполненъ славою Богоматери; Она изображена повсюду, въ знаменательныхъ символахъ: то въ видѣ неопалимой купины, какая явилась Моисею, но обнесенная звѣздообразнымъ вѣнцомъ ангельскихъ силъ; то олицетворенною похвалою неба и земли съ ликами земныхъ ангеловъ и небесныхъ челоуѣковъ; то радостью всѣхъ скорбящихъ или Одигитріею, путеводительницею странныхъ.

Жертвеникъ—отдѣльно отъ алтаря, согласно древнему чину.

Въ подземной усыпальницѣ, за рѣшоткою изъ массивныхъ серебряныхъ лучей, съ золотыми облаками, къ подножію креста прислоненъ мраморный гробъ, на который наброшенъ роскошный среброкованный покровъ съ крестнымъ изваяніемъ и со стоящею на немъ иконою Знаменія Божіей Матери; на покровѣ надпись: „Здѣсь покоится прахъ въ Бозѣ почившаго 1838 года, февраля 26 дня, въ часъ по полуночи, и погребеннаго въ 9-ый

день 6-го марта—настоятеля, благодѣтеля и возобновителя святаго обители сея, преподобнаго отца священно-архимандрита Фотія“.

Рядомъ съ этой гробницей, ближе съ стѣнѣ и дальше отъ входа, стоитъ другой мраморный гробъ, уже безъ покрова; бронзовая дощечка гласитъ: „Здѣсь покоится прахъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, камеръ-фрейлины двора Ея Императорскаго Величества и кавалерствен-ной дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. Род. 2-го мая 1785 года, сконч. 5-го октября 1848 года“.

— Какая разница въ гробахъ!

— Да, это истинное смиреніе и рѣдкая любовь. Отдать жизнь, средства и остаться въ тѣни... Вѣдь она погребена такъ скромно по своему собственному желанію...

— И легла рядомъ.

— Иначе и быть не могло, ихъ нельзя отдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, Фотій и Орлова въ устройствѣ и заботахъ объ этой обители неразрывно связаны между собою. Фотій безъ Орловой не былъ-бы благодѣтелемъ обители, потому что не могъ бы ничего сдѣлать безъ тѣхъ милліоновъ, которые отдала Орлова. Безъ Фотія графиня, можетъ быть, пошла бы инымъ путемъ. Во всякомъ случаѣ нашъ великій поэтъ ошибся, написавъ эпиграмму на Фотія и Орлову: во многомъ можно обвинить честолюбиваго монаха, но лишь не въ томъ, что приписалъ ему Пушкинъ. Одинъ шагъ въ эту сторону — и для Орловой Фотій пересталъ-бы быть идеаломъ. Развѣ Орлова искала увлече-

ній? Богатая, красивая, родовитая—она имѣла массу поклонниковъ, и еслибы ее прельщаль міръ съ его кипучими страстями, съ его бурными наслажденіями—ей нечего было бы искать, а только стоило пожелать. Но въ томъ-то и дѣло, что она была далека жажды подобнаго счастья. Она понимала счастье нѣсколько иначе, ее томили вопросы, душа тяготилась въ розыскахъ истины. Потерявъ опору въ лицѣ одного суроваго подвижника, она нашла эту опору снова въ Фотіѣ, и онъ сталъ для нея оракуломъ. Я не буду рассказывать подробно біографіи Фотія, но коснусь ея настолько, насколько это необходимо.

Выросшій въ бѣдности, болѣзненный отъ природы, далекій корыстныхъ расчетовъ, Фотій въ юности уже чувствовалъ склонность къ аскетизму. Этою чертою онъ обратилъ на себя вниманіе Филарета и, еслибы не случайность, онъ, вѣроятно, и остался бы вѣрнѣ избранному пути. Но политика Аракчеева выбила монаха изъ его колеи. Онъ былъ выдвинутъ какъ боецъ противъ штиetzизма, и партія, сильная тогда вліяніемъ у государя, быстро возвела простаго чернеца въ санъ архимандрита. На Фотія носыпались милости, онъ сдѣлался общимъ кумиромъ и занялъ мѣсто настоятеля Юрьева монастыря. Но власть его неограничивалась монастырскими оградами,—онъ явился благочиннымъ всѣхъ монастырей новгородскихъ, возстановилъ древнее значеніе своей обители. Капиталы Орловой дали ему возможность поднять изъ праха монастырь и сдѣлать его первокласснымъ, не de jure только, но и de facto. И вотъ преж-

ний монахъ въ немъ умеръ, честолюбіе и властолюбіе охватили его. Ему уже предстояла въ будущемъ митрополичья кафедра, какъ вдругъ смерть Императора Александра I разбила всѣ планы. Звѣзда Фотія закатилась, и Орловой стоило не много труда сохранить за своимъ духовникомъ сибирское настоятельство. По неволѣ Фотій смирился и ступался. Онъ умеръ еще не старымъ, его кончина заставила опять много говорить о немъ. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ разсказахъ, освѣщенный различно: то какъ подвижникъ, чуждый святой, какимъ стараются обрисовать его монахи; то какъ лицемѣръ и властолюбецъ; наконецъ, третьи смотря на него не безъ приязни, опираясь на эпиграмму Пушкина. Всѣ три взгляда въ цѣломъ невѣрны. Что онъ былъ склоненъ къ аскетизму и остался до нѣкоторой степени ему вѣренъ—это видно изъ многихъ фактовъ. Несомнѣнно также, что онъ былъ охваченъ честолюбіемъ. Но это былъ человекъ, безъ притворствія, глубоко религіозный и горячо преданный интересамъ православной церкви.

— Какъ ни говори, а Фотій принесть вредъ,—замѣтилъ Новоторжскій, когда мы вышли изъ церкви.

— Именно?

— Бывши благочиннымъ монастырей, онъ забралъ всѣ книги, рукописи и больше похитилъ денегъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ вредное. Кто знаетъ, что за дѣланыя преступности погибли въ этомъ ауто-да-фе!

Конечно, это вандализмъ. Но онъ говоритъ о невѣжествѣ образованности Фотія, а не отрицаетъ его вѣрности въ немъ. Фотій еще въ юности былъ аскетомъ. По словамъ одного священника, отецъ Фотія много учился вмѣстѣ съ Фотіемъ, этотъ всегдѣ избѣгалъ женщинъ и когда товарищи при немъ говорили нарочно о дѣвицахъ и любви—онъ крестился, плевался и убѣгалъ.

Выйдя изъ церкви, мы сѣли на скамейку въблизи воротъ.

— Кажется, недалеко отсюда и усадьба Орловой? обратился я къ другу.

— Да вотъ сейчасъ-же... Она ее купила, когда Фотія сдѣлали здѣшнимъ архимандритомъ.

— Нельзя-ли посмотрѣть ея домъ?

— Ты желаешь познакомиться съ дачниками? Тебѣ развѣ тебя интересуютъ?

— Какіе дачники? про что ты говоришь?

— Да смотрѣть-то нечего, вся мебель увезена, а обстановка Орловой не осталось и слѣда.

— Какъ? все, что было во вкусѣ александровской эпохи, — исчезло?

— Все, все... Я говорю тебѣ, что и домъ остался.

— Ради чего-же?

— Ради денегъ!
— Какіхъ-нибудь грошей, когда она пожертвовала миллионы...

— Знаю, знаю,—перебилъ Новоторжскій,—но монастырское начальство посмотрѣло иначе.

Горько и тяжело стало за графиню, къ памяти которой такъ неблагодарно отнеслись люди, обла-

годѣтельствующие ею. Ради грошевыхъ работъ разрушено гнѣздо Орловой, сохраненіе котораго, помимо всѣхъ другихъ мотивовъ, значительно въ смыслѣ историческаго интереса. Въ монастырѣ продаются карточки Фотія, а Орловы нѣтъ. Черта любопытная.

Къ намъ подошелъ монахъ лѣтъ сорока, его волосахъ уже пробивалась значительная лысина. У него болѣли ноги, и онъ ходилъ прихрамывая. Живые, пронизательные каріе глаза дѣлали его заурядное лицо привлекательнымъ. Онъ казался очень любезнымъ и гостепріимно приглашалъ насъ выпить у него чаю. Разговаривая о томъ и о семъ, коснулись Фотія.

— А какъ вы смотрите на него? спросилъ Новоторжскій у монаха.

— Всѣ мы немощны, отвѣтилъ отецъ Арсеній: у всѣхъ у насъ грѣхи... конечно, и онъ былъ не безъ нихъ. Но для обители онъ сдѣлалъ много.

— Не онъ, а Орлова!

— А кто умѣлъ на нее повліять? Онъ былъ для нея непогрѣшимымъ авторитетомъ. О, до чего онъ покорилъ ее! Знаете-ли, что онъ дѣлалъ? Онъ заставлялъ ее вести дневникъ и записывать въ него ежедневно всѣ грѣхи, мысли, слова... и потомъ читать это при третьемъ лицѣ. Какъ вы думаете, а желѣзный характеръ...

— Да, жаль только, что онъ понималъ благотворительность очень узко. Онъ убѣдилъ Орлову отдать милліоны на монастырь и не указалъ ей напримѣръ, на гимназію: она тогда только и возникала, терпѣла нужду страшную, — не было

ни помѣщенія, ни даже средствъ на отопленіе, учителя бѣдствовали... вотъ куда-бы также не шло направить щедрую руку...

Отецъ Арсеній промолчалъ на это. Да и чтобы онъ могъ сказать?

Нашъ гостепріимный хозяинъ оказался поэтомъ и модельеромъ. Стихи онъ пишетъ самъ для себя, исключительно духовнаго содержанія; его артистическая душа отдыхаетъ на созвучіяхъ и образахъ, уносясь къ небу. Это, если такъ можно сказать, вольныя молитвы, непосредственный голосъ сердца. Стихъ отца Арсенія довольно правильный и звучный. Но модельеръ все-таки выше поэта. Модель скита прелестна; исполненіе поистинѣ художественное. Онъ занятъ новой работой — приговлениемъ модели Георгіевскаго собора.

— На продажу?

— Если кому угодно.

— Сколько-же стоить?

— Да рубля три.

Три рубля за такой муравьиный трудъ! Онъ только и возможенъ при той обстановкѣ, гдѣ забывается девизъ: „время — деньги“. О. Арсеній говорилъ съ увлеченіемъ, въ голосѣ слышалась страстность. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что артистъ — лучшій типъ монаха. Развѣ не артисты были всѣ духовные пѣнопѣвцы и подвижники? Развѣ не страстность вела людей на казни, какъ на пиръ?..

Съ хорошимъ впечатлѣніемъ вышли мы изъ кельи о. Арсенія.

— Теперь въ Перынь, сказалъ пріятель...
 Въ Перынь мы отправились пѣшкомъ,—итіаторѣ. Съ ея жарко-красными цвѣтами не всего версты полторы. Перыньскій скитъ распуť соперничать желтые бархатцы. Резеда уже ложенъ на чрезвычайно-красивомъ возвышенночти отцвѣла, но продолжала еще благоухать. полуостровкѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильменскія рядки цвѣтовъ у воротъ заканчивались раски- Во всю ширину рѣки, при выходѣ ея изъ озерными кустами сирени.

протянуты мережи съ небольшой прогалиной д. Скитская церковь небольшая; красивая и чи- лодокъ; такимъ образомъ, граница рѣки ясно обгенькая снаружи и внутри — она производитъ со- значена этимъ импровизированнымъ заборомъ. Пѣю пріятное впечатлѣніе. Церковь раздѣляется рынская роща—вѣковая; гигантскія ивы и сосны двѣ неравныя части такимъ образомъ, что разметавшія кудластыя вершины, подавляютъ вадняя часть храма имѣть видъ пристройки. При своимъ величіемъ.

Земля между стволами старательно расчищено древній образъ Рождества Богородицы рестав- трава скошена, не встрѣтите ни сухого валежированъ, но это едва-ли вѣрно: правда, компо- ника, ни малѣйшаго сору. Угрюмо молчать стѣнія рисунка сохранила оригинальный характеръ. ря деревья—живые свидѣтели могущества, славы лики и одежды совершенно новаго письма. и паденія вольной новгородской общины. Когда владная группа изображаетъ Рождество Богоро- здѣсь, въ этой рощѣ стоялъ и Перунъ въ своей плахи, лѣвый нижній уголъ занимаетъ нара бѣ- горделивомъ величїи. Вотъ показалось красное клыхъ птицъ, не то гусей, не то голубей, наря- менное зданіе скита, съ высокой оградой, по угламъ ихъ въ облакахъ.

кончавшейся четырёхугольными крышами, посредничѣВъ задней части храма совершается въ тече- которыхъ возвышались жестяные шары въ дѣше цѣлыхъ сутокъ чтеніе по усопшимъ. Литур- ле-славянскомъ стилѣ. Въ обитель вели массивныя биваетъ только по воскреснымъ и праздни- ния желѣзные ворота. Пройдя въ маленькую каземъ днямъ, а въ остальное время братія (два литку, мы очутились на скитскомъ дворѣ, посредноаха и семь послушниковъ) собирается на мо- динѣ котораго стояла церковь. Первое, что насчитву въ храмъ четыре раза въ сутки. пріятно поразило,—это сильный запахъ цвѣтовъ. Когда-то въ скитъ приходила масса богомоль- насаженныхъ по діогональнымъ грядамъ. Въ этомъ дѣвѣ, которыхъ привлекалъ покойный скито-на- отшельническомъ уголкѣ одни только яркіе цвѣтыальникъ Феодосій. Онъ отличался строгостью кричать настойчиво о жизни. Огненная настурдія жизни и, говорятъ, даже прозорливостью. Пробывъ захватила собою самое большое простран- въ монашествѣ болѣе сорока лѣтъ, онъ умеръ въ ство и, всползши вверхъ по веревочкамъ, образо-

1883 году и погребенъ въ скиту, не далеко отъ церкви. На его могилѣ положена плита, но вообще въ скиту не кладутъ плитъ, не ставятъ крестовъ, самое мѣсто сравнивается, такъ чинъ отъ могилы не остается никакого слѣда.

Я заинтересовался личностью Θεодосія и обратился съ распросами къ одному изъ послушниковъ о. Θεодосіемъ.

— Я ничего не могу сказать вамъ, а вотъ обратитесь къ брату Емельяну, онъ долго жилъ о. Θεодосіемъ.

Какъ разъ въ эту минуту подошелъ къ намъ Емельянъ. Это средняго роста, плотный старикъ лѣтъ 60-ти, убѣленный сѣдинами. Сѣрые глаза смотрятъ бойко и весело. На напу просьбу разсказать объ о. Θεодосіи, онъ произнесъ:

— Благочестивый былъ старецъ. Да что только говорить-то, развѣ все расскажешь? А если ужъ интересуетесь его жизнью, такъ я вамъ брошюрку подарю.

— Вашего сочиненія?

— Какъ-же-съ, самъ издалъ. Да ужъ осталось-то мало, всего какой-нибудь десятокъ изъ 1,500 экземпляровъ.

Признаться, брошюрка, подаренная намъ авторомъ, составлена очень блѣдно. Изъ нея не выясняется личность Θεодосія, его внутренней чело- ловѣкъ отсутствуетъ. Это формулярный списокъ, изъ котораго я узналъ, что Θεодосій былъ сначала флотскимъ матросомъ; затѣмъ въ чинѣ прапорщика вышелъ въ отставку и 7 июня 1845 г. постригся въ монахи. Сказано еще, что многіе почитали и пріѣзжали къ нему издалека за совѣ-

тми. Въ народѣ не мало ходитъ разсказовъ о войномъ, но сколько въ нихъ правды— рѣшить трудно. Можно сказать только одно, что это былъ такъ называемыхъ *старцевъ* въ родѣ

всими (у Достоевскаго). Въ немъ скитъ потерялъ своего, если не все. Когда-то скитъ былъ убѣ- щемъ для престарѣлыхъ иноковъ, искавшихъ облаго уединенія и добровольно отрекавшихся отъ добствъ и относительнаго довольства жизни въ Юрьевомъ монастырѣ. Въ настоящее же время въ скитѣ не мало молодежи:—туда посылаютъ тѣхъ, кто провинится. „Кто запутается—и туда. Развѣ жъ теперь тамъ скитъ?“

О. Арсеній, произнесши эту фразу, безнадежно шахнулъ рукой.

За часъ пребыванія въ скитѣ трудно провѣ- рить—справедливъ-ли приговоръ о немъ, но по- верхностное впечатлѣніе гармонируетъ съ такимъ приговоромъ. Намъ пришлось присутствовать при службѣ въ церкви: все справлялось казеннымъ образомъ. Да, въ скитѣ, дѣйствительно, мало скитскаго. Келіи, какъ и въ Юрьевскомъ мона- стырѣ, небольшія, но чистыя и вселыя. На тра- пезѣ пища хорошая, но исключительно раститель- ная. Едва ли это молодежи по вкусу. Было уже около пяти часовъ, когда мы оставили скитъ и на лодкѣ отправились въ Городище.

Ризницы Юрьевской мы такъ и не видѣли, но очеркъ этой обители былъ-бы неполонъ, еслибы я ничего не сказалъ о ризничныхъ сокровищахъ. Поэтому позволю себѣ познакомить читателя съ монастырскими богатствами и достопримѣчатель-

ностями со словъ автора книги: „Путешествіе въ святѣмъ мѣстамъ русскимъ“. Описывая ризницу онъ говоритъ: „Безполезно было-бы исчислять драгоценныя митры, кресты и панатіи и шитыя жемчугомъ облаченія, которымъ едва-ли есть добныя по красотѣ и богатству, развѣ изъ числѣ древнихъ Патриаршей и Троицкой ризницы. Остановѣйшія богатства, слѣдуетъ однако упомянуть о предметахъ драгоценныхъ по своей древности. Въ ризницѣ хранится серебряное позлащенное блюдо, съ мифологическимъ на немъ изображеніемъ Персея и Андромеды, которое пожаловалъ въ обитель св. князь Всеволодъ—Гавріиль.

„Другая замѣчательная вещь есть плащаница горько памятнаго междуособною бранію князя Дмитрія Шемяки, который послѣ краткаго сидѣнія на престолѣ ослѣпленнаго имъ Василемъ Темнаго принятъ былъ мятежнымъ Новгородомъ и положилъ вкладъ сей за себя и дѣтей въ обитель Юрьевскую, не подозрѣвая, что и самъ упокоитъ въ ней свои скитальческія кости. Кружкомъ плащаницы вышита золотомъ надпись.

„Но еще замѣчательнѣе сихъ двухъ предметовъ подлинная грамота самого В. князя Мстислава, сына Мономахова, соорудившаго храмъ. Она почитается древнѣйшею изъ всѣхъ, какіе только уцѣлѣли у насъ отъ всеистребляющихъ времени, и ея сохраненіемъ археологи обязаны обители Юрьевской. Грамота писана на пергаментѣ и скрѣплена серебряною печатью, съ изображеніемъ на одной сторонѣ сидящаго Спасителя, а на другой Архангела Михаила, дана же была

въ обитель вмѣстѣ съ блюдомъ Всеволода, о коемъ упоминается въ ея строкахъ“.

Блюдо Всеволода нѣкоторые археологи не признаютъ за настоящее и въ доказательство правоты своего мнѣнія приводятъ тотъ фактъ, что блюдо находящееся въ ризницѣ, болѣе чѣмъ вдвое легче Всеволодова,

Въ заключеніе очерка обители прибавлю, что въ Юрьевскомъ монастырѣ покоятся и перенесенныя останки отца и дядей Орловой—Алексѣя, Григорія и Ѳедора Орловыхъ.

VI.

Рюриково Городище. — Спасъ-Передина. — Тони. — Панорама. — Долгоруковскія могилы. — На могилѣ С. С. Шашкова.

Городище — первоначальное сельбище норманскихъ князей — находится на прибрежномъ холмѣ. Здѣсь былъ дворъ перваго русскаго князя — Рюрика, который отсюда властвовалъ надъ славянскими слободами по Волхову и около Ильмена. Великій князь Ярославъ перенесъ свой дворъ ниже, и за нимъ потянулся Новгородъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Но Городище не было заброшено. Въ немъ нерѣдко укрѣплялись князя противъ буйнаго вѣча. Сюда же изгоняли Новгородцы своихъ князей, объявляя при этомъ: „ступай себѣ на Городище“.

Когда Новгородъ былъ покоренъ Иваномъ III, то этотъ послѣдній занялъ войсками Рюриково сельбище; Грозный напиталъ кровью почву Рюрика холма, творя свой судъ на Городищѣ.

Въ настоящее время это — скромное селеніе, расположенное не только по вершинѣ холма, но и спускающаеся по обоямъ его склонамъ. Посре-

днѣ — каменная церковь. Постройка разнообразна: есть недурные дома на городской манеръ, но большинство простые, деревенскаго типа. Не заглядывая въ глубь жизни, но ограничиваясь поверхностнымъ обзоромъ, выводишь заключеніе, что здѣсь нѣтъ нищеты, а напротивъ — скромное достояніе. Возлѣ домиковъ прелестные садики.

Новоторжскій отправился къ священнику, а я повернулъ въ городищенскій трактиръ, помѣщающійся въ очень красивомъ, зеленомъ домикѣ, фасадомъ выходящемъ на Сиверсовъ каналъ. Меня провели на балконъ въ венеціанскомъ вкусѣ. Жаль только, что балконъ очень малъ и попадать въ него приходится черезъ двѣ грязныя комнаты.

— Что можно достать у васъ?

— Что угодно.

Но оказалось, что достать можно очень немного: яицъ въ смятку, молока и огурцовъ. Нигдѣ нельзя найти такихъ вкусныхъ огурцовъ, какъ въ Городищѣ, ими оно славится искони. Солить огурцы — это специальность городищенскихъ жителей.

Прошло болѣе получаса, а ни пріятеля, ни закуски не было. Сажу и люблюсь Юрьевымъ монастыремъ съ его золотыми главами.

— Ай, стекло ропветъ! раздался вдругъ дѣтскій крикъ.

Я поспѣшилъ выйти на кухню: никого нѣтъ, только лампа пылаетъ ярко. Лица варятся, а мальчишка, лежа на брюхѣ, ждетъ, когда они поспѣютъ.

Прошло еще добрых полчаса, когда вернулся друг мой, приятель со священникомъ. Батюшка оказался пріятнымъ и милымъ человѣкомъ, готовымъ и побесѣдовать со мной и закусить по-пріятельски. Онъ изъявилъ свое согласіе сейчасъ-же идти для осмотра церкви, и мы рѣшили, что не худо прежде всего закусить.

Намъ накрыли столъ на балконѣ, на вольномъ воздухѣ.

— Много сюда ѣздитъ народу? — спросилъ священника.

— Бываютъ... время благодатное, на лодкахъ молодежи ѣздитъ сколько.

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, мимо окна прошла толпа горожанъ.

— Тутъ у насъ на берегу и ресторанчикъ есть, — добавилъ священникъ.

— Тутъ же и тони, — замѣтилъ отъ себя Несторъ.

Утоливши голодь, мы направились въ городскую церковь. Она очень древняя, — сооружена еще Мстиславомъ, сыномъ Мономаха. Разрушенная лѣтъ двѣсти спустя — вновь возстановлена Симеономъ Гордымъ при знаменитомъ новгородскомъ епископѣ Василии. Церковь еще не одинъ разъ возобновлялась и перестраивалась, но внутреннее ея устройство и до сихъ поръ удержало свой древне-византійскій характеръ. Главное сокровище храма — уцѣлѣвшій на стѣнѣ образъ Господа Вседержителя и часть мощей черниговскихъ мучениковъ — князя Михаила и боярина Феодора.

— Здѣсь всегда была одна церковь, батюшка? — Нѣтъ, прежде ихъ было три, но двѣ древнія — уже давно уничтожены.

— А это какая-же? — спросилъ я, указывая на видѣвшуюся недалеко церковь.

Мы уже вышли на берегъ.

— Это Спасъ-Передица.

— Чѣмъ-же онъ замѣчателенъ?

— Въ немъ сохранились слѣды самой глубокой старины.

— Давно основана?

— Въ XII вѣкѣ, Ярославомъ Владиміровичемъ.

— Вы насъ сведете туда?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Отъ Городища до Передницы менѣе версты. Церковь стоитъ на холмѣ въ самой деревнѣ, отъ которой и получилъ свое названіе храмъ. Нѣсколько дальше на берегу Сиверсова канала расположено сельцо. Церковь имѣетъ форму корабля съ отдѣльной пизенькой колокольней, на которой всего только три маленькихъ колокола. Изъ притвора одна дверь ведетъ въ лѣтнюю (древнюю), другая въ зимнюю, недавно пристроенную — церковь.

Древняя церковь массивными колоннами разделяется на двѣ части: передняя — большая и свѣтлая, задняя — маленькая и полутемная. Вся внутренность храма до самаго купола покрыта старинными фресками, еще достаточно сохранившимися и до сихъ поръ. Въ самомъ куполѣ благославляющій Христосъ. На правой стѣнѣ, бли-

же къ иконостасу—Крещеніе Господне, при чемъ тѣло Спасителя очень смугло, а ноги чрезвычайно тонки. На берегу Иордана много людей уже купающихся; у одного изъ нихъ на голомъ бо виситъ кожаная сумочка. Невдалекѣ отъ крестящагося Христа стоятъ ангелы, держащіе готовѣ одѣяніе. Немного повыше — монахъ часами. Лѣвая сторона изображаетъ Введеніе храмъ Богородицы; надъ колоннами—Успеніе Рождество Ея. Въ задней части храма меж прочемъ слѣдующія фрески: сидящій на трон Спаситель и передъ Нимъ князь Ярославъ, держащій въ рукахъ модель храма Нередицы; страшный судъ; адъ, гдѣ Вельзевулъ сидитъ на драконѣ въ видѣ двухглаваго коня и держитъ въ рукахъ Гуду; дальше—блудница на тигрѣ, обвита бѣлыми змѣямъ; затѣмъ богатый Лазарь въ аду и пр. Въ алтарѣ рядъ святителей новгородскихъ и другихъ святыхъ. Особенности фресокъ: темное тѣло, толкія руки и ноги, большіе, выразительные глаза. На наружной стѣнѣ храма большой образъ Спасителя—древнѣйшая изъ всѣхъ фресокъ. На колоннѣ два образа Воскресенія Господня до петровскаго письма: одинъ—уже окончательно почернѣвшій и облупившійся, а другой—еще сохранившій ясность рисунка. На немъ изображенъ Христосъ въ каменистыхъ сводахъ ада съ крестомъ въ рукахъ, освобождающій души праведниковъ. Замѣчательнъ еще въ церкви крестъ басменный; изъ подъ серебрянаго оклада выступаетъ уже дерево. Въ ризницѣ хранятся двѣ древнія фелони, одна изъ толстаго бумажнаго репса бураго цвѣта,

а другая изъ синеватаго ластика. Интересна небольшая металлическая кружечка въ видѣ вазочки съ узкимъ горлышкомъ, въ которомъ сдѣланъ прорѣзъ для старинныхъ рублей. Въ алтарѣ обращаетъ еще на себя вниманіе рѣзное окно, въ которомъ прежде была вставлена слюда, а теперь оно наглухо заколочено. Въ потолокъ храма масса голосниковъ, вставляемыхъ для резонанса. Голосники—это муравленные горшки, наполненные пескомъ: они вставлялись въ стѣны и въ своды, и когда храмъ обстаивался—песокъ вынимали.

Мѣстность вокругъ храма волнистая, живописная.

— Вотъ въ здѣшнемъ монастырѣ— прежде вѣдь здѣсь былъ монастырь—принялъ постриженіе Анастасій Даниловичъ,—сообщилъ намъ священникъ на обратномъ пути.

— Да,—промолвилъ въ раздумьи пріятель:— что ни шагъ—старина. Вотъ тутъ, гдѣ мы теперь идемъ, можетъ быть ходилъ и Рюрикъ...

Мы уже приближались къ Городищу.

— Да, а то Меншиковъ пировалъ на славу,—добавилъ священникъ.

— Какъ Меншиковъ?

— Вѣдь это же было его имѣніе, ему подарилъ Петръ Великій. Здѣсь Меншиковъ часто пировалъ съ друзьями; отсюда же ушелъ онъ и въ Сибирь. Знаменательное мѣсто: сюда прибылъ опальный князь съ семьей и здѣсь засталъ его указъ о ссылкѣ въ Березовъ. Сорвали съ нихъ

богатая одежда. Прежняя царская невеста была одета въ крестьянское платье и лапти.

— Сколько крови и слезъ пролито здѣсь!

— Много... и по волѣ Грознаго, и по приказамъ Долгорукихъ.

— Они, вѣдь, кажется, были казнены здѣсь въ Новгородѣ?

— Долгорукие? Какъ же, здѣсь, на Красномъ полѣ, у Рождественской церкви... Вотъ посмотрите: видите двѣ церкви, къ городу-то?

— Вижу.

— Здѣсь было мѣсто древнихъ скудельницъ: тутъ погребали убогихъ. Одна изъ церквей построена въ 1227 году. Вотъ здѣсь и была казнь: Иванъ Алексѣевичъ четвертованъ, другимъ отрубилъ головы. Какъ знаменательно: передъ смертью, съ мѣста казни, они видѣли Городище, владѣнія своего соперника.

— А другая церковь?

— Это позднѣйшая, во имя Николая Чудотворца. Ее выстроилъ въ 1786 году Михаилъ Ивановичъ Долгоруковъ.

На грустныхъ думы навелъ меня, рассказъ священника. Я унесся въ прошлое и въ моемъ воображеніи возстали гордые Меншиковы, Долгорукие... Праздники, и затѣмъ—опала, рубище вмѣсто роскошныхъ одеждъ, этапы... тюрьмы... топорь... Заныло сердце.

— Какой чудный видъ, какая дивная панорама! воскликнулъ восторженно Новоторжскій.

— Я посмотрѣлъ въ ту сторону, куда онъ по-

казывалъ. Съ городищенской возвышенности открывался прелестный видъ на городъ и окрестности. Ландшафтъ освѣщался красноватыми вечерними лучами солнца, точно озаренный пламенемъ отдаленнаго пожара: розовыя зданія, розовый тонъ зелени, даже розовая вода. Величавый Юрьевъ стоялъ на рубежѣ озера и рѣки, словно ихъ стражъ. По сторонамъ его—скитъ Перынской и живописная Орловская усадьба. Вдали виднѣлся Ильмень. Волховъ плавно протекалъ мимо храмовъ, какъ бы на поклоненіе заходя во всѣ заливы и пристани. Умножаясь, храмы и монастыри слились наконецъ въ одинъ Великій Новгородъ и увѣнчались державною главою Софіи. Зубчатый Кремль съ башнями и куполами догоралъ послѣдними лучами, и отблескомъ ихъ озарялись городская мостъ и вся Торговая сторона съ ея множествомъ церквей, собравшихся, какъ бы подъ звуки вѣчевого колокола, къ Ярославову двору... По рѣкѣ плыли барки и соминки, скользили лодки. Неслась веселая пѣсня...

Уже совсѣмъ свечерѣло, когда мы простились съ священникомъ и поплыли обратно въ городъ. Медленно тянулись лѣсныя уромы, и звуки заунывной пѣсни мѣшались въ воздухѣ съ веселымъ напѣвомъ „Gaudeamus igitur“.

На Рождественскомъ кладбищѣ, гдѣ находятся Долгоруковскія могилки, мнѣ пришлось побывать много дней уже спустя послѣ поѣздки на Городище; но я нахожу удобнѣе теперь же рассказать о своемъ посѣщеніи кладбища, на которомъ, кстати сказать, погребенъ извѣстный писатель С. С.

Шашковъ. Церковь, въ которой погребены Долгорукіе, — маленькая и скромная, и въ углу, ближайшему ко входной двери, находятся двѣ кирпичныя гробницы казенныхъ князей. Форма гробницъ прямоугольная, съ выдающимися краями. Гробницы выбѣлены известью и обнесены черною деревянною рѣшеткою. На стѣнѣ въ головѣхъ прибита доска съ именами казенныхъ, а нѣсколько выше виситъ на гвоздикѣ массивный деревянный крестъ, обдѣланный въ серебряную оправу. Онъ снятъ съ шеи одного изъ казенныхъ князей. Церковь на видъ очень бѣдна, убога и запущена. Никто не заботится о ней и нѣтъ даже средствъ для ремонтровки. Я не знаю, есть-ли ктонибудь въ живыхъ изъ родственниковъ казенныхъ; по крайней мѣрѣ церковь не получаетъ ни откуда пособія. По словамъ священника, человѣка очень обязательнаго и радушнаго, — только разъ какъ-то Московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ прислалъ въ церковь свою лепту.

Образовъ въ церкви очень мало; царскія врата простыя деревянныя. Изъ иконъ обращаетъ на себя вниманіе стеклярусная, на которой изображенъ Антоній Римлянинъ въ моментъ приплытія на камнѣ въ Новгородъ. Композиція рисунка примитивная; подборъ тоновъ грубый и даже неестественный: вода Волхова совершенно бѣлаго цвѣта, а камень чернаго. Въ алтарѣ есть еще очень древній деревянный крестъ, а на окнѣ — образъ Божіей Матери старинной контурной живописи. Если прибавить къ этому нѣсколько старыхъ книгъ съ надписями Долгорукихъ, два серебряныя

блюда въ ризницѣ, то мы и покончимъ со всѣмъ, на что можно обратить вниманіе въ Рождественской церкви.

Изъ храма священникъ провелъ меня на могилу С. С. Шашкова. На каменномъ фундаментѣ положена большая плита, а въ серединѣ ея водруженъ бронзовый золоченый крестъ. Деревянный чехоль съ окошечкомъ посрединѣ защищаетъ скромный памятникъ отъ непогоды.

Въ одномъ изъ стихотвореній Некрасовъ говорить:

... гдѣ кресты — тамъ мѣщане,
Офицеры, простые дворяне;
Надъ чиновникомъ большая плита,
Подъ плитой-же бываетъ учитель,
А гдѣ нѣтъ ни плиты, ни креста,
Тамъ, должно быть, и есть сочинитель.

Относительно Шашкова не сбылись вполнѣ эти слова: онъ, какъ видите, удостоился и плиты съ крестомъ. Но читатель глубоко ошибается, если изъ этого факта выведетъ заключеніе, что покойный Шашковъ былъ счастливымъ исключеніемъ среди труженниковъ русской мысли. Нѣтъ, какъ и большинство этихъ послѣднихъ, онъ прошелъ трудный путь и, всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ, на 40-мъ году жизни палъ подъ непосильной ношей. Рано познакомился покойный съ невзгодами и, переѣзжая изъ города въ городъ, сильно разстроилъ свое здоровье. Пишущій эти строки мелькомъ видѣлъ его въ Шенкурскѣ. Тогда онъ выглядѣлъ еще человѣкомъ энергичнымъ. Въ Новгородъ онъ прибылъ, говорятъ, уже больнымъ, хотя и

продолжалъ работать такъ же много, какъ и раньше. Вѣчевой городъ, когда-то живой и шумный, а теперь городъ равнодушія и спячки, не особенно радушно встрѣтилъ Шашкова. Мѣстный „Листокъ“, существовавшій недолго по непонятной причинѣ, рѣзко нападалъ на Шашкова. Къ чести новгородцевъ, однако, надо прибавить, что ихъ мѣстный органъ покался передъ гробомъ почившаго въ своихъ недостойныхъ нападкахъ. Шашковъ умеръ 28 августа 1882 г., а похороны состоялись 31-го. Тѣло покойнаго сопровождалъ кружокъ близкихъ лицъ. За гробомъ несли вѣнокъ изъ саговыхъ пальмъ, съ надписью на бѣлой лентѣ: „честному борцу пера С. С. Шашкову“. Студенты многихъ университетовъ почтили вдову сочувственными телеграммами. За то литература блистала своимъ отсутствіемъ. Не было ни одного редактора тѣхъ изданій, гдѣ работалъ покойный, ни одного собрата по оружію. Даже другъ покойнаго Н. В. Шелгуновъ прибылъ только вечеромъ въ день погребенія. Невольно вспоминаются слѣдующія строки:

А тѣ, что вмѣстѣ съ нимъ трузились,
 Казалось, за одно-же бились,
 Съ глубокой вѣрой въ идеаль,—
 Дружа холопски съ торгашами,
 Въ погонѣ жалкой за грошами
 Совсѣмъ забыли про него,
 Собрата—друга своего.

У Шашкова осталась жена и двое дѣтей. Покойный оставилъ имъ въ наслѣдство ничтожныя

крохи да честное, незапятнанное имя. Движимые добрымъ чувствомъ къ памяти усопшаго, его многіе друзья устроили въ Новгородѣ концертъ въ пользу сиротъ. Чистый барышъ съ этого концерта равнялся 131 р. 75 коп. Онъ былъ бы нѣсколько больше, если бы не пришлось платить за прокатъ рояля и музыкантамъ.

пути ихъ по Волхову и Наровѣ ограждены были крѣпостями, за которыя Новгородцы бились на-смерть со шведами и рыцарями ливонскими; до ста тысячъ войска могъ выставить могущественный Новгородъ, долгое время разговаривавшій съ московскими князьями, какъ съ равными братьями, какъ держава съ державою...

Таковъ былъ Новгородъ стараго времени, управляемый вѣчемъ... Оно помѣщалось въ Ярославовомъ дворницѣ, на площадь котораго по звуку колокола стекались народныя массы.. На высокомъ помостѣ, возвышавшемся степенью, возсѣдали вѣчевыя власти, отсюда-же посадники держали рѣчь къ народу.

Изо-дня въ день—на обширной Торговой площади кипѣла жизнь; здѣсь совершались торговыя сдѣлки, сюда шли „гости“ для рѣшенія своихъ дѣлъ; тутъ постоянно двигался народъ около массы балагановъ и лавокъ, и на новгородскомъ Торгу можно было встрѣтить представителей не только всѣхъ русскихъ городовъ, но и иностранныхъ... Не было мѣста оживленнѣе Торга, гдѣ подготавливались и самыя вѣчевыя бури; сюда, къ „голытьбѣ“, доносились отголоски вѣча, и поднималась эта „голытьба“, поднимались и „концы“, при звукахъ колокола собирались они подъ свои стяги и шли къ Торгу рѣшать побѣду той или другой партіи... Торгъ былъ такое мѣсто, которое нельзя было миновать ни духовной процессіи, шедшей изъ Дѣтинца, ни простой массѣ, переходившей съ одной стороны на другую черезъ Волховскій мостъ. И Торгъ являлся свидѣтелемъ вѣ-

VII.

Торговая сторона.—Душа Великаго Новгорода.—Торгъ.—Ганзейскіе дома.—Вѣче и народныя бури.—Остатки старины.

Теперь какъ и прежде, Новгородъ дѣлится на двѣ стороны — на Торговую, расположенную на правомъ берегу Волхова, и Софійскую, занимающую лѣвый берегъ вольной рѣки. На Торговой сторонѣ стариннаго Новгорода было два конца: Словенскій и Плотницкій... Св. Софія была и останется новгородскою святынею, за которую отважно бились сыны великаго города, но Торговая сторона играла всегда важную роль въ жизни вѣчевой республики и ея душою были Ярославово дворнице и смежная ему площадь Торга. Здѣсь находился форумъ Новгорода,—который тогда былъ не тихій, полумертвый губернской городъ, а вольная столица славянскаго сѣвера, одному Любеку уступавшая по своимъ торговымъ оборотамъ и по кипучей промышленной жизни. Да еще уступала ли?.. Его считали богатѣйшимъ городомъ, и конторы Ганзы были подчинены его альдерману... Вся азіатская торговля съ сѣверной Европой проходила черезъ руки новгородскія, а водяные

чевыхъ смуть и мирнаго промышленнаго оживленія. Вблизи Торга, южнѣе Ярославова дворища— были расположены дворы иноземныхъ гостей-купцовъ, дворъ Ганзейскій и Готскій... Сюда спѣшили укрыться торговцы при первомъ признакѣ народной смуты, не знавшей края и мѣры въ своей ярости, свергавшей лучшихъ бояръ въ Волховъ, грабившей дома боярскіе и не щадившей даже церковныхъ кладовыхъ... „Громи все—здѣсь боярская казна“!

И вотъ протекли столѣтія... Былью стала Новгородская вольность, сказкою—его богатства, его могущество... Въ миръ преданій отошелъ вѣчевой Новгородъ... Тихо, какъ на кладбище, на гѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ кипѣло бурное народное море! И только уплѣтвшіеся памятники старины доказываютъ собою намъ, что все прошлое—не вымыселъ. Новгородская слава умерла навѣки, но о ней говорятъ преданія, лѣтописи и тѣ памятники, на которыхъ лежитъ еще нестертая печать стариннаго величія.

Съ тихой грустью приблизился я къ вѣчевому кладбищу. Думы роились въ головѣ. Одна картина за другой проносились въ моемъ воображеніи.

Гдѣ же новгородскій форумъ? гдѣ вѣче? въ чемъ слѣды Торга? Я искалъ какъ-то разъ могилу умершаго друга и едва нашелъ ее по обломку сгнившаго креста. Заброшенная Ярославова башня—это обломокъ креста, обломокъ памятника на могилѣ вѣчевого новгородскаго величія. Она безмолвна, лишенная колокола, покорная всеильному вре-

мени, которое, благодаря нашей безопасности, пожелавъ, совсѣмъ сотретъ съ лица земли и этотъ историческій обломокъ. На вѣчевой башнѣ теперь шумать бѣлье сторожѣ городского училища, которое помѣщается въ зданіи Ярославовомъ, занимающаго этажи подъ историческою башнею. Съ башни прекрасный видъ на Волховъ, городъ и его окрестности.

Степени давно нѣтъ, и вѣчевой форумъ, соотвѣственно прозаическому времени, сдѣлался рынокомъ, гдѣ, вмѣсто прежнихъ громадныхъ операцій, идетъ скучная торговля. Самый дворецъ застроенъ класическими и частными домами, и только церкви обозначаютъ собою то мѣсто, гдѣ былъ княжескій дворъ. Посреди нихъ, стѣснившихся на мѣстѣ бывшей площади Торга и княжескаго двора, возвышается Никольскій соборъ, замѣчательный древностью и красотой; нѣкоторые утверждаютъ, что на Никольской колокольнѣ висѣлъ вѣчевой колоколь. Но это вопросъ еще спорный.

— Давно-ли построенъ соборъ?

— Въ 1113 году, княземъ Мстиславомъ, — отвѣтилъ мнѣ діаконъ.

— Почему-же въ честь св. Николая Чудотворца?

— По обѣту.

Онъ рассказалъ мнѣ преданіе, которое я переложу здѣсь, въ болѣе полномъ видѣ, со словъ И. Купріянова: „Великій Князь, будучи еще удѣльнымъ княземъ новгородскимъ, занемогъ тяжкимъ недугомъ. Когда всѣ извѣстныя въ тогдашнее время медицинскія пособія оказались тщетными, то

благочестивый князь возложилъ всю надежду свою на исцѣленіи на Бога и на предстательство его угодника Чудотворца Николая, коего мощи незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1096 г., были перенесены изъ Миръ-Ликійскихъ въ городъ Баръ. Св. Николай явился страждущему князю въ сновидѣніи и приказалъ ему привезти свой образъ изъ Киева въ Новгородъ, обозначивъ съ точностію мѣру и видъ иконы, отъ коей онъ долженъ былъ получить исцѣленіе. Князь Мстиславъ немедля снарядилъ посольство за иконою. Посланные отправились въ лодкѣ озеромъ Ильменемъ въ Старую Руссу, черезъ которую въ старину лежалъ путь на югъ Руси. Не въ дальнемъ разстояніи отъ города буря застигла плователей на озерѣ, такъ что они принуждены были пристать къ берегу, чтобы переждать непогоду. Только на четвертый день буря утихла, и посланные отправились въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ, близъ самой ладьи, поваръ, посланнаго за иконою боярина, черпая воду, увидѣлъ круглую доску съ изображеніемъ лица св. Николая, плывшую подлѣ лодки. По ближайшемъ разсмотрѣніи ея, посланные убѣдились, что это есть та самая икона св. Николая, за которою они ѣхали въ Киевъ. Князь Мстиславъ, увидѣвъ ее, призналъ именно тою, которую велѣно было ему достать и отъ которой онъ ожидалъ исцѣленія. Выздоровѣвшій тогда-же Мстиславъ далъ обѣтъ соорудить въ Новгородѣ храмъ въ честь этого угодника. Стройка храма — продолжалась 23 года.

— Сохранился этотъ образъ?

— Какъ же, онъ то и есть первое сокровище собора.

Икона находится по правую сторону царскихъ вратъ и по виду совершенно круглая. По сторонамъ лика угодника изображены его чудеса; эти изображенія уже новаго письма.

— Поновлены, вѣроятно. Вѣдь соборъ-то сколько разъ переправлялся...

— Такъ что старина исчезла?..

— Ну, не совсѣмъ, — стѣнные фрески, правда, известкой замазаны, но не погибли... Вѣдь такъ же были замазаны фрески и у Спаса-Нередицы, да отчистили...

Знатокъ утверждаютъ, что несмотря на поправки капитальнаго свойства, основаніе, кладка стѣнъ и общій архитектурный рисунокъ остались безъ измѣненія.

— Прежде въ церкви не было и деревяннаго иконостаса.

— А что-же?

— Простая занавѣсъ отдѣляла алтарь отъ остальной части храма.

Въ соборной ризницѣ хранятся богатая коллекція священнослужителей и хорошая духовная библиотека. Впрочемъ, она теперь не можетъ похвалиться богатствомъ старинныхъ документовъ, уничтоженныхъ частью пожарами, частью рукою невѣжества и аскетическаго фанатизма.

Недалеко отъ Ярославова двора, по ту сторону Торга, было когда-то множество церквей, изъ которыхъ нынѣ сохранились только двѣ: Георгіевская и во имя Іоанна Предтечи, что на „Опокахъ“.

При церкви Георгія— часовня св. Θεодора Юрдиваго, современника юродиваго Николая, жившаго на Софійской сторонѣ. Они не пускали друга на противоположныя стороны, при чемъ Никола, преслѣдуя Θεодора, кидаль въ него кочу капусты, отчего и получилъ названіе Николы Кочу чанаго.

— Вѣдь они-же были праведные?

— Божьи люди.

— Зачѣмъ-же они ссорились?

— А это все наставленіе. Ссорясь, они какъ бы обличали распри новгородцевъ.

Бѣдная церковь Іоанна Предтечи нѣкогда была важнымъ пунктомъ въ Новгородѣ. При этой церкви хранились вѣсы, которые были образцомъ для всѣхъ вѣсовъ. Кромѣ того церкви тогда принадлежали на берегу Волхова „буяны“—склады товаровъ. Іоанновская община купцовъ, собиравшихся на церковномъ дворѣ, пользовалась многими преимуществами и имѣла большое значеніе въ торговой средѣ. Послѣ Ярославова двора, Іоанновъ дворъ былъ самымъ важнымъ мѣстомъ на торговой сторонѣ. Церковь, существующая теперь, уже совсѣмъ не та, что была сначала. Древняя разрушена въ 1453 году, и на ея мѣстѣ выстроена новая. Въ этой послѣдней сдѣланы крупныя передѣлки, такъ что отъ знаменитаго когда то храма осталось только названіе да стѣны; даже и живописи древней не сохранилось.

— А гдѣ-же былъ Ганзейскій дворъ? Что тамъ теперь?

— На его мѣстѣ зданіе Военнаго Штаба.

Уже возвращаясь домой, посѣтилъ я часовню св. Арсенія, на берегу Волхова. Суровый подвизникъ явился безстрашнымъ обличителемъ Грознаго, который дважды посѣщаль святаго въ его Рождественскомъ монастырѣ. Отъ этого монастыря, теперь уничтоженнаго и замѣненнаго часовней, проходилъ къ углу Дѣтинца знаменитый Волховскій мостъ, состоявшій изъ плавучихъ бревенчатыхъ срубней, скрѣпленныхъ между собою связями и державшихся на якоряхъ. Бури не разъ срывали связи, срывали якоря и уничтожали мостъ.

Въ часовнѣ св. Арсенія есть алтарь, но почему-то не освященный. Когда-то тутъ покоились мощи святаго, но теперь они перенесены въ Кирилловъ монастырь.

Весь правый берегъ Волхова въ старыя времена кипѣлъ жизнью. На рѣкѣ масса судовъ изъ-за моря, съ Днѣпра и Волги. Постоянная выгрузка и нагрузка. Здѣсь, вдоль набережной, шли буяны, отчего и улица, перпендикулярно упирающаяся въ Волховъ, называется Буяновскою.

Теперь здѣсь тихо. Бульваръ покрылъ берегъ, только скромныя лодки рыбаковъ да убогія арки качаются на волнахъ.

Sic transit gloria...

VIII.

Въ Кремль.—Дѣтинець. — Историческія справки.—Въ соборѣ.—
Въ ризницѣ.—Разсказъ старухи.

Отправиться въ Кремль для его осмотра одному — бесполезно, потому что многого не увидишь и многого вовсе не узнаешь. Въ мою бытность въ званковскомъ монастырѣ, мнѣ пришлось познакомиться съ отцомъ Левашевымъ, священникомъ Софійскаго собора и смотрителемъ духовнаго училища. вмѣстѣ съ нимъ я и отправился обозрѣвать Кремль, начавши съ Софійскаго собора, съ этого Вестминстера Новгородской земли.

Какая пустота въ Дѣтинецѣ! Посрединѣ памятникъ тысячелѣтія, направо — соборъ и архіерейскій дворъ, налево — присутственныя мѣста, нѣсколько казенныхъ домиковъ, двѣ церкви и... все! А прежде?

Историческій Дѣтинець былъ густо заселенъ и плотно застроенъ. Въ немъ помѣщалось до 26 церквей, 150 жилыхъ дворовъ и 40 лавокъ. Въ него вело пять воротъ съ выстроенными надъ ними церквями. На стѣнахъ — башни и бойницы, изъ которыхъ уцѣлѣло только девять: въ нихъ теперь разные архивы. Самая высокая башня — Кокуй или Чортова.

— Отчего такое названіе?

— По преданію, тамъ жила кукушка, которая давала знать о приближеніи врага.

— Можно теперь взойти на башню?

— Опасно.

Старинныя ворота въ разное время задѣланы; нѣкогда позже *Водяныя*, въ которыя нѣкогда проходила духовная процессія на рѣку въ крещеніе 1-го августа. Теперь въ Кремль ведутъ двое широкихъ воротъ, которыхъ прежде не было.

— А церкви сохранились еще на стѣнахъ?

— Ни одной. Остались двѣ часовни, да еще стѣны одна; мы ихъ потомъ осмотримъ.

Многіе думаютъ, что настоящій Дѣтинець — древній, существующій съ самаго основанія и только отремонтированный. Это ошибка. Дѣтинець, основанный въ 1044 году Владиміромъ Ярославичемъ, было просто-напросто частоколь. Онъ сгорѣлъ въ 1097 году, и вскорѣ его срубили вновь. И только въ 1303 году Новгородъ увидѣлъ у себя каменный Дѣтинець. Разливы рѣки и пожары не щадили и этотъ Кремль: 1487 году вся восточная сторона его, вмѣстѣ съ колокольнею, рухнула.

На заброшенный Дѣтинець снова обратилъ вниманіе, Петръ I, который, боясь нападенія шведовъ, устроилъ вокругъ него бастіоны, Теперь нѣтъ и слѣдовъ этихъ послѣднихъ.

Дѣтинець представлялъ изъ себя крѣпкую заставу: сюда спасались отъ враговъ, здѣсь же, подъ стѣною св. Софіи, искали убѣжища тѣ, чьей смерти жаждала разъяренная толпа. Нерѣдко въ такое собраніе кончалось страшной междоусобицей,

и тогда сюда прибѣгали посадники и тысяцкіе, взывая къ владычной помощи. И выходилъ владыка съ крестомъ въ рукахъ, становился посреди разсвирипѣвшей толпы и прекращалъ нерѣдко кровопролитіе. Если и случалось, что появленіе владыки не прекращало буйства, то не было примысливаемаго, чтобы толпа врвалась въ Дѣтинець и тѣмъ болѣе во владычный дворъ. Не говоря уже о томъ, что народное благоговѣніе къ св. Софіи было велико, надо помнить, что Дѣтинець и преимущественно дворы Софійскій и Владычный оберегались особымъ войскомъ— „Владычнымъ стягомъ“.

Дворъ св. Софіи былъ очень обширенъ; здѣсь собиралось вѣче софійское, когда возникали усобицы между двумя сторонами. Къ Софійскому двору примыкалъ Околотокъ-участокъ, гдѣ жили князья и прічты кремлевскихъ церквей.

Софійская сторона дѣлилась на три конца, изъ лучшихъ считался Загородскій, а въ немъ Прусская улица—аристократическимъ уголкомъ города. Здѣсь жили знатнѣйшіе бояре и посадники, а потому онъ являлся центромъ и источникомъ всякихъ движеній: здѣсь зарождались тѣ политическія идеи, которыя потомъ волновали собою бурное вѣче и создавали битвы двухъ сторонъ.

И все это миновало...

Мы прошли по пустой площади Кремля и появились на ступени Софійскаго собора; служба уже кончалась, народу было очень мало.

— Кажется, не пѣвчіе?—вопросительно замѣтилъ я своему спутнику.

— Пѣвчіе бывають только въ архіерейскую службу.

Святая Софія!

Можно-ли войти безъ благоговѣнія подъ эти вѣковые своды, подъ сѣнью которыхъ въ продолженіе восьми столѣтій возносилась горячая молитва, совершалась безкровная жертва, и лучшіе люди, чьи имена занесены въ исторію на удивленіе потомства, преклоняли свои колѣна въ молитвенномъ экстазѣ! Сколько знаменательныхъ событій, сколько историческихъ памятниковъ и именъ! Минувшимъ величіемъ, чѣмъ-то возвышеннымъ и святымъ напоена вся атмосфера собора...

— Посмотрите на куполь, — сказалъ мнѣ о. Александръ.— Видите?

— Да, вижу, образъ Спасителя... Христосъ благословляетъ, но... отчего—же это у него руки сжата?

— Это чудо. Вы знаете, когда построены соборъ?

— Нѣтъ.

— Въ 1052 году, при епископѣ Лукѣ, Владиміромъ Ярославичемъ. Для внутренней отдѣлки собора были выписаны греческіе художники. По приказу епископа, стали писать Спасителя съ благословляющей рукой. Написали— на другой день картина оказалась сжатой. Ее поправили— снова сжалась. Когда художникъ хотѣлъ поправить вторично, то вдругъ раздался голосъ, неизвѣстно откуда исходящій: „Писари, не пишите меня съ благословляющею рукою, а напишите съ сжатой: въ бо въ сей руцѣ моей сей великій Новградъ я рожду, а когда сія моя рука распространится— кончу сему окончаніе“.

- И что же, разжимается?
- Какъ видите, немного разжата.
- Но можетъ быть, она такую и нарисована.
- Не знаю... Лѣтопись утверждаетъ, что она была нарисована сжатою.

Новгородскій соборъ послужилъ образцомъ для владимірскаго (1160), а по образцу этого послѣдняго построень въ Москвѣ Успенскій.

Не особенно длинна лѣтопись Новгородскаго собора. Въ немъ есть придѣлъ св. родителей Богородицы, устроенный въ память церкви Иоакима и Анны. Эта церковь была создана въ 990 году, епископомъ Иоакимомъ, крестившимъ Новгородцевъ. Она долго существовала позади собора. Иоакимъ же построилъ деревянную церковь во имя св. Софіи (о 13 главахъ, знаменовавшихъ Христа съ апостолами), которая сгорѣла лѣтъ 70 спустя; на мѣстѣ ея возникла церковь св. Бориса и Глѣба, которой теперь также вѣтъ. Каменный храмъ св. Софіи созданъ по образцу Кіевскаго, которому онъ нисколько не уступаетъ. Вышина собора 23 сажени, куполь поддерживается громадными колоннами.

— Съ чего же мы начнемъ обзорѣніе?

— А вотъ посмотрите образъ св. Софіи. Премудрость Божія изображена въ видѣ ангела великаго свѣта; она сидитъ на престолѣ, по сторонамъ котораго св. Дѣва и Предтеча, а надъ ними развернутое Евангеліе съ ангельскими ликами. Противъ иконостаса устроены два мѣста — царское и святительское. Ихъ устроилъ епископъ Пимень, сначала любимецъ Грознаго и судія св. Филиппа, а потомъ жертва расправы Грознаго. Владыку по-

садили на бѣлую лошадь въ рваной одеждѣ, дали ему въ руку волынку, бубень и, какъ шута, возили по улицамъ. Послѣ такого осмѣянія отравили вслѣдъ за другими опальными.

— Какъ, однако, темно здѣсь!

— Маловаты окошки. Чувствуете, какая сырость?

— А что это вверху хоръ?

— Это такъ называемыя полати.

Богата была казна софійская, скопившаяся изъ доходовъ съ обширныхъ владѣчныхъ имѣній и благодаря усерднымъ приношеніямъ: золотыя и серебряныя вещи, дорогіе мѣха, атласы, драгоценныя камни и червонцы — четвериками. Все это и хранилось вверху, вмѣстѣ съ книгами, искусно написанными, украшенными заставками и цвѣтными буквами.

Внутри собора 10 столбовъ, на 6-ти изъ которыхъ и держится верхній ярусъ храма — полати. Онѣ освѣщаются чрезвычайно узкими окошками.

Главный престолъ собора во имя Успенія Богоматери; кромѣ его еще 5 придѣловъ: 2 съ южной, съ сѣверной и 1 съ юго-западной стороны. Соборъ богатъ мощами. Здѣсь покоятся: св. Никита, Иоаннъ и Григорій, Мстиславъ, Феодоръ Ярославичъ, Анна и др. Особенно чтимы: Никита, Мстиславъ и Иоаннъ, о которыхъ сохранились рассказы и преданія.

Св. Никита былъ сначала кіево-печерскимъ монахомъ. Его уже всѣ считали праведнымъ, когда онъ подпалъ искушенію бѣса: возмнивъ о себѣ, пересталъ молиться — по слову того же злого духа.

явившагося въ видѣ ангела. Когда подвижникъ по- нялъ обманъ, онъ предался еще большому посту и усиленной молитвѣ. Въ санѣ новгородскаго епи- скопа Никита снискалъ общую любовь и за бла- гочестивую жизнь былъ причисленъ къ лику свя- тыхъ. Его мощи 450 лѣтъ лежали подъ спудомъ и открыты по видѣнію, бывшему одному боярину.

Напротивъ св. Никиты, въ серебряной рацѣ, покоится Мстиславъ, славный сынъ Ростислава, любимый всѣмъ народомъ. Нетлѣнные руки его, доблестно владѣвшія мечемъ, крестообразны сло- жены на груди. Оба угодника почиваютъ въ при- дѣлѣ Рождества Богородицы; придѣлъ отдѣляется отъ главной церкви такъ называемыми Шведски- ми воротами, которыя состоятъ изъ двухъ полови- нокъ, каждая обложена мѣднымъ листомъ и раздѣ- ляется каймою на три отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи по четырехугольнику, составленному изъ двухъ рядовъ линий, съ двойнымъ полукружіемъ внутри: въ полукружій шестиконечный крестъ. Кайма сдѣлана изящно и состоитъ изъ розетокъ, цвѣтовъ и звѣздъ.

— Отчего они называются Шведскими?

— Если вѣрить преданію, онѣ взяты изъ Шведской столицы Сектуны, отъ чего ихъ и на- зываютъ еще Сектунскими. Сектуну разорили мор- скіе разбойники вмѣстѣ съ новгородцами. Нача- ла ворота были высеребренны, но серебро давно уже сошло.

Открытыя мощи Иоанна находятся въ Предте- ченскомъ придѣлѣ вмѣстѣ съ мощами Григорія, лежащими еще подъ спудомъ.

Іоаннъ, одинъ изъ славнѣйшихъ епископовъ нов- городскихъ, избранъ на кафедру еще въ санѣ іеромонаха. Получивши санъ епископа, онъ остал- ся тѣмъ же кроткимъ и смиреннымъ, какимъ былъ ранѣе, продолжая подвиги труженика и по- стника. Его молитвою спасся Новгородъ отъ раз- зоренія Романа Суздальскаго и „семидесяти князей, съ нимъ пришедшихъ“.

Три дня молился епископъ передъ иконою Спа- сителя и наконецъ услышалъ гласъ, повелѣвавшій поднять икону Богоматери изъ церкви Спаса на Ильинской улицѣ и принести на стѣну Детинца. Тщетно сперва хотѣли взять икону — ее не могли сдвинуть съ мѣста. Іоаннъ упалъ ницъ передъ образомъ; по долгой молитвѣ, икона заколебалась. При радостномъ крикѣ и пѣніи ее подняли и по- несли на стѣны, гдѣ кипѣла сѣча. Одна изъ вра- жескихъ стрѣлъ ударила въ икону и тутъ то совершилось чудо. Изъ очей Богоматери полились слезы, и вдругъ тьма покрыла враговъ. Новгород- цы бросились на нихъ и довершили побѣду.

Клевета сумѣла очернить передъ народомъ да- же и такого святаго мужа, какимъ былъ Іоаннъ. Старца заподозрили въ нецѣломудріи, бросили его на плотъ и оттолкнули отъ берега. Плотъ понесло противъ теченія и причалило къ Юрьевской обн- тели. Тогда поняли безумцы свой грѣхъ и бро- сились умолять праведника вернуться на паству.

Кромѣ святыхъ угодниковъ, въ соборѣ погре- бено много владыкъ и князей новгородскихъ. Въ числѣ первыхъ находится и знаменитый сотру- дникъ Петра — Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Замѣчательно въ главномъ алтарѣ горнее мѣсто съ 6-ю ступенями; по сторонамъ его каменные сидѣнья. Въ нишѣ стѣны кресло, гдѣ возсѣдали владыки новгородскіе и на которое садиться теперь имѣетъ право только одиѣ митрополитъ. Кресло деревянное, массивное, его ножки рѣзныя, золоченыя, въ видѣ рыбъ.

Всѣ стѣны главнаго алтаря обложены мозаикой въ видѣ плитокъ желтаго, зеленаго и кофейнаго цвѣтовъ.

— Обратите вниманіе, замѣтилъ о. Александръ:—эта мозаика современна основанію собора.

Осмотрѣли мы древнія иконы, которыхъ немало, паникадилы и, поклонившись праху юнаго Θεодора Ярославовича, умершаго въ день своей свадьбы, отирались по узкой темной лѣстницѣ въ ризницу, славящуюся своими древностями.

Соборъ имѣетъ 6 главъ, изъ нихъ 5 посерединѣ. Западная-же часть собора образуетъ какъ бы двухъ-этажную пристройку, и надъ ней-то 6-я глава. Второй этажъ составляетъ древнія полаты; здѣсь нѣсколько комнатъ, въ которыхъ помѣщается ризница, а прежде хранилась и бібліотека. Шестая глава—это открытый фонарь или бельведеръ надъ пристройкою.

— Такъ бібліотеки болѣе нѣтъ?

— Да, все что можно было увезти—увезли.

— Куда?

— Въ Кіевскую Лавру, въ бібліотеку Казанской академіи... всюду! У насъ ничего не оставили, кромѣ архива съ церковными документами.

Мы вели этотъ разговоръ. идя по лѣстницѣ,

полукруглой, съ низкими сводами, о которые легко задѣтъ головою. Чѣмъ выше,—тѣмъ свѣтлѣе.

За толстыми, старинными желѣзными дверями хранятся мѣстные сокровища и древности. Въ первомъ шкафу, за стекломъ,—святительскія одежды, которымъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ; особеннаго вниманія между ними заслуживаетъ коричневая штофная мантія святого Никиты, находившаяся 450 лѣтъ въ землѣ. Затѣмъ—царская шапка, штофная малиновая съ золотымъ шитьемъ, опущенная горностаемъ. Оборванный мѣхъ позволяетъ видѣть деревянный, крашеный ободъ.

— А вотъ шапка св. Никиты.

Она, синяя также штофная, съ горностаевою опушкой, съ изображеніемъ херувимовъ и серафимовъ, вышитыхъ золотомъ.

— А это что?

— Посохи.

Ихъ нѣсколько. Одинъ изъ нихъ съ искусной, прозрачной рѣзбой по кости, прерываемой шариками изъ чернаго хрустала. Есть посохъ мегаллическій, два деревянныхъ.

— А это—неужели посохъ?

— Нѣтъ, это долбня Ивана Грознаго, только ужъ безъ головки и наконечника.

Долбня—какое странное слово! Теперь ее употребляютъ для колки льда, а опричники долбили ею „живье человѣческое“, какъ выразился одинъ мужичекъ. Новгородцевъ бросали въ рѣку, и тѣхъ, кто выплывалъ, добывали опричники. Не вытерпѣвъ Волховъ и по словамъ поэта;

Гнѣвомъ вскипѣлъ онъ къ злодѣю ужасному,

Въ душу рѣшилъ заглянуть,
И захлестнулъ онъ кровавою пѣною
Звѣрю въ иссохшую грудь.
Грозный вскочилъ, отшатнулся какъ бѣшенный
Понялъ движеніе рѣки,
И приказалъ своимъ лютымъ опричникамъ
Кончить веселье...

Избивъ тысячи и уѣзжая во Псковъ, Иванъ
изрекъ новгородцамъ: „Жители великаго города
оставшіеся въ живыхъ! Молите Господа Бога
Его Пречистую Матерь и всѣхъ святыхъ о на-
шемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, чтобы
Господь даровалъ намъ побѣду, а судить Божію
общему измѣннику владыкѣ Пимену“ и т. д.
Достоинно понесъ послѣдній наказаніе; сбилось
предвѣщаніе митрополита Филиппа!

Заговоривши о расправѣ Грознаго, кстати здѣсь
же передамъ и рассказъ, слышанный мною отъ
одной новгородской старухи. — Ахъ, батюшка, люте
былъ, люте царь Иванъ, не тѣмъ будь помянуть.
Никому отъ него пощады не было, вездѣ-то онъ
обиду да измѣну чюялъ. Ужъ, кажись бы, чего
съ младенца малаго требовать, а и къ тому былъ
грозень, и сумнителень. Вотъ таперича случай
какой былъ. Ужъ это истинная правда, такъ отъ
отцовъ идетъ, такъ и сохранилося. Вишь, вѣдь
чемъ дѣло. Ъхалъ царь на своемъ конѣ по ули-
цѣ и собачьи сыны съ нимъ, стражники-то, что
съ головами песьими ѣдили. Ну, вотъ, ѣдетъ
царь: вдругъ слышитъ въ одномъ домикѣ плачь
ребенка, — реветъ — заливається. Кажись бы, что тутъ
за притча, дѣло обыкновенное. Анъ нѣтъ, — царь

ейчасъ въ сумленіе: „почему плачеть? стало быть
меня боится, застращепь.. А! мною пугаютъ!
гало быть меня считаютъ за звѣря какого!“

Разгнѣвался царь. Позвалъ отца съ матерью.

Вѣ—въ ноги ему: „Неповинны, говорятъ, царь-

батюшка, а плачеть потому, что дитя неразум-

ное“. „Неправда,—говорить, это Иванъ то,—все

онъ понимасть, вы его научили. Отецъ съ ма-

терью твердятъ одно: — „Неповины, царь-батюшка.

Дитя неразумное“. Подумалъ царь, подумалъ, да

говорить:—А вотъ, говорить, я это сейчасъ

проясню. Ежели, говорить, онъ ничего не понима-

етъ такъ это и увидимъ“. И велѣлъ царь прине-

сти два волоха (крышки съ горшковъ глиняныхъ),

положили на одинъ уголей раскаленныхъ, а на

другой велѣли насыпать золота. И поднесли ди-

те. Пересталъ плакать. Посмотрѣлъ, да и потя-

нулся къ тому, что ярче и краснѣе, къ уголямъ

стало быть. Схватилъ это уголь, да и заревѣлъ

лучше прежняго. Прояснилось лицо царское. „Ну,

теперь, говорить, вижу, что плакалъ отъ глупо-

сти“. Велѣлъ все золото отдать испуганнымъ ро-

дителямъ, дескать — пусть когда выростетъ ихъ

ребенокъ, такъ помнитъ царя и не вѣритъ измѣн-

никамъ, что ему всякія злодѣйства приписывали“.

Вѣдь вотъ, батюшка, заключила старуха, каковъ

былъ царь то Иванъ Грозный: вѣдь съ дитей-то

неразумнымъ всяко случиться могло, а ну-ка да

схватитъ онъ золото—бѣда бы бѣдущая и ему и

родителямъ! *)

*) Этотъ характерный рассказъ записанъ мною со словъ ста-
рухи.

Въ ризницѣ же хранятся два мѣдные сіона, которые выносились при большемъ выходѣ во время архіерейской службы.

Мы подошли къ третьему шкафу: въ немъ мѣдные и серебряные сосуды для просфоръ, кресты для святой воды, нѣсколько деревянныхъ чашъ и древнихъ лжицъ. Тутъ-же точеный изъ кости стаканъ Петра Великаго и его-же табакерка. Стаканъ украшенъ мелкой, чрезвычайно отчетливой рельефной рѣзбой. На стѣнѣ виситъ подарокъ князя Василя Темнаго—древняя плащаница, шитая золотомъ по синему штофу.

— А чей это портретъ на стѣнѣ?

— Это Никонъ, бывший архиепископъ Новгородъ.

Никонъ—полный человѣкъ, съ чисто-русскимъ, серьезно-добродушнымъ, красивымъ лицомъ, съ голубыми глазами, длинной русой бородою и съ такими-же волосами. Онъ изображенъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, богато расшитомъ жемчугомъ.

— А вотъ въ этихъ сундукахъ древнее облаченіе и антиминсы, промолвилъ о. Александръ.

Антиминсовъ очень большое количество. Болѣе поздніе — цвѣтные атласные, съ изображеніемъ на нихъ положенія во гробъ Христа, а древніе—холщевые. Чѣмъ далѣе въ глубь, тѣмъ болѣе различія. На многихъ только крестъ, а на иныхъ нѣтъ и его. Очень характеренъ одинъ антиминсъ, уже порванный и наклеенный на бумагу. Есть даже антиминсы совсѣмъ бумажные.

Въ послѣдней комнатѣ ризницы хранятся древняя и новыя драгоценности. Здѣсь риза съ ликомъ св. Никиты, богато расшитая жемчугомъ. Тутъ-же митры, дарохранительницы, блюда, чаши золотыя, серебряныя, украшенныя дорогими камнями. Нѣкоторыя митры очень тяжелы, едва ли легче веригъ св. Никиты, которыя я носилъ на плечахъ во время обзора.

Нельзя также пропустить безъ вниманія клобукъ, подаренный епископу Василю константинопольскимъ патриархомъ; клобукъ зовется бѣлымъ, хотя онъ цвѣта гаванна.

Прежде чѣмъ спуститься внизъ, мы завернули еще въ архивъ, гдѣ есть очень глубокой колодезь, въ которомъ хранились рукописи и драгоценныя книги. Все это вывезено. Массами, въ баркахъ возили рѣдкія рукописи и половина ихъ погибла.

День стоялъ чудный, ясный. Послѣ мрака и сырости я былъ радъ свѣту и теплу.

Снаружи соборъ не особенно красивъ. Онъ построенъ изъ камня—плитняка, булыжника и кирпича. Изъ 6-ти главъ—средняя золотая, уже теперь совершенно почернѣвшая, а остальные—прежде свинцовыя—нынѣ покрыты англійской жестью. Кресты — мѣдные, вызолоченные черезъ огонь. На крестѣ средней главы—металлическій голубь.

IX.

Софійская колокольня.—Опальный колоколь.—Теплый соборъ
 Ювъ и братья Лихуды.—Корсунскія ворота.—Юанновы палаты
 Ефимьевская башня.—Въ часовняхъ.—Обыденная и Покровская
 церкви.—Памятникъ тысячелѣтня.—Зарытыя думскія деньги
 Легенда о Невѣжѣ.—Только для показа.

- Куда же мы теперь?
- Пойдемте въ архіерейскій дворъ, — тамъ башня Ефимьевская...
- А это что за домъ, позади собора?
- Это духовное училище: здѣсь когда то трудились братья Лихуды.
- Посмотримте.
- Теперь тамъ ремонтировка; но если хотите — зайдете.
- Прекрасное помѣщеніе: большія высокія комнаты; масса свѣта и воздуха. Въ верхнемъ этажѣ нѣскольکو балконовъ, откуда прелестный видъ на Волховъ.
- Какая же это церковь противъ насъ, рядомъ съ соборомъ?
- А это тоже соборъ, теплый.
- Чѣмъ нибудь замѣчательнѣе? древнѣе?
- Нѣтъ, въ прошломъ вѣкѣ выстроены. Раньше тутъ была другая церковь.

Возлѣ кремлевской стѣны, совсѣмъ отдѣльно, стоитъ соборная колокольня съ 5-ю сквозными арками, красивой готической архитектуры. Мнѣ не хотѣлось подниматься, и я ограничился нѣкоторыми разспросами. По словамъ о. Александра, главный колокольъ вѣситъ около 2,000 пудовъ и отлитъ при Макаріѣ въ 1659 году.

- Это самый древній колоколь?
- Нѣтъ, есть и древнѣе, но тѣ меньше.
- Прежде тутъ же былъ и опальный колоколь.
- Какой?
- Опальный. Грозный ѣхаль по мосту, и наговѣсть испугалъ его коня. Разгнѣвался Иванъ Васильевичъ, велѣлъ отрубить уши буйному колоколу и хотѣлъ увезти въ Москву. Но раздумалъ. Онъ вѣсилъ болѣе 500 пудовъ.
- Гдѣ же онъ теперь?
- Перелили. Тутъ еще нѣтъ одного колокола — катуна: стоило качнуть языкъ, какъ начинался звонъ и не прекращался, пока не остановятъ.
- Мы отправились на Владычный дворъ. Но прежде чѣмъ продолжать разсказъ о видѣнномъ, я хотѣю сказать два слова о почтенныхъ греческихъ святыхъ и митрополитѣ Ювъ.
- Въ корпусѣ, въ которомъ находится духовное училище, помѣщалась нѣкогда школа братьевъ Лихудовъ. Они были вызваны въ Россію патриархомъ Юанномъ, потомъ попали въ заточеніе, откуда Ювъ и призвалъ ихъ снова къ ученой дѣятельности.
- Ювъ одинъ изъ просвѣщенныхъ архипастырей Петровскаго времени. Понимая силу науки и

пользу реформъ, онъ, оставаясь строго вѣрнымъ своему сану и обѣту, ревностно помогаль Петру Ювъ завелъ три школы въ Новгородѣ, устроилъ больницу, богадѣльню, домъ для странныхъ и даже „домъ для подкидышей“, осуществивъ такимъ образомъ задолго до Бецкаго его идею. Этимъ послѣднимъ шагомъ онъ выказалъ себя безстрашнымъ новаторомъ и человекомъ глубокой, серьезной мысли. Въ больницѣ и страннопріимныхъ домахъ оказана помощь болѣе 150,000 людей, уже одна эта цифра говоритъ о той пользѣ, какую пренесли учрежденія почтеннаго іерарха.

Всѣ эти дома и школы устроены Ювомъ на свой счетъ.

Школа при архіерейскомъ домѣ обращала на себя главное вниманіе архипастыря, и вотъ сюда-то призваны были Лихуды. Хорошо образованные, преданные наукѣ, братья принесли много пользы Россіи, трудясь при Московской славяно-греко-латинской академіи. Клевета заточила ихъ въ Ипатьевскій монастырь, откуда они и прибыли въ Новгородъ. Здѣсь ими заведено училище и переведено много на славянскій языкъ духовно-образовательныхъ книгъ. Въ программу шестилѣтняго образовательнаго курса входили слѣдующіе предметы: славянскій, латинскій и греческій языки, пѣтика, риторика и логика. Лихудовы ученики распространили знаніе по разнымъ угламъ губерніи, и въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ ея начали возникать училища. Одинъ изъ братьевъ, Іоанникій, до самой смерти Юва оставался въ Новгородѣ и умеръ въ глубокой старости въ Москвѣ, на рукахъ младшаго брата

Архіерейскій дворъ не особенно великъ, гораздо менѣе древняго Владычнаго. Съ этого двора есть входъ въ соборъ, черезъ извѣстныя, такъ называемыя Корсунскія ворота, ведущія въ западную паперть храма. Корсунскія ворота состоятъ изъ 2-хъ деревянныхъ половинокъ. Каждая изъ нихъ обложена по краямъ бронзовыми выпуклыми камами и раздѣляется поперечными, также бронзовыми каймами на семь отдѣленій, изъ которыхъ верхнія идутъ во всю ширину половинки, а остальныя продольной каймою дѣлятся пополамъ. Онѣ покрыты неровнымъ числомъ бронзовыхъ досокъ разной величины; всѣхъ ихъ — 48. Доски отлиты на $\frac{1}{6}$ дюйма въ толщину съ выпуклыми изображеніями евангельскихъ событій. Вездѣ, гдѣ поперечныя каймы встрѣчаются съ продольными, находятся бляхи съ розетками—отлитыя и вырѣзанныя. Внизу дверей изображены три нѣмецкихъ художника и магдебургскій епископъ.

— Это зачѣмъ-же?

— Да вѣдь онѣ привезены въ Новгородъ изъ Германіи.

— Тогда почему-же они зовутся Корсунскими?

— Есть другое мнѣніе, что они подарены св. Владиміромъ, который ихъ привезъ, будто, изъ Греціи. Но первое мнѣніе имѣетъ за собою болѣе документальной силы.

— А что это за бѣлые слѣды на дверяхъ?

— А это ужъ подарокъ художниковъ. Наѣзжали сюда, дѣлали снимки, слѣпки и запачкали гипсомъ. А вы вотъ еще крестъ посмотрите, на стѣнѣ, немного вправо отъ дверей.

Мы сдѣлали шага два въ сторону. Въ стѣнѣ вѣланъ крестъ, судя по надписи, относящейся къ XIV вѣку и называемый Бѣлымъ.

На архіерейскомъ дворѣ немало новыхъ старыхъ построекъ. Изъ древнихъ палатъ владычъныхъ остались только Никитинскія, Иоанновскія и Ефимьевскія—каменный корпусъ съ башней.

Иоанновскія палаты играли важную роль въ исторической жизни Новгородской республики. Здѣсь была грановитая палата, послужившая образцомъ для Московской. Избраніе владыки совершалось на вѣчѣ. Имена трехъ выбранныхъ кандидатовъ записывались на бумажкахъ, которыя запечатанными клались на престолъ св. Софіи. Послѣ обѣдни два ярлычка выносились народу—и тотъ, чей билетикъ остался на престолѣ, считался выбраннымъ. Его извѣщали и торжественно „возводили на сѣни“,—т. е. въ грановитую палату, гдѣ знатнѣйшіе горожане встрѣчали его хлѣбомъ-солью.

— Сколько помню—избирали даже изъ бѣлаго духовенства?

— Кого хотѣло вѣче; оно могло избрать не только священника, но даже дьякона.

— И онъ ставился владыкою?

— Да, получалъ потомъ хиротонію отъ высшей духовной власти. Но въ управленіе вступалъ сейчасъ-же.

— Но его вскорѣ-же и посвящали?

— Не всегда. Случались такіе казусы: избегаютъ владыку, онъ не поладитъ съ народомъ, и до утвержденія—его уже низвергнуть. Буйна была воля новгородская.

Скромно крыльцо грановитой палаты и тѣсны сѣни, на которыя возводили владыкъ. Изъ залы теперь сдѣлана церковь во имя св. Іоанна, но комната сохранила свой первоначальный видъ: потолокъ ея со стѣнами выведенъ сводомъ, упирающимся на одномъ столбѣ; вся она изукрашена орнаментами.

Многихъ событій свидѣтельницею была эта палата, къ сожалѣнію, неоставшаяся всецѣло нетронутою. Здѣсь владыки угощали князей, здѣсь новгородцы присягали Ивану III, и въ этой-же палатѣ его свирѣпый внукъ не пощадилъ сана епископскаго, нарушилъ обычай гостепріимства. приказавъ связать Пимена во время обѣда.

Рядомъ съ грановитой палатой существуютъ еще двѣ комнатки—кельи св. Іоанна, расписанныя его подвигами.

Отъ Ефимьевскаго корпуса, построеннаго святымъ въ XIV вѣкѣ осталась только крестовая церковь во имя св. Сергія, очень красивая, но маленькая; она помѣщается подъ башней. Эта послѣдняя—8-ми гранная, превосходящая своею высотой всѣ городскія зданія. Въ ея верхнемъ ярусѣ помѣщаются старинные часы, уже теперь не дѣйствующіе, но нѣкогда „повѣщавшіе о времени весь городъ“. Тогда эту башню называли звонницей.

— Имѣйте въ виду, замѣтилъ о. Александръ, когда мы поднимались на башню:—это уже не самые древніе часы; тѣ—разрушены, а эти—устроены всего только въ 1675 году.

— Теперь они бесполезны: механизмъ испорченъ и они не бьютъ.

— Да, но бой часовъ производится, дежурные звонятъ въ колоколь, тотъ самый, который приводился въ дѣйствіе механизмомъ.

Нелегко подняться на башню, на которую ведетъ 110 ступеней—крутыхъ и неудобныхъ. Ноги устаютъ такъ, что потомъ едва ходишь. На самой башнѣ у многихъ кружится голова. Зато съ башни видъ—очаровательный: всѣ окрестности видны далеко. Ясиютъ Бронницы со зданіями бывшаго Аракчеевскаго корпуса, переведеннаго въ Нижній. Красивою, пестрою лентою раскинулись жилища на берегу Волхова; бѣлѣютъ монастыри и церкви съ блестящими главами...

Не безъ труда спустился я назадъ: 220 ступеней прошелъ всего, а будто сдѣлалъ нѣсколько верствъ. Прежде чѣмъ итти въ Кремль, чтобы взглянуть на удѣлѣвшія церкви, мы присѣли отдохнуть на скамейкѣ у Никитскаго корпуса, въ которомъ по зимамъ жили владыки Новгорода и тянулась крытая галлерея, подымавшаяся на стѣну Дѣтинца.

Изъ множества церквей, наполнявшихъ собою древній Кремль, остались всего двѣ: Покровская, у самой стѣны, за присутственными мѣстами, и маленькая, точно модель, церковь Андрея Стратилата. Эта послѣдняя, ничѣмъ не замѣчательная внутри, называется *обыденной*, потому что выстроена въ одинъ день, братомъ Невскаго, княземъ Андреемъ, за избавленіе отъ моровой язвы. Такихъ *обытныхъ* церквей прежде было много, но онѣ рушились, не поддерживаемыя индеферентизмомъ, который смѣнилъ древнее благочестіе.

Недалеко отъ Покровской церкви когда-то находился дворецъ, гдѣ жили московскіе царскіе наѣздяники. Въ одной изъ башенъ, сюда прилегающихъ, потомъ помѣщался острогъ. Церковь выстроена въ 1527 году, и въ ней находится чудотворная икона Божіей Матери. Покровская церковь замѣтно клонится къ упадку, какъ и самыя кремлевскія стѣны, мѣстами покрытыя деревяннымъ зонтомъ, мѣстами близкія къ разрушенію, поросшія травой и деревьями.

— А зачѣмъ уничтожили церкви на стѣнахъ и подъ воротами?

— Все это разрушено шведами, которые не пощадили и многихъ внутреннихъ кремлевскихъ церквей. Такъ поработалъ нашъ союзникъ Делагарди!

Надъ древними Владимірскими воротами, взаменъ прежней церкви теперь существуетъ Никольская часовня, а тамъ, гдѣ были ворота Литовскія, черезъ которые сообщался Кремль съ торговою стороною (дорога шла къ мосту), — находится часовня Спасская. Въ ней замѣчательны древнія желѣзные ворота, уже задѣланныя, находящіяся на значительной глубинѣ, и образъ Спасителя въ нишѣ, внизу которой устроенъ колодезь съ холодной водою. Часовенка лѣпится къ кремлевской стѣнѣ, точно ласточкино гнѣздо.

Помолившись чудотворному образу и освѣживши лицо студеной водою, мы спустились съ лѣстницы и очутились опять у обыденной церкви.

— Теперь куда?

— Да куда-же, — все. Пойдемте къ памятнику. Направились.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ памятникъ тысячелѣтія, — дѣло рукъ живущаго поколѣнія, раньше помѣщался обелискъ въ память ополченія 1812 года. Онъ перенесенъ теперь на площадь къ Дворянскому Собранію.

Я не буду распространяться о памятникѣ, который всѣмъ извѣстенъ. Достаточно только сказать, что сначала, еще въ 50-хъ годахъ, явилась мысль поставить въ Новгородѣ памятникъ Рюрику, какъ первому русскому монарху; потомъ эта идея получила широкое развитіе, къ сожалѣнію, впрочемъ, не вполне реализировавшееся: почему-то нашли нужнымъ съ памятника снять рельефы нѣкоторыхъ видныхъ русскихъ дѣятелей. Нельзя еще упомянуть о томъ крайне странномъ фактѣ, что при планѣ забыли о покойномъ императорѣ Николаѣ I Уже потомъ вспомнили и помѣстили его.

Послѣ обзора памятника, я направился въ лѣтній садъ, чтобы отдохнуть немножко въ тѣни его деревъ. О. Александръ носпѣшилъ домой, такъ какъ его ждало какое-то срочное дѣло. Здѣсь у воротъ никого не было, — ни полиціи, ни сторожа. Въ саду, наравнѣ съ интеллигентной и чисто-одѣтой публикою, бродили солдаты, какіе-то оборванцы, постоянно пристававшіе къ гуляющимъ съ просьбою о помощи. Не однажды воздухъ оглашался нецензурною бранью.

Сидя на скамейкѣ, недалеко отъ буфета, я разговорился съ какимъ-то отставнымъ военнымъ о зловоніи близъ Кремля.

— Ахъ, уже и не говорите, произнесъ онъ: — такая гадость, что сказать нельзя!

Оказалось, что зловоніе распространялъ ровъ, идущій около кремлевской стѣны. Онъ уже давно является источникомъ вони и расадникомъ перемежающихся лихорадокъ. По проекту одного инженера, Дума очищала этотъ ровъ. Предполагали, что миазмы уничтожатся и можно будетъ кататься по прорытому рву; но всѣ эти мечты не сбылись. Ухлопано около пяти тысячъ думскихъ денегъ, а ровъ по прежнему тотъ-же источникъ зловонія. Отчего ужъ такъ случилось — рѣшить не берусь. Невольно, только является слѣдующій вопросъ: не такъ-же ли бесплодно будутъ зарыты думскія деньги, ассигнованныя на работы въ Θεодоровскомъ ручьѣ? Этотъ ручей дѣлитъ Торговую сторону на двѣ части. Названный на планахъ генеральнаго штаба *Славянской копанью*, ручей не весь дѣло рукъ человѣческихъ. Первые 380 сажень составляютъ продолженіе небольшого натурального ручья Тарасовца, а вся остальная часть, вплоть до самаго Волхова — искусственная копань. Вода въ этомъ ручьѣ держится очень недолго, и уже съ конца іюня онъ является, пожалуй, не меньшимъ источникомъ миазмъ, чѣмъ и кремлевскій ровъ. Теперь начаты работы по углубленію и урегулированію Θεодоровскаго ручья. Неужели и здѣсь результатъ получится столь же плачевный?

Возвращаясь изъ сада домой черезъ Волховскій мостъ, я остановился на немъ. Рѣка величаво катила свои воды. Невольно припомнились мнѣ стихи Губера:

Плачетъ старый Волховъ,
Плачетъ бѣлой кровью
О былыхъ бояхъ...

Вольная рѣка такъ и осталась вольною, не покорилась человѣку, и до сихъ поръ на ней не устроено ни одной мельницы. Я думаю, немногимъ извѣстна легенда о Невѣжѣ, и потому я позволяю себѣ рассказать ее.

Владыка Макарій въ 1528 году вздумалъ построить на Волховѣ, близъ Кремля, мельницу, чтобы увеличить доходы св. Софіи. Онъ поручилъ это дѣло псковитянину Невѣжѣ. Тотъ выбралъ для мельницы мѣсто на рѣкѣ, гдѣ были тогда бани. Онъ понадѣлалъ много срубовъ и сталъ ихъ затапливать на днѣ рѣки, накладывая въ середину камня. Соорудивъ ограду, онъ установилъ колеса и жернова—и мельница начала уже работать. Народъ дивился и, недоувѣрчиво качая головою, говорилъ: „Волховъ нашъ смолоду не мололъ, а чи на старость начнетъ молоть“. Невѣжа не сообразилъ, что Ильмень весною буренъ и многоводенъ; и вотъ настала весна, пошелъ ильменскій ледъ по Волхову—и мельницу снесло отъ напора льда и теченія. Въ лѣтописи по сему случаю сказано: „И самое то мѣсто разруши и разнесе, и деже жерновъ стоя, — и не бысть ничего, поlicko мало срубовъ осталось да камня въ водѣ“!

И съ тѣхъ поръ оставили Волховъ въ покоѣ. Я стоялъ посрединѣ моста, глядѣлъ на рѣку и думалъ: уснулъ дѣдушка Волховъ, угомонился. Все прошло и на вѣки минуло.

На правомъ берегу Волхова, у моста, гдѣ часовня Александра Невскаго, стоитъ столбъ со спасительными снарядами и будка съ гербомъ рѣч-

ной полиціи. Неправда-ли, какъ хорошо это?... Конечно, да—ибо говорить о цивилизаци и благоустройствѣ... Но, увы, читатель, все это только напоказъ... Въ мѣстной хроникѣ масса фактовъ, наводящихъ на грустную думу: все есть напоказъ, и ничего нѣтъ на самомъ дѣлѣ... Вотъ вамъ одинъ фактъ: пароходной волной захлестнуло и опрокинуло лодку, на которой катались двое мальчиковъ. Это случилось у словенскаго берега у самой спасительной станціи. И что-же? Наличные спасители облеклись въ свои пробочные доспѣхи, надѣли свои красные колпаки, вооружились веслами и... ждали приказа, чтобы итти спасать. Дѣти гибли у нихъ на глазахъ,—а они не спасали, ибо ждали приказа!.. Можетъ-ли китайская формалистика итти еще далѣе? Много-ли пользы тогда отъ „станціи“ и „снарядовъ“..

— Но для чего-же столбъ и снаряды и проч.? — задалъ я вопросъ одному изъ обывателей.

— А для напоминанія, что можно утонуть,— отвѣтилъ острякъ.

Не-дурно!..

X.

Неможно еще объ извозчикахъ.—Остатки дворянскаго величія.—
Моя побѣдка съ бѣлоозерскою купчихою.—Недоумѣніе крестьянъ.—
Наивныя бабы.—Болото на Софійской сторонѣ.—Антоніевскій ме-
настырь.—Хутынъ.—Полихроній и Антоній.—Хорошій примѣръ.—
О симпатичномъ типѣ монаха.

Выдался сѣренькій денекъ. Съ утра уже м-
силъ дождь, стекла оконъ плакали. Потекли
чейки по улицамъ и панелямъ, на мостовы
образовались всюду лужи, и провинціальный го-
родъ выступилъ во всей своей неряшливой не-
приглядности.

Я сидѣлъ у окна, въ номерѣ гостиницы и
безцѣльно смотрѣлъ на улицу. Вдругъ слышу ч-
то, громыхая, подкатило къ подъѣзду гостиницы,
и сейчасъ же раздался гомерическій хохоть нѣ-
сколькихъ человѣкъ. Я выглянулъ въ окно. У
подъѣзда стояла карета... Кузовъ ея доставалъ
чуть не до земли. Снаружи все оборвано и ви-
сать тряпьемъ. Заплатъ не счесть. Наложены
дощечки и гвоздями прибиты. Въ нѣсколькихъ
мѣстахъ веревочныя перевязи. Лошади таковы, что
передъ ними передъ шапинскія клячи выглядятъ
орловскими рысаками.

— Что это такое?—крикнулъ я въ окно, обра-
щаясь къ извозчику, съ которымъ вчера ѣздилъ.

— А вотъ, баринъ, вы все примѣчательное
ищете, да осматриваете, а колымаги-то такой и
не видали... а ужъ чего примѣчательнѣе, чать и
Батерининскаго ботика любопытнѣе.

— А лошади то, сударь, — вмѣшался другой
извозчикъ, — умирать собрались. А еще станціон-
ныя, хуже чѣмъ у насъ, даромъ что богатѣй
возяинъ.

Впрочемъ, еще вопросъ — чьи въ Новгородѣ
лошади хуже. Одно только могу сказать: былъ я
во многихъ городахъ, а нигдѣ не встрѣчалъ та-
кихъ убогихъ извозчиковъ, какъ въ Новгородѣ.
Здѣсь наберется три-четыре закладки,
каждо-нибудь приличныя. Когда вы выходите изъ
карета, или сходите съ пароходной пристани,
вы можете подумать, что попали на выставку все-
го дряхлаго и бракованнаго. Лошади — годящіяся
на живодерню. дрожки — трудно себѣ представить
чтонибудь хуже. Чуть-чуть экипажъ получше,
но должны платить тройную цѣну. Вообще извоз-
чики здѣсь гораздо дороже, чѣмъ въ столицѣ.

Извозчики продолжали подтрунивать и хохотать.

— Для кого карета? спросилъ я.

— А это купчиха съ мамашей изволятъ ѣхать
въ Хутынъ. Да только напрасно: онъ ихъ доро-
гой потеряетъ.

— Ты вотъ что, слушай-ка, — промолвилъ опять
кто-то изъ извозчиковъ, обращаясь къ кучеру:—
прикупи еще веревокъ-то, да обвяжи крѣпче твою
колымагу — лучше будетъ, право!

На крыльцѣ появилась купчиха.

— Ай, какая карета! ужаснулась дочь.

— Чисто дворянская, госпожа купчиха. Только вы лучше не сидите, потому вы тяжелы и провалитесь... А вы, на воздухъ, за окошечко держитесь.

— Чаво за окошечки, — отвالتها! гляди, онъ вѣдь на клейстерѣ.

Толпа гогочетъ, кучерь ухмыляется.

— Я не поѣду, маменька, какъ хотите!

— Полно купчиха, отчего? Оно еще и лучше: дно какъ провалится, вы и бѣгите, и моціонъ, и сверховъ не каплетъ!

— А вы чего зубоскалите? — накинулась вдругъ старуха: ахъ, вы, мужичье сиволапое!

— Да мы что же, ваше степенство, не надъ тобою, — мы надъ кипажемъ...

— И тоже не смѣйте! Убирайся! — крикнула она кучеру: — не поѣдемъ мы въ такой корзинѣ. Пуская пошлютъ другую!

— Чаво-жъ посылать-то, когда другой на станціи нѣту, вся тутъ какая есть.

Купчиха вернулась въ свой номеръ, а ковчегъ, громыхая и звеня всѣми винтами и гайками, потащился во свояси.

— Ну, и городъ же вашъ, — сказалъ я извозчику: — только всего одна карета, да и такая!

— А развѣ вамъ требуется, сударь? — спросилъ какой-то извозчикъ.

— Такая-то?

— Зачѣмъ!.. Я вамъ слѣдственную представляю. — то есть въ лучшемъ видѣ.

— Гдѣ же ты возьмешь?

— А тутъ есть, въ одномъ мѣстѣ, — по знакомству мнѣ дадутъ...

— За сколько?

— Да 6 рубликовъ положете?

— До Хутыни-то?

— Зато карета удобная.

„А что, въ самомъ дѣлѣ, — пришла мнѣ вдругъ мысль, — чѣмъ сидѣть-то дома, не прокатиться-ли?“

Я сталъ торговаться, порѣшили на четырехъ рубляхъ, и черезъ полчаса была подана карета, тоже не новая, но сносная. А лошади и совсѣмъ не дурны.

— Что-жъ ты имъ не досталь?

— Да нѣшто за два съ полтиной можно? Я самъ за прокатъ два плачу.

Я предложилъ сосѣдкамъ ѣхать со мною. Мать отказалась, но прибавила: „Вотъ что, развѣ Сонюшка“.

Сонюшка видимо стѣснялась.

— Да поѣзжай, вѣдь не куда-нибудь, а по Божьему дѣлу, да и здѣсь не свой городъ, что тебѣ, — ты чужестранка и никто тебя не знаетъ.

И вотъ мы поѣхали съ Сонюшкой.

Дорога сначала шла мощеная, а потомъ за городомъ скоро ее смѣнила проселочная, представлявшая своею поверхностью какое-то полужидкое мѣсиво, въ которомъ виднѣлись колеи отъ колесъ. Грязь достигала дверцы кареты.

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое отступление. Дорога за городомъ не должна удивлять васъ, потому что болѣе удивительное можно встрѣтить и въ самомъ городѣ. На Софійской сторонѣ, меж-

ду началомъ Петербургской улицы и Власіевской церковью, за зданіями Дворянскаго собранія лежить сѣнная площадь. По ней и по прилегающимъ къ ней улицамъ передвиженіе едва возможно, а по временамъ такъ ни конному, ни пѣшему нѣтъ пути. Плавать по ней въ это время неудобно, потому что она покрыта не водой, а грязью, смѣшанною съ животнымъ пометомъ. За предѣлами этой площади, въ улицахъ, идущихъ къ Троицкой слободѣ, прекращается всякое движеніе. После этого можно ли удивляться тому, что намъ пришлось ѣхать въ Хутынь по какому то мѣсиву.

Деревни на пути въ Хутынь все убогія, сѣренькія. Зато кабаковъ много, и они красуются на видномъ мѣстѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги ровная плоскость, съ правильно раскинутыми пашнями. По дорогѣ встрѣчались намъ, отъ времени до времени, крестьяне, и мы стали замѣчать, что многіе изъ нихъ кланяются намъ, при чемъ нѣкоторые останавливались, снимали шапки, а потомъ сердито махали руками, а нѣкоторые даже и плевались.

— Послушай, что это значитъ? — обратился я къ кучеру въ спущенное окно.

— А это, баринъ, пашу карету принимаютъ за архіерейскую.

— Почему же?

— Да какъ разъ схожа: небольшая, ну и лошади-то подъ цвѣтъ подошли. Архіерей-то вѣдь лѣтомъ живетъ въ Хутыни и окромя его кому сюда въ каретахъ-то ѣздить?

Такъ вотъ въ чемъ дѣло:—крестьяне думаютъ, что ѣдетъ владыка, но, увидѣвъ въ каретѣ барыню въ шляпкѣ, убѣждаются въ ошибкѣ и плюютъ съ досады.

Пара лошадокъ продолжала трусить мелкой рысью. Вотъ и Антоніевъ монастырь уже въ виду. Немного не доѣзжая до него, стоитъ часовня—развалина, поставленная когда-то для сбора милостыни. Черепицы одна за другой ползутъ съ крыши. Въ маленькое окно виденъ совсѣмъ черныи образъ. Предверіемъ монастырю служатъ нѣсколько построекъ.

Карета остановилась у монастырской ограды, и мы чрезъ главные ворота, надъ которыми—колокольня, вошли въ монастырскій дворъ. Къ храму ведетъ тѣнистая дорожка, вымощенная плитой. Каменные корпуса расположены въ формѣ четырехугольника, при чемъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, идетъ каменная ограда. Чистота, тишина. Соборъ, во имя Рождества Богородицы, основанъ преподобнымъ Антоніемъ Римляниномъ. Явившійся послушникъ повелѣ насъ осматривать церковь. На обширной наперти хранится круглый камень святого, до половины заслоненный образомъ. Преданіе рассказываетъ, что Антоній прибылъ изъ Рима на камнѣ; съ свои драгоценныя вещи, золото и образа, онъ закупорилъ въ бочку и бросилъ ее въ море. Прилѣпавшійся къ берегу новгородскимъ владыкою Никитою, онъ основалъ на берегу Волхова монастырь, ознаменовалъ его основаніе чудомъ. Онъ велѣлъ рыбакамъ закинуть сѣти и далъ имъ денегъ съ тѣмъ, чтобы все, что они извлекутъ изъ

воды, принадлежало его возникавшей обители. Къ общему изумленію, вмѣстѣ со множествомъ рыбы, едва не прорвавшей невода, извлечена была бочка, окованная желѣзными обручами, которую Антоній призналъ своею, тою самою, что нѣкогда бросилъ онъ въ море, еще будучи въ Римѣ; но рыбаки обрадовавшись нечаянной добычѣ, не хотѣли отдать ее законному обладателю, хотя онъ уступалъ всю пойманную рыбу. Дѣло дошло до посадниковъ и, хотя рыбаки увѣряли, что будто бочка эта издавна имъ принадлежала, истина обличилась на судѣ, когда преподобный объявилъ — какія именно драгоценности въ ней заключены; тогда ему присуждено было его достояніе. Св. Антоній скончался 3-го августа 1147 года. Вотъ этотъ-то камень, на которомъ плылъ Антоній, и показываютъ туристамъ. Онъ окованъ желѣзными обручами и придѣланъ къ стѣнѣ. Передъ образомъ виситъ мѣдное, погнутое паникадило, принадлежавшее еще Антонію. Въ массѣ богомольцевъ, стекающихъ въ монастырь, многіе, страдающіе зубною болью, грызутъ деревянный брусокъ, соединяющій образъ съ камнемъ.

Самый храмъ очень древній. Въ немъ много свѣта и пестроты: золотая рѣзба съ просвѣчивающимъ голубымъ фономъ, что выходитъ красиво и нѣжно. Сохранена и до сихъ поръ молитвенная келія святаго, а надъ нею тѣсная церковь во имя Онуфрія и Петра Афонскаго; туда ведетъ крутая лѣстница въ столпѣ, пристроенномъ къ собору. Здѣсь не рѣдко св. Антоній совершалъ обѣдню. Мощи св. Антонія покоятся въ серебряной рос-

копной ракъ. Иконостасъ богатъ иконами греческаго цѣрма; необыкновенно изящны иконы Рождества Богоматери, Благовѣщенія и Премудрости Божіей.

— Скажите, — сохранились вещи, найденныя въ ракъ?

— Какъ-же!

Онъ указалъ на шесть почернѣвшихъ иконъ, заключенныхъ въ одну общую раму. Въ ризницѣ намъ показали двѣ священническія фелони святаго — простыя, ветхія и такой же орарь. Я забылъ еще сказать, что замѣчательнъ также образъ Воскресенія Христова, весь составленный изъ разноцвѣтныхъ камней, бумажныхъ изображеній и лѣха. Получается впечатлѣніе рельефа; издали-же, благодаря оптическому обману, всѣ фигуры кажутся живыми. Если я еще скажу, что намъ показали маленькій колоколь и древній образъ Благовѣщенія, гдѣ Пресвятая Дѣва Марія изображена съ веретеномъ въ рукахъ, — то я назову все замѣчательное въ соборѣ. Впрочемъ, должно еще упомянуть о шестиконечномъ древнемъ крестѣ, привѣшенномъ надъ сѣверными дверями придѣланнаго алтаря.

Въ Антоніевской обители вообще сохранилось немного отъ прошлаго, потому что монастырь много разъ горѣлъ и былъ разоряемъ непріателемъ. Не мало пострадалъ онъ и отъ Грознаго, который избилъ братію, а казну и много драгоценныхъ вещей увезъ съ собой.

Въ Успенскомъ московскомъ соборѣ и нынѣ хранятся драгоценныя яшмовыя сосуды, привезенныя Антоніемъ изъ Рима.

Обитель начала оживать и поправляться лишь съ 1740 года, когда при ней основана духовная семинарія, которая и до сихъ поръ существуетъ здѣсь.

Дорога отъ „Антонія“ до Хутыня—продолженіе описанной. Тѣ же поля справа, чуть начинающіяся съ горизонтомъ, и только слѣва сверкнетъ стальная лента Волхова. Страшное образіе: тоска, уныніе... Уже только близъ монастыря вправо показалась лѣсистая возвышенность съ какими-то постройками.

— Что это?—спрашиваю кучера.

— Лисья гора.

Она является оазисомъ среди пустыни и невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе.

Все ближе и ближе монастырь. Онъ издали кажется красивъ. Бѣлыя каменные громады съ ярко-горючей позолотой куполовъ—покрыты непроницаемой зеленью вѣковыхъ деревьевъ, которая въ свою очередь стянута внизу, какъ бѣлымъ поясомъ, каменною оградой.

Кругомъ точно спящее царство. Вступаешь въ ворота, на дворѣ ни души. Я иду къ одной двери—заперты; къ другой—ходы и переходы, въ которыхъ трудно ориентироваться. И вотъ въ одной изъ дверей явилась какая-то фигура. Сидитъ къ ней.

— А вы позвоните,—говоритъ она,—къ вамъ и выйдутъ.

— Гдѣ позвонить?

— А у храма, у крыльца-то, колоколь въ вѣнчикѣ Звоню. Никого нѣтъ. Звоню еще. Вышелъ какой-то

какой-то монахъ,—это очередной. Изъ окна высунулась голова другого, одѣтаго также скромно.

— Пожалуйте въ церковь, сейчасъ можно и полебенъ.

— Благодаримъ. Очередной уже облачался. Прибѣжалъ какой-то монахъ, и черезъ минуту начался молебенъ.

— Икона святого серебряная; на ней лежитъ позолоченное Евангеліе, а возлѣ висятъ вериги, которыми разъ чуть было не украли.

— Какъ же это могло случиться?

— Да такъ,—надѣлъ... никому не возбраняетъ надѣлъ подъ платье и ушелъ.

— Нашли?

— Нашли... Тутъ недалече. На постояломъ дворѣ остановился у одного.

— Да зачѣмъ ему вериги? вѣдь не золото...

— А старовѣры-то?... имъ лестно... они хотятъ, чтобы деньги ему обѣщали.

— Судили?

— Нѣ... къ чѣму судъ! Пущай угодникъ Божій судить.

— Высоко чтится новгородцами Варлаамій, какъ великій подвижникъ мѣстнаго иночества, какъ Оеодосій Печерскій сѣвера. Онъ былъ при жизни другомъ и совѣтникомъ князей, владыкъ и посадниковъ новгородскихъ и обладалъ даромъ прозорливости.

Такъ, однажды, онъ возвѣстилъ князю, пришедшему къ нему въ обитель, рожденіе сына; обрадованный князь просилъ его быть восприемникомъ.

— Онъ щедро одарилъ монастырь. Другой разъ онъ восприемилъ ребенка: отецъ вынесъ его изъ дому.

— Бѣдѣ, дорогою младенецъ умеръ. Вѣрующій

родитель не вернулся домой, а продолжалъ путь. Св. Варлаамій возвратилъ ему сына. Разъ какъ-то великій подвижникъ сказалъ владыкѣ новгородскому Антонію, что онъ прїѣдетъ къ нему на первой недѣлѣ Петрова поста въ гости въ саняхъ. Всѣ удивились его словамъ, а иные даже и посмѣялись. И что-же? наканунѣ выпалъ снѣгъ, завернулъ жестокой морозъ—и святой прїѣхалъ дѣйствительно въ городъ на саняхъ. По этому случаю изъ Новгорода ежегодно, на первой недѣлѣ Петрова поста совершается въ Хутынѣ торжественный крестный ходъ.

Уже будучи престарѣлымъ, началъ Варлаамій строить въ монастырѣ каменный храмъ Преображенія, такъ какъ существовавшій пришелъ въ ветхость; но ему не удалось дожить до освященія новой церкви. Онъ почилъ въ 1234 году и былъ погребенъ съ величайшимъ торжествомъ.

День погребенія 6-го ноября и теперь привлекаетъ въ обитель массу богомольцевъ, изъ которыхъ, каждый получаетъ хлѣбъ и полушку по завѣщанію святого. Однажды скупой казначей хотѣлъ нарушить волю угодника, преподобный явился казначею во снѣ и чувствительно наказалъ его жезломъ. Или вотъ другой фактъ. Въ окрестностяхъ Новгорода свирѣпствовалъ голодъ. Хутынскія власти, вмѣсто того чтобы притти на помощь страждущимъ, вздумали укрыть свой хлѣбъ. Угодникъ возсталъ на защиту бѣдныхъ: вдругъ обнаружилось внезапное умаленіе всего въ монастырской житницѣ. Этотъ фактъ знаменателенъ, и на него слѣдуетъ обратить вниманіе всѣмъ монастырямъ:

они—именно житницы, они—кладовыя мірскихъ денегъ, трудовъ, и ихъ святая обязанность дѣлиться всѣмъ съ міромъ въ години тяжкихъ бѣдъ и испытаній. Это завѣтъ Божій, это одна изъ зачатъ монастырей.

Преображенскій храмъ, заложенный преподобнымъ, уже не существуетъ; на его мѣстѣ новый, выстроенный въ XVI вѣкѣ, съ двумя прїдѣлами, въ одномъ изъ которыхъ погребены Державины. Теплая церковь во имя Варлаамія.

Въ монастырской ризницѣ хранятся: мухоярковая фелонь подвижника, эпитрахиль, волосяная рубашка; верхняя сторона послѣдней ткани на гладко, а внутренняя снабжена своеобразно выпущенными волосиками, въ видѣ щетки, которыя дѣлаютъ ткань очень колючею. Сохранился также и холщевый подрясникъ угодника, его наперстный крестъ и поручи.

— А вотъ посохъ Іоанна Грознаго и обгорѣлая дверь,—промовилъ монахъ.

Иванъ Васильевичъ, желая открыть гробъ Преподобнаго, приказалъ копать землю, отваливши камень. Но въ этотъ мигъ „исшедь оттуда огонь, опаливши двери“. Іоаннъ въ испугѣ бросился вонъ и позабылъ свой посохъ.

Въ ризницѣ же хранится грамота Варлаамія, который ею завѣщалъ обители земли и рыбныя ловли, призывая на судъ въ будущемъ вѣкѣ того, кто ихъ отыметъ. Грамота эта на пергаментѣ.

Въ Преображенскомъ храмѣ виситъ замѣчательная икона, на которой изображены видѣнія пономаря Тарасія. Нарисованъ Новгородъ, стѣной идущей

щія на него волны Ильмсна, съ воздуха ангелы пускають въ городъ стрѣлы, а по небу плывуть огненные тучи. Вотъ преданіе, объясняющее эту икону.

„Однажды пономарь хутынскій, войдя въ соборную церковь Преображенія, увидѣлъ, что всѣ ея свѣчи и лампы зажглись сами собою, и преподобный Варлаамій всталъ изъ своего гроба и простерся на молитву посреди храма, взывая къ Богу, дабы отвратилъ отъ великаго Новгорода всякій гнѣвъ, праведно на него движимый. Объятый ужасомъ пономарь упалъ къ его ногамъ; святой же, ободривъ его, сказалъ: „тяжкое хочу открыть тебѣ, что сотворить Господь великому Новгороду, да не исполнится неправды и гласъ беззаконій его взопель на небо“. Тогда послалъ его до трехъ разъ на крышу церковную смотрѣть, что будетъ съ бѣдствующимъ городомъ; и въ первый разъ явилась ему буря водная возставшаго Ильмсна, готоваго затопить городъ; а во-второй — сонмъ ангеловъ, стрѣляющій въ него огненными стрѣлами, въ предназначеніе страшнаго мора; въ третій же разъ — туча огненная, идущая на городъ, какъ знаменіе пожара. Трижды возвращался посланный съ крова церковнаго и находилъ святаго неусыпно молящимся, дабы смягчилъ Господь гнѣвъ свой, хотя и предрекъ, что все сіе должно сбыться надъ великимъ Новгородомъ; тогда преподобный возлегъ опять на свое ложе, заповѣдавъ непрестанную молитву посреди напастей, и всѣ они посѣтили, одна за другою, городъ, заслужившій небесныя кары“.

Во второй, внутренней оградѣ монастыря раскинулась прелестная роща, а въ ней тотъ холмъ, гдѣ любилъ молиться и созерцать природу св. Варлаамій, построившій здѣсь для себя небольшую келью.

Она сохранилась и донныѣ. Внутри черно и мрачно; нѣсколько иконъ и поставецъ. Видъ съ холма превосходный: передъ глазами штабы, деревни, Волховъ; виденъ и городъ, увѣнчанный храмами и башнями. Не хочется уйти отсюда. Да, душѣ подвижника была доступна высокая поэзія, хотѣлось ему обнять окомъ далеко вокругъ, парить орломъ надъ суетою, болѣя и молясь о всѣхъ, охваченныхъ ею.

Недолго намъ пришлось побесѣдовать съ игуменомъ и съ двумя монахами; но отрадныя воспоминанія унесъ я о нихъ. Настоятель — простой, добрый человекъ, старающійся ничѣмъ не отличаться отъ братіи въ своей жизни. Онъ пользуется общей трапезой, не желая баловать себя пищею. Оо. Антоній и Полихроній — тѣ безхитростные, еердечные иноки, какіе формируются изъ среды простого народа, полного еще вѣры, не большого сомнѣніями и анализомъ. Совсѣмъ простая рѣчь, участливая, радушная; добрый, мягкій взглядъ... Это не представители суроваго подвига, не аскеты скита, но одни изъ тѣхъ, про кого говоритъ народъ: „въ простыхъ сердцахъ Богъ опочиваетъ“. Поговорите съ ними: ни знаній, ни мудрости они не дадутъ, но станетъ хорошо и тепло на сердцѣ вашемъ, легче на душѣ, намученной жгучими и неразрѣшенными вопросами. Ихъ

простота и теплая вѣра какъ бы сообщаются вамъ и грѣютъ кровь вашего собственнаго сердца. Уходя, невольно подумаешь: „чтобы ни было, а вѣра и правда еще живутъ въ мірѣ“.

Благо тому, кто можетъ поселить въ ближнемъ такое сознаніе. А именно съ нимъ оставилъ я обитель „нищелюбиваго подвижника“.

XI.

Въ управѣ.—Нѣсколько словъ о земцахъ.—А. И. Васильчиковъ.—Новгородская гимназія въ прошломъ.—Апостолы и подвижники просвѣщенія.—Памяти труженика-врача.—Грустныя картинки.

Я завернулъ въ губернскую земскую управу, чтобы познакомиться сколько-нибудь съ отчетами и докладами. Я подѣхалъ къ дому дворянскаго собранія, гдѣ помѣщается Управа. Признаюсь, я представлялъ себѣ этотъ домъ гораздо лучше. На подѣздѣ никого не было. Я крикнулъ швейцара,—никто не являлся и лишь какіе-то босоногіе ребятишки продолжали плакать, сидя на полу. На силу я узналъ, какъ пройти въ Управу.

— Кого я могу видѣть?

— Г. Тютрюмовъ здѣсь.

— Тютрюмовъ? это писатель?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ писарекъ, они членъ Управы, а не писатель.

Это слово „не писатель“ было произнесено такимъ тономъ, который ясно говорилъ, какъ смотритъ писарекъ на литераторовъ.

Меня провели къ Тютрюмову, и оказалось, что мое предположеніе вѣрно: это былъ именно Тютрюмовъ писатель, авторъ извѣстныхъ бытовыхъ юридическихъ статей, видный сотрудникъ „Рус-

скаго Богатства“ и покойной „Русской Рѣчи“, гдѣ мы съ нимъ работали вмѣстѣ.

Я былъ очень радъ такой неожиданной встрѣчѣ съ коллегой. Онъ снабдилъ меня матеріаломъ, пользуясь которымъ, вмѣстѣ съ другими источниками, я, когда-нибудь, представлю картину дѣятельности новгородскаго земства, а теперь ограничусь только тѣмъ, что познакомлю съ крупнѣйшимъ представителемъ его, покойнымъ Васильчиковымъ, который извѣстенъ всей Россіи, какъ авторъ книги „О самоуправленіи“.

Князь Александръ Илларионовичъ родился 1818 г., 27 октября. Онъ получилъ образованіе въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ со степенью кандидата. Поступивши 1840 г. въ члены комиссіи по введенію на Кавказѣ новаго административнаго устройства, А. И. жилъ нѣкоторое время на Кавказѣ и былъ секундантомъ на дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ. Служба не удовлетворяла князя, именно служба канцелярская, далекая жизни, правды. Онъ уѣхалъ въ провинцію, чтобы познакомиться съ народомъ, съ жизнью неподкрашенной, не казовой, не бумажною.—Его избрали въ дворянскіе предводители. Здѣсь-то у источника жизни и получилъ онъ тѣ практическія знанія, которыя сдѣлали его авторитетнымъ въ рѣшеніи социальныхъ вопросовъ и въ разъясненіи народныхъ потребностей. Въ Крымскую кампанію князь находился въ ополченіи, а потомъ снова отдался изученію народа и его нуждъ. Когда открылось земство, онъ былъ избранъ въ гласные и состоялъ имъ два трехлѣтія (65—72 г.).

Въ роли земскаго гласнаго А. И. поработалъ много, оставаясь всегда независимымъ, убѣжденнымъ человѣкомъ. Его главная заслуга та, что онъ, помимо практической работы, много потрудился и на почвѣ принципиальнаго рѣшенія земскихъ вопросовъ: онъ не былъ тѣмъ узкимъ практикомъ, которые въ заботахъ о мелкихъ дѣлахъ, совершенно теряютъ широкой взглядъ на все дѣло, опускаются до роли завѣдующаго отдѣльною „частію“. Конечно, необходимы и такіе практики, но не они—душа дѣла и быть однимъ изъ такихъ мелко для А. И., для его обширнаго ума, большого опыта и солиднаго знанія. Не безъ грусти приходится сказать, что людямъ въ родѣ А. И. жизнь выдвигаетъ много тормазовъ. Выработавъ въ себѣ нравственный принципъ общественной пользы, и идя въ земство только во имя этого принципа, Васильчиковъ, съ первыхъ же шаговъ, началъ встрѣчаться съ неблагоприятными обстоятельствами, которыя не только парализовали его дѣятельность, но въ концѣ концовъ заставили его вести жизнь замкнутую.

Уже довольно поздно выступилъ князь какъ публицистъ. Обѣ его книги — „О самоуправленіи“ и „Землевладѣніе и земледѣліе“ — могутъ быть названы безусловно капитальными трудами. Всѣ органы печати отдали должное почтеніе этимъ работамъ. Князь не одинъ разъ задумывалъ издавать журналъ и даже по этому поводу начинались переговоры съ издателемъ „Русской Рѣчи“. Можетъ статься, А. И. и дѣйствительно сталъ бы во главѣ этого изданія, но событіе перваго мар-

та сильно потрясло его и безъ того уже слабое здоровье, и онъ уѣхалъ въ свое имѣніе, отказавшись вовсе отъ литературной дѣятельности. Изъ деревни онъ писалъ между прочимъ А. А. Нарвцкому: „Разныя причины и болѣе всего политическія событія потрясли меня настолько физически и нравственно, что я поселился въ деревнѣ для отдыха и хочу избѣгать всякихъ занятій“.

По волѣ покойнаго Государя, А. И. еще разъ однако выступилъ какъ общественный дѣятель. Онъ былъ вызванъ въ составъ перваго собранія думныхъ людей, собранныхъ для участія въ обсужденіи вопроса о положеніи выкупныхъ платежей. Лѣто, проведенное имъ въ Петербургѣ, усиленныя занятія, все это окончательно разстроило его здоровье; онъ больнымъ вернулся въ свое имѣніе и скончался здѣсь въ октябрѣ 1881 года.

Безспорно, личность Васильчикова, выдающаяся въ нашей сѣренькой безцвѣтной жизни, заслуживала бы обстоятельнаго біографическаго очерка. Но пока его еще нѣтъ; мы вѣдь вообще не торчимся съ оцѣнкою своихъ дѣятелей, если на то нѣтъ казеннаго почина. Даже болѣе — мы стараемся, пожалуй, оплевать то, что составляетъ гордость страны. За примѣрами ходить не далеко: укажу на Скобелева.

Въ лѣтопись Новгородской гимназіи внесены имена безпримѣрныхъ тружениковъ просвѣщенія, а кто знаетъ ихъ, кому извѣстны: Никольскій, Егеньевъ, Троицкій и Любимовъ? Между тѣмъ они заслуживали бы того, чтобы ихъ портреты висѣли въ актовомъ залѣ. Покойный Н. И. Отто (о

немъ я уже упоминалъ) издалъ „Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній“ и въ выпускѣ „Исторія новгородской дирекціи“ сообщаетъ поучительныя данныя, которыми я воспользуюсь, чтобы ипшній разъ помянуть сѣятелей правды и знанія.

Гимназія открыта 9-го іюня 1808 года; открыта торжественно, съ громкими рѣчами, въ присутствіи большого числа публики, попечителя Округа, губернатора; самъ архіерей служилъ молебень, послѣ котораго былъ роскошный обѣдъ.

Гдѣ же было торжество? Конечно въ зданіи гимназіи? Нѣтъ, не въ немъ, потому что зданіе было крайне плохо. Домъ гимназіи находился на берегу Волхова, представлялъ жалкую развалину и каждую весну былъ затопляемъ разливомъ рѣки. Таковыя потопленія продолжались по мѣсяцу и болѣе и нерѣдко въ классахъ и квартирахъ учителей вода была глубиною до трехъ аршинъ, отчего не только уроки прекращались, но и потомъ долго еще едва можно было учиться отъ холода и сырости; учениковъ не прибавлялось, а напротивъ уменьшалось, ибо многіе боялись отъдать дѣтей въ гимназію, гдѣ зимой ни одна дверь, ни одно окно не затворялись плотно, стѣны въ трещинахъ, а потолокъ грозилъ наденіемъ. Прибавьте къ этому: ни учебниковъ, ни другихъ педагогическихъ средствъ, во всемъ страшная нужда — и вы поймете трагическое положеніе учителей, на которыхъ была возложена солидная обязанность и къ которымъ ревизія относилась строго. И вотъ названные труженики съ директоромъ Манкошевымъ во главѣ, около 20-ти лѣтъ совер-

шали подвигъ безсребреннаго служенія дѣлу образованія, вынося пужду, холодъ и общее невниманіе. Казна отказывала въ деньгахъ на томъ основаніи, что денегъ нѣтъ, а частной помощи ни откуда не шло.

Забавенъ и характеренъ поэтому поводу слѣдующій рассказъ, смахивающій на анекдотъ.

— Что вы не поможете училищу?— замѣтили одному купцу: вѣдь учиться нельзя, такъ помѣщеніе плохо.

— Ничего, Богъ потерпитъ!

— Да вѣдь жертвуете-же вы на острогъ?

— Хе-хе-хе! да вѣдь то другая статья: въ училищѣ-то вѣдь мнѣ не учиться, а въ острогѣ-то, кто знаетъ, пожалуй и попадешь.

Несмотря на невозможную обстановку гимназій, ученики дѣлали блестящіе успѣхи, что и подтверждаетъ ревизія губернатора отъ 23-го августа 1827 года. Но все время, пока длился экзамень, губернаторъ съ тревогою посматривалъ на потолокъ. Только въ 1838 году наконецъ то было выстроено новое зданіе гимназій, въ которомъ она помѣщается и теперь. Труженики свершили свой апостольскій подвигъ и почили незнаемые, неопѣненные. Ихъ преемникамъ хорошо. Но не пора-ли гимназій вспомнить и почтить своихъ пионеровъ, которые могутъ обратиться къ настоящимъ коллегамъ со словами поэта:

„Братъ, вы наши труды пожинаете,
Намъ же въ землѣ истлѣвать суждено...
Все-ли насъ бѣдныхъ добромъ поминаете,
Или забыли давно“?

Заговоривши о безкорыстныхъ и честныхъ труженикахъ на пользу человѣчества, я долженъ упомянуть добрымъ словомъ и скромнаго труженика-врача новгородской уѣздной земской больницы, Николая Сергѣевича Сергѣева, скончавшагося въ клиникѣ душевныхъ болѣзней, 10-го ноября 1881 года. Покойный принадлежалъ къ той почтенной фалангѣ врачей, которые съ первыхъ моментовъ существованія органовъ нашего общественнаго управленія всецѣло посвятили свои силы дѣлу организаціи земской медицины. Въ исторіи русскаго земства, на почетную страницу, будутъ занесены имена тѣхъ медиковъ, которые, во имя идеи любви къ народу, шли въ медвѣжки углы, не гонясь за большимъ вознагражденіемъ. Полные вѣры и энергіи, они съ жаромъ молодости вступали въ борьбу съ костностью, предрасудками и съ тупымъ равнодушіемъ. Вооруженный серьезнымъ знаніемъ, полный любви къ ближнему, энергичный, безкорыстный Н. С. почти всю жизнь проработалъ, имѣя въ виду только другихъ, а не себя. Земская больница своимъ существованіемъ обязана покойному. Опытный операторъ, онъ умѣлъ обращаться съ народомъ и заслужилъ его беззавѣтную любовь. Земскіе врачи не имѣютъ права на государственную или какую-нибудь другую пенсію. Но такіе труженики какъ Сергѣевъ, — сами они и ихъ семейства—безусловно заслуживаютъ признательности, если уже не со стороны государства (хотя бы отчего и не такъ?), то со стороны земства и общества. Заслуживаютъ тѣмъ болѣе, что они составляютъ (къ сожалѣнію) рѣд-

кое исключение среди наших эскулаповъ, служащихъ охотнѣе Ваалу, нежели наукѣ и человѣчеству. Вотъ миленькіе фактики изъ новгородской лѣтописи (только не древней, а современной).

На земскомъ собраніи 19-го октября, 1881 года, заявлено было о полномъ невниманіи къ народу, въ то время, когда онъ находился въ ужасномъ положеніи; въ разгаръ сибирской язвы на людяхъ и животныхъ, управа бездѣйствовала, веда лишь одну переписку, и врачъ 2-го санитарнаго округа, г-нъ Л., въ теченіе полугода ни разу не былъ въ Ракомской волости.

Или вотъ. Въ хроникѣ „Новгородскаго Листка“ (№ 21, 1882 г.) читаемъ: „наши новгородскіе врачи своимъ безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ пациентамъ заслуживаютъ безпощаднаго порицанія. Жалобы и ропотъ жителей на нихъ все болѣе увеличиваются. Не проходитъ недѣли, чтобы редакція не получила новыхъ доказательствъ безчеловѣчнаго отношенія врачей къ больнымъ. Такъ, напр., 15-го марта, около 1/2 ночи, жена одного бѣднаго чиновника У. стала мучиться родами. Пригласили акушерку, которая явилась немедленно, несмотря на ночь, дождь и невылазную грязь, явилась, будучи сама не совсѣмъ здорова. Сейчас послѣ родовъ, въ 4 часа утра, положеніе родильницы настолько ухудшилось, что пришлось обратиться къ помощи врача. Къ первому бросились къ Д. Ему отвѣтили „Баринъ въ гостяхъ (?)“. Отъ Д. мужъ отправился къ Л., котораго засталъ дома, и на просьбу разбудить его, получилъ отказъ: „Не приказано будить“. Несчастный мужъ

отправляется къ Д. (другому), этотъ отвѣтилъ черезъ прислугу: „такъ далеко не поѣду“. И вѣроятно, несчастная женщина отправилась бы къ праотцамъ, если бы не вмѣшательство г. Н., которому, благодаря своему хорошему знакомству съ врачомъ Д. (первымъ), удалось этого склонить на просьбу мужа родильницы. Пришлось сдѣлать операцію, безъ которой, по словамъ врача, грозила бы опасность“.

У г. Домбравсаго ночью опасно захворалъ грудной ребенокъ. Отецъ полетѣлъ къ доктору Д. Этотъ не поѣхалъ потому, что „теперь, ночью, въ такой улицѣ, какъ Прусская, перепачкаешься“.

Таково отношеніе врачей, которые въ день 35-лѣтняго юбилей Грубера послали ему коллективную телеграмму. Привѣтсвуй юбиляра, какъ учителя, они говорятъ: „Вы были намъ свѣтлымъ маякомъ въ тѣ минуты, когда мы чувствовали потребность обратиться къ высоко-нравственнымъ идеаламъ безавѣтной любви къ наукѣ и человѣчеству“.

Что это такое какъ не лицемеріе? Или упоминаемая „минуты“ у врачей бываютъ очень уже рѣдко?

Начавши рисовать „грустныя картины“, не могу пройти молчаніемъ новгородскихъ улицъ, ихъ способъ мощенія и т. д.

Ахъ, читатель! если вы не были въ Новгородѣ, то не можете себѣ и представить, какой это подвигъ ѣхать или итти вечеромъ!.. Освѣщается городъ хорошо, даже прекрасно только... въ лу-

ныя ночи!.. Все же остальное время главные улицы тонутъ въ полумракѣ, а на болѣе дальнихъ царить полная „египетская тьма“!.. Фонарей тамъ или совсѣмъ нѣтъ, или они—не зажигаются! Приглашаю я какъ-то одного новгородца ѣхать въ театръ.

— На той недѣлѣ, батюшка.

— Почему? Сегодня идетъ хорошая пьеса.

— Вѣрю, да не могу!.. Надо лунной ночи дождать, а то и домой не дождешь... шею слмаешь... Я вѣдь живу не въ центрѣ, и не улицѣ, гдѣ думскіе заправилы обитаютъ, ну, так вотъ на насъ и вниманія не обращаютъ... Если въ канаву свалился,—не бѣда!..

Вѣдь онъ не Евдокимъ,
Такъ что считается съ нимъ!..

Слышали эту пѣсенку?

Однако, что ночь! Въ Новгородѣ, благодаръ мостовымъ и панелямъ, и днемъ-то передвиженіе—сущяя мука!..

И пѣшему и конному
Нѣтъ у насъ пути!..

— У насъ, батюшка, каждый годъ по преждевременныхъ родовъ случается благодаря мостовымъ. Для статистики это—черта любопытная. Я охотно допускаю, что это „гипербола“, только близкая къ истинѣ.

Московская улица—Невскій проспектъ Новгорода. И здѣсь *относительно* панели лучше. С узки и во многихъ мѣстахъ кривы, но изъ пл

няка. Въ большинствѣ же случаевъ панель таже мостовая, т. е. тротуаръ вымощенный булыжникомъ и всякими камнями, вымощенный такъ, что словно онъ готовился для непріятельскихъ ногъ. Въ старыя времена имѣли обыкновение подъ ноги конницы бросать *железный чеснокъ*... Вотъ этимъ *чеснокомъ* и вымощены новгородскія панели и мостовыя.

— День походить—и безъ ногъ останешься!—кликнула одна дама, приѣхавшая изъ Риги. У насъ въ Ригѣ...

Когда-то на замѣчаніе о плохихъ панеляхъ въ Новгородѣ возражали обыкновенно:

— Да гдѣ же взять плитняка? Какія каменоломни въ нашей губерніи?

Да зачѣмъ плитнякъ? Можно обойтись и съ деревянными тротуарами, да только поддерживать ихъ, какъ слѣдуетъ. Въ Вологдѣ—чуть-ли не все деревянные тротуары, и прекрасно!.. Конечно, плитнякъ—красивѣе... Да вѣдь что сулить журавль въ небѣ, дайте синицу въ руки!..

Но Новгородская Дума—вовсе о мостовыхъ и не думаетъ... Проходятъ десятки лѣтъ — и все остается по прежнему. Въ 1882 году, г. Куприяновъ писалъ слѣдующее: „мостовая здѣсь (въ Рязанской слободѣ)—такая, какой, вѣроятно, уже не видѣть на Руси; она устроена такъ, какъ предписано строить „*уставомъ Ярослава о мостовыхъ*“, именно: поперекъ улицы кладутъ, какъ мала, колья разной величины. Выгоды такого способа мощенія очевидны: ѣздить по нимъ никакимъ образомъ нельзя: экипажъ сломится и сѣдо-

ку всю душу вытрясетъ; лошадь легко можетъ переломить себѣ ногу и т. д.“. Спустя 20 лѣтъ, въ 1882 г. въ хроникѣ „Новгородскаго Листка“ читаемъ слѣдующее: „Наступитъ-ли то блаженное время, когда городская управа обратитъ вниманіе на состояніе Троицкой мостовой. Начиная отъ дома Дворянскаго Собранія вплоть до Петровскаго кладбища въ буквальномъ смыслѣ слова нѣтъ проѣзда и прохода: цѣлыя бревна выпятились изъ нѣдръ полотна дороги, не говоря уже о выбоинахъ, коихъ безконечное множество. Посмотрите на обѣ улицы, ведущія отъ церкви Власія къ валу: въ теченіе полугода по нимъ нельзя ни ходить, ни ѣздить“.

Какъ бы въ pendant къ этой замѣткѣ, въ одномъ изъ слѣд. №№ газета сообщала: „15 іюня въ 6 ч. утра рухнулъ (!) самъ собою мостъ въ Троицкой на пути, ведущемъ на Петровское кладбище. Мостъ этотъ былъ деревянный, верхъ его была сдѣлана земляная насыпь, заключенная булыжникомъ. Два года тому назадъ городской архитекторъ призналъ его опаснымъ. Но Управа не нашла нужнымъ обратить вниманіе на компетентное предостереженіе. Счастье! Экая важность! вотъ рухнетъ — другое дѣло. Но чтобы сказала дума, если бы мостъ рухнулъ въ то время, когда по немъ шла похоронная процессія. Или ничего. Не даромъ это „ничего“ такъ популярно даже за границею, и сдѣлалось любимымъ словомъ Бювармарка! Ъхала Русь когда-то на тройкѣ: везла „авось“, „небось“, и „какъ-нибудь“, да тяжела

стало и впрягли въ подмогу еще „ничего“. То-то, родимый—ей легче теперь ѣхать на четверкѣ!

Да, „нѣтъ у насъ денегъ на дѣло“. Мы рассказали многострадательную исторію мужской гимназій; но съ 1838 г. она встала все-таки на ноги, а вотъ женская еще и въ 1882 являлась яркимъ укоромъ невѣжеству, забравшему въ руки бразды городского правленія. Комиссія, осматривавшая зданіе, пришла къ тому заключенію, что „оно рѣшительно не соответствуетъ своему назначенію“. Въ классахъ, вслѣдствіе противонормальнаго числа учащихся, господствуетъ духота при отсутствіи вентиляціи и угаръ отъ неисправныхъ печей: ученицы, просидѣвъ 5—6 часовъ въ классѣ, возвращаются домой съ головной болью.

Представьте себѣ сотни дѣтей, дрожащихъ отъ холода, несмотря на давку и духоту; испитыя лица, на которыхъ лежитъ печать утомленія и бездѣятельности—и вы получите ясное представленіе о томъ молодомъ поколѣніи, которое должно жить на арену жизни въ роли матерей, женъ и труженицъ! Но Дума было все ни почемъ. Она затрачивала деньги на угощенія полковъ, воздвигала увеселительныя палатки и оставалась спокойною, запрятавъ дѣтей въ зданіе бывшей полицейской части.

Однако, слава Богу Небесному!—наконецъ-таки пришли къ убѣжденію, что „дальше такъ невозможно“ и гимназію кое-какъ посправили на „приличный ладъ“. Здѣсь надо сказать „спасибо“ инженеру Свѣтлицкому, взявшему подрядъ по ремонту

зданія. Онъ не только не получилъ барыша, но даже приложилъ отъ себя „малую толику“. И благодарная управа оцѣнила добраго подрядчика-инженера: когда онъ предложилъ прорыть и очистить кремлевскій ровъ за болѣе дешевую плату, чѣмъ подрядчики другіе. — Управа ему отказала: „своимъ-де надо помогать!“ Еще-бы! „Свой“ ближе; это всегда было и, конечно, еще долго будетъ.

Въ видѣ прекрасной иллюстраціи ко всему сказанному приведу *миленькую* картинку городской больницы, нарисованную очевидцемъ. „Я посѣтилъ больницу — пишетъ онъ — въ 6 часовъ вечера. Совмѣстно съ зрителемъ отправились въ помѣщеніе больныхъ. Лишь только мы вошли въ коридоръ, какъ тяжелая, затхлая, подвальная атмосфера, пропитанная удушливымъ запахомъ, обдала насъ. Въ палатѣ—еще хуже, еще болѣе зловонная атмосфера. На полу—сорь, въ углахъ—кучи свернутого грязнаго вонючаго бѣлья. Пройдя 2—3 палаты, мы начали чувствовать головокруженіе и одышку. Какъ же въ этой ужасной атмосферѣ, имѣющей къ тому же +18° Р., могутъ жить больные люди, для которыхъ чистый и здоровый воздухъ не только безусловно необходимъ, но представляетъ незамѣнимое лѣкарство. Нѣкоторые больные валяются буквально на полу, надѣясь найти здѣсь болѣе свѣжую атмосферу. Мало этого, нѣкоторые и спятъ на полу за неимѣніемъ постели. Одишь больной въ продолженіи 2-хъ лѣтънаго пребыванія въ больницѣ, не могъ добиться кровати и валялся на полу. Въ этой же больницѣ тифозные помѣщаются совмѣстно съ больными не эни-

демическими“... Это было. Теперь, вѣроятно, не то. Но и то, что было—фактъ очень знаменательный для нашего самоуправления.

Въ городѣ есть особая дѣтская больница, но туда не принимаютъ ни хроническихъ, ни заразныхъ, а лишь только съ острыми болѣзнями... Это болѣе чѣмъ странно. Главную-то услугу больницы и могла бы оказать приѣмомъ заразныхъ. Людямъ недостаточнымъ нѣтъ возможности совершенно изолировать больного ребенка дома... А какъ разъ тутъ-то единственная дѣтская больница и отказываетъ!! Филантропамъ, заботящимся о бѣдныхъ, и ради ихъ создавшихъ больницу, не мѣшало бы подумать объ этомъ!..

Впрочемъ, новгородскіе обыватели не особенно горячо относятся къ филантропіи, если только „полезное“ не соединяется съ „забавнымъ“!

Въ 1880 году въ Новгородѣ открыло свои дѣйствія „Общество вспоможенія бѣднымъ учащимся города“. — Членскій взносъ всего въ три рубля. Кажется, не великъ? Между тѣмъ въ 1-й годъ членовъ было всего только 195 чел.! Но на второй годъ и эта мизерная цифра еще уменьшилась: осталось 30 членовъ! Если бы не частныя пожертвованія, да не „забавы“ въ видѣ концертовъ—публика и знать не хотѣла бы „Общество“, точно оно что-то чужое, существуетъ не на благо бѣдныхъ дѣтей!..

„Благо бѣдныхъ дѣтей“!. Какая это громкая, но пустая фраза! Она не должна быть такою, но она такою стала!.. О дѣтяхъ мы заботимся меньше, чѣмъ о животныхъ. Въ Петербургѣ есть

„Общество покровительства животных“, оно въ заботахъ о скотахъ простираетъ свою дѣятельность и на Новгородъ. Въ слякоть и гололедицу рабочимъ лошадямъ трудно подыматься на мостъ, — и вотъ въ помощь имъ припрягается безплатно „общественная“ лошадь, стоящая у моста.

А гдѣ „общество покровительствующее дѣтямъ“? Если бы оно было, оно навѣрное бы прислало въ городъ своего агента для контроля за несчастными дѣтьми, попадающими въ ремесленную науку. Каково живетъ имъ вообще — говорить здѣсь не мѣсто; а вотъ каково живетъ имъ, напр., въ Новгородѣ. Врачъ посѣтилъ чулочное заведеніе г-жи Х — ой и вотъ его характерный отчетъ:

„Въ рабочей комнатѣ, содержащей не болѣе 13 куб. сажень воздуха, уставлено нѣсколько вязальныхъ машинъ, — занимается 17 человекъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 15 л. При входѣ, у васъ сразу начинаютъ першить въ горлѣ и дышется съ трудомъ. О какихъ-нибудь вентиляціяхъ здѣсь нѣтъ и помина. За то какой же видъ представляютъ изъ себя дѣти-работницы? Землянистый цвѣтъ лица, вѣрный признакъ цынги, отъ недостатка воздуха и движенія, потухшіе взоры, впалыя, вдавленные груди — вотъ что вамъ бросается въ глаза при первомъ взглядѣ. Изъ 20 работницъ-дѣтей только у одной не испитое личико, именно у той, которая на кухнѣ занимается глаженіемъ уже готовыхъ чулокъ. Въ такой атмосферѣ дѣти работаютъ 14 часовъ. Между ними повальная анемія. У одной изслѣдованной мною 13-лѣтней дѣвочки

истощеніе и мышечная атрофія достигла такой высокой степени, что обѣ ея руки, сложенные на крестъ, свободно обхватывались пальцами одной моей руки, при чемъ я безъ труда заставлялъ соприкасаться концы перваго и третьяго своихъ пальцевъ. Дѣвочка была одѣта въ грязное рубище“.

По словамъ врача дѣти спятъ въ темной конурѣ, по двѣ на кровати. Дѣвочка, поступившая въ заведеніе совершенно здоровою, черезъ годъ умерла въ чахоткѣ. Но всѣхъ ихъ поражаетъ запоздалое развитіе. Это небольшая картинка наводитъ на грустныя думы. Извѣстно ли было тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, о такомъ состояніи мастерской? Неужели неизвѣстно? Неужели не интересно было посмотрѣть, или — знали и не видѣли?

— Э, батенька! — возразилъ мнѣ одинъ новгородецъ, — захотѣли чего: въ чужое дѣло стануть вмѣшиваться! Меньше хлопотъ — больше спокойствія. А дѣвочки живутъ себѣ, — ничего!

XII.

Умственная пища Новгородцевъ.—Что они читаютъ?—Популярныя лекціи.—Музей г. Передольскаго.—Нѣсколько словъ о „Новгородскомъ Листкѣ“.—Необходимость литературнаго органа.—Клубы и артисты-любители.—Г. Мерянской и его театр.—Новгородская чугунка.—Обиженные провинціалы.—Немного правды, похожей на анекдотъ.

Въ числѣ данныхъ, которыми можно руководствоваться при сужденіи о степени развитія и просвѣщенія того или другаго общества, конечно, видную роль играетъ распространеніе въ мѣстномъ населеніи періодическихъ изданій, книгъ, дѣятельность библіотекъ и книжныхъ магазиновъ, и вообще отношеніе этого общества къ предметамъ умственнаго обихода.

Сообщаю нѣсколько данныхъ, за которыя вполне могу поручиться, ибо онѣ взяты изъ вѣрнаго, официальнаго источника. Въ Новгородѣ получаются *):

Ежедневныя изданія:

Биржевыя Вѣдомости . . .	5 экзмп.
Минута.	16 ”
Journal de S.-Petersbourg. . .	1 ”

*) Напоминаю, что эти цифры относятся къ 1886 г.

Новости.	102 экзмп.
Новое Время.	85 ”
Петербургская газета	80 ”
Петербургскій листокъ. . . .	33 ”
С.-Петербургскія Вѣдомости. .	11 ”
Сынъ Отечества	78 ”
Свѣтъ	164 ”
Московскія Вѣдомости. . . .	8 ”
Московскій листокъ.	5 ”
Русскія Вѣдомости	2 ”
Русскій Курьеръ.	1 ”
Новороссійскій Телеграфъ . .	1 ”
Herold.	6 ”
St.-Petersbourg Zeit.	4 ”

Итого: 17 названій, 602 экзмп.

Еженедѣльные:

Восточное обозрѣніе.	1 экзмп.
Еженедѣльное обозрѣніе. . .	9 ”
Ребусъ.	6 ”
Гражданинъ.	8 ”
Нева.	13 ”
Модный свѣтъ.	17 ”
Всемирная Иллюстрація. . .	12 ”
Живописное Обозрѣніе. . . .	21 ”
Врачъ	9 ”
Русскій паломникъ.	9 ”
Нива.	272 ”
Недѣля.	13 ”
Осколки.	7 ”
Стрекоза	11 ”

Шутъ	12	экземп.
Будильникъ.	2	"
Развлеченіе.	4	"
Русская медицина.	4	"
Сельскій вѣстникъ	51	"
Задушевное слово.	33	"
Лучъ	47	"

Итого: 21 названіе, 561 экземп.

*Ежемѣсячныя и выходящія менѣе 4-хъ разъ
въ мѣсяцъ:*

Юная Россія.	2	экземп.
Новь.	44	"
Вѣстникъ Европы.	20	"
Историческій Вѣстникъ	9	"
Женское Образованіе	1	"
Семья и Школа	4	"
Педагогическій Сборникъ.	4	"
Русская Старина.	19	"
Русская Мысль.	3	"
Нувеллисть	11	"
Военный Сборникъ	18	"
Странникъ.	4	"
Сѣверный Вѣстникъ.	3	"
Колосья.	6	"
Русское Богатство	2	"
Наблюдатель.	2	"
Русскій Вѣстникъ.	14	"
Народная Школа.	2	"
Медицинск. Библиот.	2	"
Дѣтское Чтеніе.	4	"

Христіанское Чтеніе.	23	экземп.
Военно-Медицинскій ж.	21	"

Итого: 21 названіе, 215 экземп.

Предоставляя читателю дѣлать выводы изъ приведенныхъ цифръ (жителей въ Новгородѣ считается около 20,000), не могу не подчеркнуть: несмотря на то, что въ городѣ нѣсколько женскихъ учебныхъ заведеній, специальный органъ „Женск. Образов.“ выписывается только въ одномъ экземплярѣ; изъ юмористическихъ журналовъ Новгородцы тяготеютъ къ самому скабрзному—„Шуту“. „Колосьямъ“ предпочтеніе передъ „Русскою Мыслью“ и „Сѣв. Вѣстн.“, „Свѣту“ преферансъ, вѣроятно, за дешевизну, „Сынъ Отеч.“ выписывается, конечно, по привычкѣ, ну а о „Нивѣ“ нечего и говорить,—гдѣ ея нѣтъ! Дѣти почти совсѣмъ забыты.

Какъ видитъ читатель, приведенныя данныя не говорятъ въ пользу города, особенно если вспомнить, что въ Новгородѣ нѣтъ ни одной публичной библіотеки.

— Да вѣдь у насъ есть читальня,—замѣтилъ мнѣ какъ-то одинъ изъ интеллигентовъ.

— Какая?

— А клубская.

Клубская, конечно, итти въ счетъ не можетъ. Вѣдь не всѣ-же жители члены клуба, не всѣ ими и могутъ быть. Посторонніе же посѣтителы за входъ въ читальню Дворянскаго Собранія платятъ 30 к. каждый разъ. Такой платы не существуетъ ни въ одномъ городѣ. И что-же можетъ дать клуб-

ская библіотека, когда журналы выписываются по одному экз., и на домъ, не членамъ, ничего не выдается?

Книжныхъ магазиновъ въ Новгородѣ нѣтъ совсѣмъ. Есть двѣ лавки письменныхъ принадлежностей, которыя, уже мимоходомъ, занимаются и продажей книгъ. Но въ одной изъ этихъ лавокъ (г-на Гунина) исключительно учебники; а во второй (Доррера) хотя и есть нѣсколько книгъ общелитературнаго содержанія, но это, большею частію, дешевыя или лубочныя изданія, годныя для простонародія и дѣтей.

— Да и зачѣмъ здѣсь книжные магазины? — сказалъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ педагоговъ: — что бы они стали продавать? Двѣ-три порядочныя книжки пролежатъ десятки лѣтъ. Никто ничего не покупаетъ.

Курьезный фактикъ.

Какъ-то попала въ книжную лавку книга Ушинскаго „Человѣкъ, предметъ воспитанія“ и лежала до тѣхъ поръ, пока ее не сгрызли крысы, которыя, такимъ образомъ оказались болѣе просвѣщенными, чѣмъ новгородскіе обыватели! Ахъ, уже эти обыватели! Нѣкоторые мѣстные педагоги, во главѣ съ директорами гимназіи и реальнаго училища устраивали публичныя чтенія. Директоръ реальнаго училища читалъ объ электричествѣ. Извѣстный писатель-педагогъ — о литературѣ временъ Екатерины II и проч. Спрашиваютъ одного обывателя:

— Были вы на лекціи (объ электричествѣ)?

— Былъ, да все пустяки... я и раньше все это видѣлъ.

— Гдѣ же?

— Да въ Петербургѣ, въ Зоологическомъ саду! (?)

Такіе слушатели невольно, конечно, могутъ обезкуражить. Но лекторы не унываютъ и намѣрены продолжать свои чтенія. И прекрасное дѣло. Пусть сегодня изъ 10 человѣкъ 6 пойдутъ въ *кабакъ*, а не на лекціи, черезъ 3—4 года навѣрное будетъ обратно.

Да что чтенія, за которыя надо платить! У мѣстнаго адвоката, г. Передольскаго — замѣчательный музей, который за поясъ заткнетъ не только новгородскій, но и многіе. Любитель древности, человѣкъ образованный, развитой, г. Передольскій чуть не все состояніе ухлопалъ въ музей, и теперь больше половины заработка тратитъ на него. Какъ археологъ онъ *жаденъ*, ничего не пропуститъ — что хотя чуть-чуть интересно. Какъ человѣкъ — онъ олицетвореніе радушія... Но спросите: многіе ли новгородцы были у него? Ихъ не интересуется. Прекрасная мысль зарождается у г. Передольскаго: устроить во владычномъ домѣ церковный музей, собравъ все интересное изъ церквей и монастырей губерніи, выдавъ росписки во взятыхъ вещахъ, такъ чтобы владѣльцы, пріѣзжая въ Новгородъ могли провѣрить свое. Это, конечно, заинтересуетъ само духовенство, будетъ полезно обществу (хотя въ будущемъ) и спасетъ отъ гибели многія богатства, находящіяся теперь въ рукахъ людей малосвѣдущихъ и часто уничтожающихъ эти богатства какъ хламъ! Удастся ли г. Передольскому реализовать свою идею?.. А пока вопросъ: мѣстные педагоги, сводили ли вы хотя

разъ своихъ воспитанниковъ въ музей г. Пердольскаго?..

Заговоривши о книгахъ и журналахъ, кстати уже здѣсь коснуться и бывшаго „Новгородскаго Листка“, о которомъ мнѣ уже приходилось не одинъ разъ упоминать въ настоящемъ очеркѣ. Никто, конечно, не будетъ утверждать въ настоящее время, что провинціальныя изданія бесполезны. Напротивъ, всѣмъ ясна ихъ крайняя необходимость. Центральная пресса, имѣющая въ виду всю Россію и дѣйствующая относительно въ широкихъ рамкахъ, можетъ слишкомъ мало удѣлять вниманія провинціальнымъ нуждамъ. Большая газета сегодня поговоритъ объ Орлѣ, завтра коснется Архангельска, черезъ недѣлю помѣститъ небезполезную корреспонденцію изъ Новгорода — и только. Не можетъ же хотя, наприм., „Новое Время“ превратиться въ органъ Новгорода или бы даже цѣлаго сѣвера. А между тѣмъ, каждый уголокъ Россіи — Новгородскій, Орловскій, Архангельскій имѣютъ свои насущныя нужды и чувствуютъ необходимость въ органѣ, который бы посвятилъ всю свою дѣятельность разработкѣ этихъ интересовъ, нуждъ и неустанно докладывалъ о нихъ обществу и государству. Расширяя районъ, придется сказать тоже самое. И у юга и у востока, и у сѣвера — свои собственные вопросы, помимо общихъ, и эти вопросы разрабатывать детально, неустанно имѣть возможность только мѣстный органъ. Вотъ въ чемъ *raison d'être* cadaго провинціального изданія. И пока оно будетъ стоять на этой вѣрной почвѣ, не ширясь за естественныя предѣлы, не превра-

щаясь въ мелкаго сплетника и въ то же время не дѣлаясь какимъ-то сухимъ архивариусомъ, оно будетъ имѣть и значеніе и успѣхъ.

Переходя къ „Новгородскому Листку“, я долженъ сказать, что онъ стоялъ не совсѣмъ на вѣрной почвѣ. „Листокъ“ принялъ направленіе исключительно обличительное, игнорируя совершенно разработку историческихъ и этнографическихъ темъ и сильно удалившись отъ необходимаго типа мѣстнаго органа. Это былъ только бичъ, не щадившій никого „кто заслуживалъ его ударовъ“. Но развѣ это худо? — замѣтятъ мнѣ. „Развѣ тѣ темныя стороны, которыя онъ подмѣчалъ и въ земской, и въ думской, и въ другихъ сферахъ — нужно было закрашивать?“ — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, отвѣчу я. Но, во-первыхъ, „тонъ дѣлаетъ музыку“, а во-вторыхъ — это хорошо какъ одинъ изъ элементовъ, по нельзя только на одно это сводить всю свою дѣятельность. Но что было хорошо въ „Листкѣ“ (конечно, относительно), такъ это его хроника и корреспонденція. Былъ ли полезенъ „Листокъ?“ Безспорно и безусловно. Онъ былъ буенъ и задоренъ, какъ древній ушкуйникъ, но съ этимъ можно было помириться, какъ съ явленіемъ временнымъ, преходящимъ. „Листокъ“ существовалъ всего то только годъ, въ немъ еще ничто не установилось, только первыми шагами объясняется и лишній задоръ; вѣдь надоѣло же бы сидѣть все на одномъ, непремѣнно такъ, потому что къ концу года „Листокъ“ сталъ дѣлаться выдержаннѣе; несомнѣнно, потомъ все вошло бы въ колею, приняло бы болѣе правильное теченіе,

около „Листка“ могли бы сгруппироваться новыя силы и со временемъ онъ приблизился бы къ нормальному типу мѣстнаго органа. Какъ бы ни было, онъ дѣлалъ свое дѣло, былъ для многихъ хорошею уздою и его отсутствіе въ городѣ сказывается результатами, которые наводятъ на грустныя думы. Новгородъ, какъ историческій памятникъ великаго прошлаго, богатый источникъ для изслѣдователя, бытописателя, археолога, пунктъ самый ближайшій къ Петербургу, — изъ всѣхъ сѣверныхъ городовъ является самымъ удобнымъ мѣстомъ для изданія, имѣющаго въ виду интересы и нужды всего русскаго сѣвера. И такой органъ нуженъ (если не въ Новгородѣ, то въ Петербургѣ) для сѣвера, который поставленъ теперь въ такія невыгодныя условія относительно юга. Тамъ „Южн. Край“, „Кіев. Старина“, „Заря“, „Кіевлянинъ“, „Донъ“. „Новорос. Телеграфъ“, Одесскія газеты — да всего и не зачѣмъ перечислять. А на сѣверѣ — ни одного органа. Онъ забытъ, не имѣетъ своего представителя въ хорѣ русской журналистики, и обреченъ на жалкую судьбу — довольствоваться рѣдкимъ вниманіемъ центральной прессы, да заявлять о себѣ десяткомъ писемъ случайныхъ корреспондентовъ ¹⁾.

Перехожу къ городскимъ развлеченіямъ и не думаю, что дѣлаю этимъ какой-нибудь скачекъ. Развлеченія такъ же характеризуютъ степень развитія и просвѣщенія общества. Вѣдь не все рав-

¹⁾ Въ настоящее время въ Ярославлѣ издается „Сѣверный Край“.

но, что забавляетъ людей: серіозная ли опера, или Малафѣевскій балаганъ, соната Бехтовена, или бой пѣтуховъ. Да и вообще, разъ коснешься увеселеній, — задѣнешъ многое, что въ своихъ деталяхъ, можетъ служить характернымъ очеркомъ мѣстнаго общества. Весело или скучно живетъ вообще Новгородъ? Категорично отвѣтить не совсѣмъ легко. Живется въ немъ, какъ и вообще въ большинствѣ губернскихъ городовъ средней руки. Но такъ какъ въ немъ большинство жителей отставные пенсіонеры и вообще люди, поселившіеся ради экономіи, т. е. народъ небогатый, то шумнаго, широкаго веселья въ немъ нельзя и искать. Правда, прежняго, стараго веселья уже давно не знаетъ вообще провинція, такъ какъ дворянство — бѣднѣетъ, купечество — которое заняло его мѣсто по капиталамъ — понимаетъ веселье, какъ безшабашный разгулъ, а чиновничество веселится трактирно. Но все-таки теперь въ однихъ городахъ веселѣе, чѣмъ въ другихъ, что зависитъ отъ того, какой элементъ преобладаетъ. Когда-то, говорятъ, и Новгородъ жилъ весело, а теперь онъ уступаетъ значительно такимъ губернскимъ собратьямъ, какъ Вологда и Ярославль. Если-бы не военные, то въ немъ царилъ бы смертельная скука. Помѣщичій элементъ здѣсь какъ-то мало замѣтенъ, всѣ живутъ скромно и частныхъ баловъ почти совсѣмъ не бываетъ. Жизнь салона, гостиной почти не развита. Можно не обинуясь сказать, что чуть-ли не весь достаточный Новгородъ *винтитъ*. Карты, — это любимое занятіе скучающихъ обывателей. Карты дома, карты въ клубахъ. Убить время есть гдѣ:

клубы—военный, дворянскій и купеческій; затѣмъ артистическій кружокъ, было музыкально-драматическое общество (закрывшееся) и недавно выстроены театр. Временами бываетъ циркъ; лѣтомъ—гулянья въ садахъ, загородныя поѣздки—повидимому развлечения много, и должно быть весело. Но на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такъ. Коснемся всего подробнѣе. Какъ я уже говорилъ, новгородскій лѣтній садъ очень недурень, и имъ можно бы было прекрасно воспользоваться для лѣтнихъ развлеченій. Собственно говоря, мы совершенно не умѣемъ веселиться, мы сочиняемъ именно скуку даже тогда, когда можно отъ души повеселиться. Мы боимся и стыдимся простоты, куда то и за кѣмъ-то лѣземъ, и оттого у насъ все выходитъ натянуто, чопорно и скучно. Отчего не устроить кегли? даже крокетъ? гигантскіе шаги? Есть рѣка и озеро,—отчего бы не устроить гонокъ, нѣчто вродѣ маленькаго яхтъ-клуба?.. Да мало-ли что можно выдумать, если только захотятъ веселиться, не стѣсня себя ненужными цѣпями. Такъ нѣтъ! Въ саду мы умѣемъ только мѣрными шагами расхаживать по аллеямъ, не позаботившись даже о томъ, чтобы въ садъ не проникала всякая рвань, чуть не *золоторотцы*, которые подходятъ къ вамъ съ довольно развязными просьбами о милостынѣ. Вашъ слухъ не гарантированъ отъ нецензурныхъ выраженій. Лѣтомъ въ саду помѣщается Дворянскій клубъ. И вотъ, въ прекрасный лѣтній вечеръ члены его, точно такъ же какъ и въ зимнюю непогодъ, сидятъ и винтятъ. Кеглей не устроено. Играть въ крокетъ—фи, что за развлечение! Это только

можно у себя, дома!.. Есть и гигантскіе шаги въ саду, но на оборванныхъ веревкахъ носится только одна *улица*... Бываютъ гулянья и платныя. Но различіе не велико: иногда вмѣсто одного хора музыки—два, изрѣдка позабавить какой-нибудь заѣзжій, завалавшійся акробатъ, фокусникъ,—и все. Провинціи нужно какъ можно больше простоты, а ея-то и нѣтъ. Да ни о чемъ и не заботятся. Вокругъ города идетъ, напр., прекрасный валъ, мѣстами прерываемый. Держите этотъ валъ въ порядкѣ, обсадите его деревьями, сдѣлайте диванчики, скамьи,—да вѣдь выйдетъ такой роскошный бульваръ, которымъ Новгородъ могъ бы гордиться. Сколько бы мѣста для гулянья, какое бы раздолье дѣтямъ!.. А теперъ? Валъ заброшенъ, осыпается, по немъ бродитъ скоть, перерывы вала не соединены, такъ что, благодаря небольшой канавкѣ, вамъ путь отрѣзанъ: перекинуть мостки,—о, этого не догадаются!.. Не дурень и Лерховскій бульваръ, хотя онъ и не великъ. Но по набережной, пераллельно ему, идутъ мясные и рыбные ряды, отчего часто вамъ приходится вдыхать такіе ароматы, которые и неприяты и вредны.

Зимю, конечно, все развлечение сосредоточено въ клубахъ. Говорятъ, что всѣхъ веселѣе въ военномъ. Не знаю какъ зимой, а лѣтомъ военные устроились дѣйствительно очень мило. Напали маленькій садикъ. Немножко тѣсно, за то мило, чисто, просто и дешево. Свой оркестръ, фейерверки и проч.

Зимой въ клубахъ (кромѣ купеческаго) танцуютъ, хотя и рѣдко. Въ Артистическомъ кружкѣ

ставятъ спектакли. Вѣдь вотъ вамъ фактъ. Когда-то въ этомъ кружкѣ было и весело и хорошо. Помѣщался онъ въ Дворянскомъ собраніи. Читали, пѣли, играли на разныхъ инструментахъ, иногда представляли, танцевали. Было просто, дружно. Вдругъ пришла идея все свести на одни спектакли, — и кружокъ перебрался изъ зданія Дворянскаго собранія въ купеческій клубъ, который прежде помѣщался не въ роскошномъ домѣ, принадлежащемъ купеческому обществу, а въ домѣ Ильчина и носилъ характерную кличку „коптилки“. Въ кружкѣ произошелъ расколъ. Любители музыки отдѣлились и составилось особое „Музыкально-драматическое общество“. Кружокъ сталъ слабѣть. Спектакли представляли изъ себя мало интереснаго. Музыкальное драматическое общество просуществовало не долго и закрылось. Кружокъ еще не закрылся, но близокъ къ тому-же. Немного надеждъ на то, чтобы въ предстоящемъ сезонѣ онъ открылъ свои дѣйствія. Положимъ, возникъ театръ. Но онъ не замѣнитъ кружка, въ томъ его видѣ, какъ онъ начался. Лучшее мѣсто для отдохновенія, — такимъ образомъ исчезло. Теперь зимой въ Новгородѣ только остается театръ и клубъ, а въ послѣднемъ лишь карты и танцы.. Безъ настоящаго театра Новгородъ обходился почти 10 лѣтъ, и вѣроятно ему пришлось бы оставаться безъ театра еще столько же, если бы не предпринчивость артиста г. Мерянскаго. Дума все собралась выстроить каменный театръ и, разумѣется, собиралась-бы до второго пришествія.

Театръ снаружи довольно красивъ, но выстроенъ онъ архитекторомъ г. Воронца. — не совсѣмъ умѣло.

Прежде всего одинъ выходъ. Это неудобно и не безопасно въ пожарномъ отношеніи. Внутренность не представляетъ собою овала, а простую четырехугольную коробку; это даетъ менѣе удобствъ въ зрительномъ отношеніи. Кромѣ того, потолокъ нужно было бы поднять сводомъ подъ крышу — отчего получилось бы больше воздуха и улучшился бы резонансъ.

Каковы дѣла г. Мерянскаго сказать не могу. Самъ г. Мерянскій актеръ безусловно выдающагося таланта.

Нужно замѣтить, что новгородская публика довольно требовательна, что объясняется близостью Петербурга и скоростію сообщенія, съ тѣхъ поръ, какъ выстроена Новгородская чугушка. Кстати о ней.

Дорога возникла въ періодъ увлеченія узкоколейками, за которыя ратовалъ бывший министръ путей сообщенія, графъ Бобринскій. Ходатайство о концессіи началось весною 1870 г., 24-го апрѣля того же года состоялось разрѣшеніе, а 10-го декабря былъ утвержденъ планъ направленія, опредѣлившій длину въ 68,05%. Основной капиталъ общества (дѣло было начато петербургскимъ купцомъ Варгунинимъ и вѣнскимъ банкирскимъ домомъ Вейкерлеймъ и К^о) сперва былъ опредѣленъ въ металлической валютѣ (1.682,000 р. м., т. е. 24,377 р. с.), а затѣмъ она измѣнена въ кредитную; 1.682,000 мет. превратилась въ 1.953,079 кредит., распределенныхъ на 19,530 акцій, по 100 руб. каждая.

Къ 18-му мая 1871 г. дорога была выстроена

и началось движеніе по ней, при чемъ линія кончалась Новгородомъ. Открытіе 2-го уч. до Русы. состоялось только въ 1878 г.

Переходя на экономическую почву, я долженъ сказать, что Новгородская дорога одна изъ бѣдныхъ линій и въ ряду другихъ, относительно перевозимыхъ товаровъ, занимаетъ незавидное мѣсто. Хлѣбное движеніе, служащее однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода на всѣхъ дорогахъ, на Новгородской крайне слабо. Заводовъ и фабрикъ мало. Губернія богата лѣсомъ, лугами и торгуетъ дровами. Но лѣсныя дачи, по большей части далеки отъ линіи, да и опаснымъ соперникомъ дорогъ является водный путь, каковымъ и сплавляется главное богатство губерніи. Сѣна и соломы идетъ больше по узкоколейкѣ, чѣмъ лѣса, — но однако не свыше 1.150,000. Овса, льна, ивовой коры совсѣмъ немного. Скота около 2,000 шт. крупнаго и 30,000 мелкаго. И здѣсь съ успѣхомъ конкурируетъ водное сообщеніе, при помощи котораго на баркахъ сплавляется масса сѣна, льна, овса... Съ весны идутъ уже уромы дровъ и бревенъ, а потомъ сѣннухи, строящіяся очень оригинально... Отправляютъ сѣно, овесъ и др. продукты по чугункѣ — возможно лишь при высокихъ цѣнахъ. При паденіи же цѣны, по словамъ г. Золотницкаго, мелкіе торговцы, отправляющіе свой товаръ исключительно по желѣзной дорогѣ, задерживаются отъ скупки партій на мѣстѣ, а крупные торговцы, задерживаютъ грузы до навигаціи, чтобы не платить расходовъ по подвозкѣ товаровъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Расчетъ ясный:

при небольшомъ разстояніи до Петербурга указанные накладные расходы, сост. 3 коп. на пудъ, ложатся тяжело на всю стоимость перевозки; между тѣмъ, при отправленіи грузовъ водою эти расходы сильно уменьшаются.

О пассажирскомъ движеніи по Новгородской дорогѣ нечего и говорить. Оно вообще довольно мало, а лѣтомъ, т.-е. во все время навигаціи — и совсѣмъ слабо. Это и понятно. Какъ ни плохи порядки на пароходахъ г. Забѣлина, все же большинство публики основательно предпочитаетъ пароходы. Пароходы совсѣмъ бы забили узкоколейку, если бы не бури, вслѣдствіе которыхъ сообщеніе по Ильмену часто затрудняется.

Новгородцы крайне обижены тѣмъ, что ихъ обошла Николаевская дорога. Предписавъ науровненіе дороги вліянію П. П. Мельникова, они сожгли портретъ послѣдняго публично на городской площади. Впрочемъ, они во всемъ видятъ обиду. Когда провели телеграфъ въ Новгородъ, нѣкоторые вломились въ амбицію, — «почему-де одна проволока, когда между Москвой и Петербургомъ ихъ нѣсколько?»

— Да тамъ для разныхъ пунктовъ, — говорятъ имъ.

— Нѣтъ, не обманете, просто потому что для провинціи, такъ и живетъ!

ХІІІ.

Изъ прогулокъ по Новгороду.—Церкви—единственные памятники старины.—Церковь „На пропастѣхъ“.—Самопогребеніе.—Парама Сибирячка.

Помимо церквей и монастырей наша старина не оставила послѣ себя почти никакихъ образцовъ тогдашняго зодчества. Европейскіе города полны разнаго рода общественными памятниками, съ которыми связаны историческія событія, преданія и легенды. Старая же Русь, движимая благочестіемъ, сооружала только храмы, а объ общественныхъ частныхъ зданіяхъ она мало заботилась. Если что и осталось отъ старины, такъ это именно церкви; изъ остальныхъ памятниковъ, которыхъ и вообще-то немного, почти ничего или очень мало сохранилось, благодаря нашему равнодушію или, говоря прямо—нашему невѣжеству. Это невѣжество заблывало, закрашивало драгоценную живопись, или уничтожало чуть не на дрова зданія, которыя бы просвѣщеніе берегло какъ зеницу ока. Напримѣръ, на Софійской сторонѣ, недалеко отъ теперешняго Лѣтняго сада, находился домъ Марѣи Посадницы. Это мѣсто купилъ одинъ купецъ въ то время, когда еще тутъ сохранялись остатки историческаго дома съ

характерной галлереей той эпохи. Нечего и говорить, что за границей владѣлецъ такой драгоценности хранилъ бы ее, обратилъ бы даже въ статью дохода. Но русскій человѣкъ уничтожилъ и послѣдніе остатки стариннаго памятника. Ему сказали:

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? вѣдь это для всѣхъ интересно!

— Да я потому и сломалъ, что всѣхъ интересовало: ходять смотрѣть, мѣшаютъ только,— отвѣтилъ онъ.

Или вотъ еще примѣръ:

Въ какомъ-то историческомъ зданіи, очень древнемъ, помѣстили что-то въ родѣ пріюта бѣдныхъ старухъ. Была въ этомъ зданіи замѣчательная лѣсенка. Ее сломали только для того, чтобы удобнѣе проходить съ ведрами!

Удивительно ли послѣ этого, что такъ мало памятниковъ старины сохранилось до нашего времени!

Кстати небольшая замѣтка. За границей въ большинствѣ случаевъ назначена опредѣленная плата за осмотръ достопримѣчательностей, и въ каждомъ мѣстѣ есть свой особый живой путеводитель (при обиліи путеводителей книжныхъ) въ лицѣ сторожа или кого-нибудь другого. У насъ совсѣмъ не то: печатныхъ гидовъ мало или почти нѣтъ совсѣмъ. Во многія мѣста безъ рекомендаціи понасть вовсе нельзя. Затѣмъ почти вездѣ нѣтъ лицъ, на которыхъ лежала бы обязанность показывать туристамъ тотъ или другой историческій памятникъ. Отъ этого осматривать и крайне неудобно, и часто крайне дорого. Напримѣръ,

чтобы осмотрѣть ботикъ Екатерины, одно лицо должно было приѣзжать три раза, ибо сторожа не оказывалось на мѣстѣ. Вы хотите осмотрѣть Спасъ-Нередицу. Ёдете. Но дома ли священникъ? А если онъ уѣхалъ въ городъ? Онъ дома. Но, идя съ вами въ церковь—за полверсты, онъ оказываетъ вамъ любезность, на которую никто его не обязываетъ. Понятно, что ему вы не можете заплатить столько, сколько бы дали толковому сторожу. Вотъ вамъ даже маленький курьезъ. Одинъ нѣмецъ пожелавшій осмотрѣть нѣкоторые монастыри и церкви, поставленъ былъ въ неловкое положеніе. Стѣсняясь заплатить прямо, онъ считалъ предложеніе отслужить молебень за извѣстнаго рода предлогъ получить что-нибудь, и вездѣ отвѣчалъ согласіемъ.

Разновременно мнѣ пришлось посѣтить многія церкви. Не вдаваясь въ излишнія подробности, какъ раньше, при обзорѣ болѣе крупныхъ памятниковъ старины, познакомлю читателя въ общемъ наброскѣ съ тѣмъ, что еще уцѣлѣло отъ стараго Новгорода и о чемъ я еще не говорилъ.

Недалеко отъ церкви Тихвинской Божіей Матери (на Софійской сторонѣ) находится небольшой храмъ въ честь св. Пантелеймона, гдѣ подъ спудомъ почиваетъ Николай Кочанный, по преданію—ходившій по водѣ, какъ по сушѣ. Здѣсь, въ придѣлѣ Дмитрія Ростовскаго, сохраняется современный портретъ этого святого, подаренный имъ самимъ одному изъ своихъ друзей. Въ Пантелеймоновской оградѣ когда-то стоялъ величественный Яковлевскій соборъ, основанный

въ XII вѣкѣ и уничтоженный лѣтъ 40 тому назадъ. Въ этой мѣстности прежде считалось около 20 церквей, но изъ нихъ сохранились очень немногія. Остались двѣ: Фрола и Лавра на Людгощѣ съ высокою колокольнею и Ѳедора Стратилата. Въ первой изъ нихъ находятся мощи дѣвицы Гликеріи и нѣсколько замѣчательныхъ вещей, какъ-то: видъ древняго Новгорода во время осады его суздальцами въ 1170 году и *райское дерево*—рѣзной деревянный крестъ, изъ надписи на которомъ видно, что онъ существуетъ съ 1359 года. Церковь Ѳедора Стратилата, относящаяся къ XVII вѣку, ничѣмъ особенно не замѣчательна, если не считать нѣкоторой старинной утвари.

За городскимъ валомъ, на Неревскомъ запольѣ стоятъ два женскихъ монастыря: Духовъ и Звѣринъ. Первый, основанный въ XII в., былъ сначала мужскимъ и переименованъ въ женскій только въ концѣ прошлаго столѣтія. Кромѣ Троицкой церкви (XVI в.) никакихъ другихъ древнихъ зданій въ этомъ монастырѣ не сохранилось. Монахинь около 100, обитель очень богата. Звѣринскій монастырь—одинъ изъ трехъ когда-то бывшихъ въ этомъ мѣстѣ. Два давно уже упразднены, равно какъ разобрана церковь Лазаря, славившаяся необыкновенно богатою старинной живописью.

Покровскій монастырь получилъ названіе Звѣринаго, потому что построенъ на мѣстѣ княжескаго звѣринца, существовавшего еще въ XII в. (I. Нов. Лѣт., стр. 10). Старины въ этомъ монастырѣ не сохранилось кромѣ церкви Симеона

Богопріимца, выстроенной въ 1467 году по случаю моровой язвы, отъ которой погибло около 48.000 человекъ. Невдалекъ отъ монастыря, на берегу Волхова—храмъ Петра и Павла (XV в.).

Къ древнимъ же церквамъ относится и церковь во имя двѣнадцати апостоловъ, „на пропастьхъ“, устроенная въ XIV в. По рассказамъ одного старца, во время морового повѣтрія здѣсь была вырыта одна большая яма, въ которой и погребались умершіе. Это происходило довольно оригинальнымъ образомъ. Заболѣвавшій приходилъ сюда, ложился на доску, у края ямы, и умиралъ. Слѣдующій—сталкивалъ трупъ въ яму и занималъ его мѣсто. Случалось, сталкивались въ могилу еще заживо,—ждать было некогда. Теперь эта церковь совсѣмъ заброшена, хотя и сохранила слѣды древней архитектуры и живописи.

На Софійской же сторонѣ находится женскій Десятинскій монастырь, основанный матерью Александра Невскаго. Здѣсь погребена извѣстная Параша Сибирячка (Елизавета Луналова), умершая въ монастырь послушницею, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

И хотѣлъ посмотреть ея могилу, но къ сожалѣнію, никто не могъ мнѣ указать ее. Многимъ монахинямъ даже совсѣмъ неизвѣстно о томъ, что на ихъ кладбищѣ погребена эта дѣвушка, прославившаяся безграничной любовью къ отцу, посланному въ Сибирь.

Въ сторону отъ Десятинскаго монастыря, въ концѣ Сѣнной площади, стоитъ небольшая Власіевская церковь, въ которой священствовалъ св. Іоаннъ.

На Торговой сторонѣ осталось также немало древнихъ церквей. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаютъ—Ильинская въ Славнѣ на Холму и Петро-Павловская, основаніе которой теряется въ глубокой древности. Но достопримѣчательностей въ обоихъ церквахъ почти никакихъ не сохранилось. На Славнѣ же находится Владимірская часовенка, съ иконою Божіей Матери, явленною въ печкѣ, отчего и самая часовня называется Печерскою. Вблизи Знаменскаго собора стоитъ церковь Преображенія Господня. Замѣчательная по своимъ фрескамъ, она, согласно Іоакимовскому лѣтописцу, существовала еще до введенія христіанства въ Новгородъ, и сюда собирались на молитву немногіе прозелиты новой вѣры.

XIV.

Последнее сказаніе.—Прошлое и настоящее Новгорода.—Послѣдите въ историческую колыбель. — О. Н. Чюмина о вѣчевой городѣ.—Заключеніе.

Прошлое умерло. Новгородъ — вѣчевой, богатый, сильный — давно кончилъ свою жизнь и, какъ актеръ, сыгравшій роль, сошелъ со сцены. Остался Новгородъ — кладбище, полное памятниковъ и преданій, остался городъ воспоминаній, славный въ прошломъ, а теперь — губернской городъ, какихъ много на Руси и среди которыхъ онъ занимаетъ совсѣмъ невидное мѣсто. Если современный Новгородъ имѣетъ еще какое-нибудь значеніе послѣ того, какъ онъ обойденъ даже Николаевской дорогой, то только еще потому, что онъ — административный центръ. Насколько это удобно, видно уже изъ того, что онъ удаленъ отъ одного края губерніи на 90 верстъ, а отъ другого — на 650. Въ немъ теперь около 20.000 жителей, занимающихъ пространство въ 1.370 десятинъ, а когда-то считалось болѣе 60.000 гражданъ. Единственное преимущество города, что въ немъ жить не тѣсно и при небольшомъ вниманіи къ гигиенѣ — здорово. Если прибавимъ, что

квартиры не дороги, и жизнь вообще также не дорога, то будетъ понятно, почему сюда стремятся всѣ люди небогатые и отставные. Но за то комфортъ еще чуждъ Новгороду. И квартиры дешевы только тѣ, которыя съ точки зрѣнія цивилизаціи совершенно неудобны. Большинство самый примитивный комфортъ считаетъ роскошью и не потратить на эту роскошь гроша, хотя въ то же время еще долго будетъ жить по старому.

Древній Новгородъ умеръ, но памятники его славы еще живы. Не всѣ, — но живы. У кого есть и время и средства, тѣмъ я совѣтую заглянуть въ Новгородъ. Въ немъ много поучительнаго и интереснаго. Время безжалостно уничтожаетъ все. Ему помогаютъ равнодушіе и невѣжество. И кто знаетъ — быть можетъ, недалеко уже тѣ дни, когда отъ древняго города не останется и слѣда. Кто любитъ Русь и хочетъ знать ее, — пусть поспѣшитъ въ историческую колыбель. Сразу она не понравится. Удручающее впечатлѣніе произведетъ она. Но останьтесь, присмотритесь со вниманіемъ къ остаткамъ древняго города, воскресите въ памяти бывшее — и дума охватитъ васъ. И чѣмъ больше вы будете всматриваться, тѣмъ дороже станетъ вамъ все прошлое. А прошлое научаетъ пониманію настоящаго, научаетъ трезвой правдѣ, владѣя которою нельзя гоняться за грандіозными миражами. Когда будете оставлять городъ, — вамъ невольно придетъ на память прекрасное стихотвореніе О. Н. Чюминой, которая, кстати сказать, родилась въ Новгородѣ:

Великій Новгородъ! тебя ли предъ собой
 Я вижу навсегда съ поникшей головой?
 Ты-ль это исполниль, когда-то величавый,
 Гремѣвшій далеко богатствами и славой,—
 Стоишь развѣнчаннѣй? И храмы лишь одни
 Напоминаютъ намъ твои былые дни.
 Святая Софія! Отъ этихъ чудныхъ словъ
 Какъ билась радостно сердца твоихъ сыновъ;
 А мы, внимая имъ, съ улыбкой сожалѣнья,
 Читаемъ лишь однѣ страницы разрушенья
 Когда-то гордыхъ стѣнъ и башенъ боевыхъ—
 Величья пражняго свидѣтелей нѣмыхъ!

И молча ты стоишь, какъ намятникъ унылый,
 Надъ этой славною, безвременной могилой,
 И только Волховъ—твой старѣйшій, лучший сынъ—
 Къ тебѣ по прежнему ласкается одинъ.

Я кончилъ.

Многого я не коснулся, иное просмотрѣлъ, не
 избѣгъ ошибки. Я самъ знаю, что пропущено
 много. Я не говорилъ о томъ, о чемъ считалъ
 неудобнымъ, что отдаляло меня нѣсколько отъ
 прямой задачи и увеличило бы безмѣрно мой
 очеркъ. А теперь закончу наброски словами лѣ-
 тописца — монаха Лаврентія: „Господа отцы и
 братья! Оже ея гдѣ буде описалъ, или переписалъ,
 или не дописалъ: чтите исправливая Бога
 ддя, а не кляните, за чеже книги ветшаны, а
 умъ молодъ, не дошелъ“.

1886 г.

О П Е Ч А Т К И:

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
18	свер. 16	Это	— Это
20	снизу 1	Буроковскимъ.	Бураковскимъ.
37	свер. 6	спросили	спросилъ
40	„ 20	у многихъ	у многихъ
—	„ 24	апращено.	запращено.
48	снизу 11	церкви.	Церкви.
55	свер. 5	Въ немъ	Въ старцѣ
67	снизу 13	ошибается,	ошибется,
105	„ 1	ужаснулась	воскликнула
122	„ 1	Покойный И. П.	Покойный И. К.
133	свер. 2	что	что
139	снизу 16	приведенныя	приведенныя

- *Рыцые разказы. Ц. 1 руб.
 *Еще въ царствѣ зятрей. Разказъ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
 *Вечерне досуги. Разказы и стихотв. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 *Забыдунн. Разказы и очерки. Изд. 3-е. Ц. 1 руб.
 *Иванушна-дурочонъ. Сказка въ стихахъ. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
 *Дѣти лѣсовъ. Повѣсть изъ сѣв. быта. Ц. 1 руб.
 *Иванъ Ивановичъ и Номп. Повѣсть. Изд. 3-е. Ц. 1 руб.
 *Большанъ. Повѣсть. Изд. 6-е. Ц. 60 к.
 *Полканъ Собаневичъ. Повѣсть въ 2-хъ част. Изд. 2-е. Ц. 1 руб.
 *Котофей Котофевичъ. Повѣсть. въ 2-хъ частяхъ Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
 *Приключенія Мишки Топтыгина. Повѣсть. Съ иллюстраціями А. С. Степанова. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.
 *Изъ золотого дѣтства. Повѣсть. Изд. 3-е. Ц. 1 руб.
 *За чужимъ горбомъ. Повѣсть. Изд. 3-е. Ц. 80 к.
 *Разными дорогами. Романъ для юношества. Изд. 2 е. Ц. 1 руб.
 *Приключенія Спиридона. Повѣсть для юношества. Съ рисунками А. И. Сударушкина. Въ роск. переплетѣ. Ц. 3 руб.
 *Счастье. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 1 руб.
 *Всякому гвоздю свое мѣсто. Пов. для дѣтей старш. возр. Изд. 2-е. Ц. 1 руб.
 *Часы отдыха. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
 *Жизнь русской жизни. Очерки. Изд. 2-е. Ц. 60 к.
 *Добримъ дѣтямъ. Разказы и повѣсти. Ц. 1 р. 25 к.
 *Даленое Рождество. Разказъ. Ц. 30 к.
 *Генеральный поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова. Съ рисунками. Изданіе 4-е. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.
 *Дѣтямъ. Стихотворенія. Съ двумя портретами и факсимиле автора. Изд. 2-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.
 *Дома и на дворѣ. Собраніе игръ. Ц. 30 к.
 *Повращенія Зины. Повѣсть. Ц. 40 к.
 *Все пріатели. Разказы. Ц. 30 к.
 *Первое говѣнье. Разказъ Ц. 40 к.
 *Веселые глаза. } Ц. 2 р. 50 к.
 *Мало-по-малу. } Ц. 1 р. 25 к.
 *За мной, дѣтнн! } Для сам. мал. дѣтей. Ц. 1 р. 25 к.
 *Румяныя щечки. } Ц. 1 р. — к.
 *Новая звѣздочка. Три разказа. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.
 *Маленькимъ читателямъ. Разказы и стихотворенія для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. М. 1898 г. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.
 *Утро. Три разказа для дѣтей школьнаго возраста. Съ рисунками Н. Н. Ольшанскаго. М. 1899 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.
 *Жизнь. Разказы для дѣтей. Съ рисунками. М. 1901 г. Цѣна 40 к., въ папкѣ 55 к.
 *Пальмовая вѣтвь. Сборникъ разказовъ и стихотвореній. Съ рисунками. П. Ф. Яковлева. М. 1901 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

Красный звонъ. Сборникъ разсказовъ
сунками. П. Ф. Яковлева. М. 1901 г.

*Падэръ и Одэ. Повѣсть изъ вырваннаго
Ц. 30 к.

*Сердобольныя. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками
Ц. 25 к.

Отмѣченныя звѣздочкою (*) одобрены и
Мин. Нар. Просв.

СОЧИНЕНІЯ АННЫ ДОГАН

*Омна-дуранъ. Разсказъ для дѣтей. Изд. 1-е.
1899. Ц. 25 к., въ панкѣ 35 к.

*Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ.
Литвиненко. Изданіе 2-е. М. 1902. Ц. 40 к.

*Старые и малыя. Сборникъ разсказовъ для
возраста. Съ рисунками Н. Н. Ольшанскаго.
1902. Ц. 40 к., въ панкѣ 55 к.

Печальныя земли Русской. Историческая повесть
В. Г. Курчevesкаго. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. 40 к.

*Ермакъ, покоритель Сибири. Для школьнаго
Съ рисунками В. Г. Курчevesкаго. М.

Любимчикъ. Исторія одного попугая.
рисунками П. Ф. Яковлева. М. 1901 г.

Маша. Повѣсть. Изд. 3-е. (А. Доган)
Ц. 40 к.

Васильки. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками
Отзывчивыя сердца. Разсказы для дѣтей

измѣненное изданіе книги „Въ кругу дѣтей“
*Пѣсенки маятника и другіе разсказы. Съ
Ц. 40 к.

Отмѣченныя звѣздочкою (*) одобрены и
Мин. Нар. Просв.